

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Абдухаким ФАЗИЛОВ
Раим ФАРХАДИ
Лариса ЮСУПОВА

И. о. главного редактора
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Шавкат ВАЛИЕВ

Редактор
Елена ЮРЧЕНКО

Республика Узбекистан
Ташкент

Евгений АБДУЛЛАЕВ

проза

ПРОСНУТЬСЯ В ТАШКЕНТЕ

Рассказ

Представить в своей однокомнатной на Бодомзаре почтенное туристическое семейство я не мог. После маминого отъезда квартира стояла пустой, накапливая пыль и счета за свет и воду, которые просовывали под дверь. Отец сублимировал мамино отсутствие трудовыми подвигами в родном Узавоттрансе, хата была ему по барабану. Мне – тем более: я как раз ходил в женихах у одной журналистки с собственной квартиркой и гибкими взглядами на брачные отношения.

ЛАРИСА ЮСУПОВА

мир глазами детей

Ведь надо же когда-нибудь жениться...

Вот как-то раз Бабаку осенило:
«Ну как же я из виду упустила!
Не может больше Господин
Жить на земле совсем один.
Молчать весь вечер иль читать
И до утра всю ночь вздыхать.
Наверное, пришла пора влюбиться,
Ведь надо же когда-нибудь жениться».

Владимир КАРАСЕВ

философия искусства

ПАЛИТРА ХУДОЖНИКА

Он одарён сильным воображением, тонким эстетическим чутьём, способностью смело рисовать и конструировать картину неожиданными пятнами красок... его интеллектуальная доминанта: осознание впечатлений, формирование представлений и понятий, рассуждение, уподобление, утверждение, отвержение, формирование объектов и воображение...

проза

Зульфикар МУСАКОВ

СВИНЕЦ

Повесть

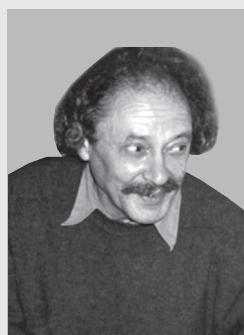
Рисолат, дрожа от холода, некоторое время стоит во дворе, потом медленно, со слезами на глазах идет на работу. Вдруг, на пороге, она о чем-то догадывается, поворачивает голову и бежит по мокрой улице за машиной Умара.

– Умар-ака! Стойте! Я все поняла! Я буду ждать вас!!!

Рисолат падает в мокрый снег и горько плачет.

возвращение к читателю

Василий БЕТАКИ

Блики времени

Вся-то сущность стихов нынче в том,
Что описаны листья и корни,
Что проблема «про что» незаметно куда-то ушла...
А вот вечное «как» –
Пробивается к власти над строчкой упорно...
Содержание сделалось мифом,
Оживающим лишь, когда форма
Вдруг разбудит его...
И насмешливым локтем спихнёт со стола!

НОВЫЕ ИМЕНА

Борис БЕРЛИН

ЗАПОМНИ МЕНЯ РЫЖЕЙ

Рассказ

Женщины у меня были всегда, чего уж там. Не то, чтобы каждый день другая, но...в общем, были. Разные. Правда, потом, когда я с ними или они со мной, в общем, мы с ними расставались, задним числом я обнаруживал в каждой из них что-то от Тамары – моей жены. И это вызывало у меня нечто вроде снисходительного умиления и, если хотите, некоего налета псевдоверности. Изменяю, да, но ведь как похожа!..

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

- Альбина Маркевич. И пусть никто... не догадается... 64
Марта Ким. Я хочу, чтоб музыка звучала... 110

ПЕРЕВОДЫ

- Омар Хайям. Рубаи. Перевод Р. Фархади. 41
Джаббар Халил. Рассказы. Перевод с узбекского И. Матич. 96
Эркин Вахидов. Шуты с умом... Перевод с узбекского
Н. Ильина. 98

ПОЗДРАВЛЯЕМ

- Бах Ахмедов. Мгновенья жизни... (К 85-летию А. Маркевич). 62
Андрей Слоним. Полет души. (К 85-летию О. Бордовского). 75
Якуб Ходжаев. Три встречи с марсианкой и сто телефонных звонков. (К 75-летию С. Файзиевой). 88

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Саодат Камилова. Рассказ-антиутопия в современной узбекской литературе. 38
Гульноза Одилова. Воссоздание образных значений в художественном переводе. 100

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

- Василий Бетаки. Блики времени. 30

ПРОЗА

- Зульфикар Мусаков. Свинец. Повесть (окончание). 6
Владимир Васильев. Ок-Жетпес. Повесть. 43
Евгений Абдуллаев. Проснуться в Ташкенте. Рассказ. 126

КАРАВАН ИСТОРИИ

- Рубен Назарьян. Первопроходцы. 103
Наргиза Хасанова. Роль согдийцев в ретрансляции художественных идей времени. 107

НОВЫЕ ИМЕНА

- Борис Берлин. Запомни меня рыжей. Рассказ. 67
Милана Елизарова. Возможность невозможного... Рассказ. 118
Ойгуль Батинова. Рассказы. 141

МИР ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

- Олег Бордовский. Гадкий утенок. 77
София Файзиева. К солнцу тянется подсолнух... 94
Лариса Юсупова. Ведь надо же когда-нибудь жениться... 112

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- Владимир Карасев. Палитра художника. 34
Елена Пагиева. Воздушные мосты Баходира Джалолова. 83
Саидамин Бакиев. Человекология. 148

На 29, 40, 102, 117, 147 страницах журнала афоризмы Градиана Ли.

На 2-ой странице обложки картины Баходира Джалолова.

На 3-ей и 4-ой страницах обложки картины Радика Азизова.

Звезда Востока

2015 № 3

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
06.09.2007 г.

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Мадина Абдуллаева

Подписано в печать 8.09.2015.

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 12,60. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 670 экз. Заказ

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТД «Укитувчи».

г. Ташкент, Юнусабадский район,

ул. Янги шахар, д. 30

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.

Набор текста в любом формате с
приложением электронного варианта
и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.

Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

Поздравляем с 24-й годовщиной независимости Республики Узбекистан!

Независимость для нас имеет огромную, ни с чем не сравнимую ценность и значение. Ее обретение стало поистине судьбоносным событием, в корне изменившим смысл и содержание нашей жизни, открывшим новую страницу в истории Узбекистана, освободившим нашу Родину и народ от оков бывшего тоталитарного строя. Благодаря ей, будучи полноправным членом мирового сообщества, мы получили возможность пойти по пути строительства национального демократического государства, создания для нашего народа никому и ни в чем не уступающей благополучной жизни.

Вне всякого сомнения, независимость навечно останется в нашей истории. Именно она открыла нам путь для возрождения наших ценностей, религии, чести и достоинства, пробуждения национального самосознания, формирования нового общества, созидания такого будущего, которое отвечает интересам нашего народа, его надеждам и устремлениям.

** * **

Хотелось бы, чтобы мы всегда помнили одну истину. В основе достигнутых нами за двадцать четыре года независимого развития огромных успехов, нашего все возрастающего процветания и благополучия, чувства удовлетворенности жизнью у наших людей, прежде всего, лежат самоотверженный труд, огромный интеллектуальный и созидательный потенциал, непоколебимая воля нашего народа, который сохраняет, как зеницу ока бережет мир и спокойствие в стране и воспитывает в духе этих благородных ценностей подрастающее поколение.

**Из выступления Президента
Ислама КАРИМОВА на
торжествах, посвященных
двадцатичетырехлетию
независимости Республики
Узбекистан**

проза

**Зульфикар
МУСАКОВ**

Кинорежиссер, сценарист. В 1989 г. окончил высшие курсы сценаристов и режиссеров. Автор многочисленных фильмов и телесериалов, получивший приз за лучший сценарий на Фестивале национального кино Узбекистана и многочисленные призы за сценарий фильма «Свинец».

СВИНЕЦ

Повесть¹

СИРОТИН

Так я снова об Алешке. Мама Алешки, Ольга Викторовна, была классической женой советского военного. Выйдя замуж за веснушчатого светловолосого капитана, сбившего на своей «эйркре» двенадцать немецких асов, она уже после войны налетала с вместе с ним столько же часов – доказано, что все жены летчиков во время их полетов теряют столько же нервов и веса. Годы жизни по гарнизонным городкам от Коттбуса в Германии до аэродромов на Дальнем Востоке, а самое главное – вечная тревога за мужа, четко определили ее отношение к выбору вуза для сына. Хоть в сельхозакадемию, хоть на ветеринара, хоть в театральный, но не в летное училище! Никогда! И когда Алешка успешно сдал экзамены на журфак, радости Ольги Викторовны не было предела. Все шло хорошо: мужа к тому времени взяли в генштаб ВВС, уже совсем заякорились в Москве, сын заканчивал учиться на журналиста.

И тут на тебе, катастрофа!

И вся беда из-за этой «...тошей, нишей жидовки, ничего ни сзади, ни спереди! Она же старше на четыре года моего Алешеньки!» Любимого мужа прямо у генсека настиг инфаркт, сын бросает работу далеко не в последней газете страны «Труд» и устраивается официантом в ресторан «Арагви», вся их жизнь покатила под откос... Горе Ольги Викторовны было безутешным. Но она нашла в себе силы предпринять контрмеры. Во-первых, она приказала персоналу госпиталя не пускать Анну к тестю. Во-вторых, позвонила насмерть перепуганной Фаине Каганович и пригрозила той, что времена ее могущественного родственника прошли, и чтобы ее дочка срочно забрала свое заявление из ЗАГСа, иначе искать ей свою дочь на Колыме.

Алешка пришел к отцу в тот же день и выдал сквозь слезы:

– Папа, ну хочешь, я разведусь с ней?

Генерал крякнул:

– Поздно уже! Хрен ты моржовый, мелко порезанный! Раньше надо было думать! Иди отсюда!

На следующий день к отцу, преодолев строжайший кордон охраны, мощные заслоны медсестер и врачей, партизанскими путями (в израильской разведке МОССАД ей бы цены не было!!) прямо в генеральскую палату пришла Анна. Она молча положила на тумбочку генералу фаршированную рыбу-фиш и холодную водку в грелке, а потом на глазах у онемевшей от такой наглости Ольги Викторовны быстро открыла окно палаты, залезла на подоконник (шестой этаж!) и тихо произнесла:

– Я Анна Каганович, да, я еврейка, но я люблю вашего сына больше жизни и сделаю из него счастливого человека. Если вы не благословите нас, я сейчас выброшусь...

¹ Окончание. Начало в журнале «Звезда Востока» № 2 за 2015 г.

С Ольгой Викторовной случился обморок. Пока медсестры возились с ней, Анна быстро испарилась. До сих пор неизвестно, что повлияло на отца: дерзость Анны, ее фаршированная рыба или водка в грелке.

Наверное, все сработало одновременно. На следующий день грозный генерал вызвал к себе сына, плачущую Ольгу Викторовну и испуганную Анну. Он изрек главную директиву:

– Ладно, хрен с вами. Анна, бери блокнот и записывай!

Анна достала уже приготовленный блокнот. Генерал усмехнулся:

– Ишь ты! Оперативно работаешь. Ладно, записывай мои вводные:

1) Вздумашь увести его в свой Израиль – я лично разбомблю твой Тель-Авив к едрене фене. Я не шучу – вся ваша земля обетованная меньше Московской области, один вылет моей эскадрильи – и твоя историческая родина исчезнет с политической карты мира!

2) Внукам давать только русские имена, крестить можно, но дома, а не в церкви, не забывай, что я коммунист .

3) Никаких обрезаний! Знаю я вас, у вас по вашим талмудам , если мать еврейка, то пиши пропало – на семь колен все жидами будет! Я не антисемит, у меня вон даже друзья есть евреи, но это совсем другое дело, короче, поменьше еврейского на столе и в жизни, хотя рыбу ты готовишь на славу.

4) Это не записывай: Алешка мой – ведомый, он привык всю жизнь жить в спарке, так что, Анна, на глассе держи курс твердо!!! За тобой Алешка и весь русский народ!

Анна покорно выслушала завешание своего свекра, а потом сделала такой ход конем, что от таких слов, может быть, даже Йозеф Геббельс пустил бы слезу и перестал бы быть антисемитом. Анна сказала:

– Папа, я завтра иду в церковь принимать православную веру. А внуки ваши не будут обрезаны и будут носить вашу славную фамилию... Я никогда не была в Израиле и не буду там никогда...

Генерал был повален на обе лопатки. Ольга Викторовна упала в обморок во второй раз... Через год после того, как генерал Николаев вроде оклемался, сыграли свадьбу. Скромную, по специальным пропускам свадебку человек на триста, в ресторане Кремлевского Дворца съездов – это уже Леонид Ильич расчувствовался и сделал своему большому другу такой подарок.

Через год генерала все же окончательно добил второй инфаркт.

На сороковины любимого папы и свекра Алешка и Анна поставили на Новодевичьем кладбище надгробие из голубого гранита с рисунком «СУ-19» в облаках. Так завешал генерал. Один раз Анна видела, как к могиле друга на своей американской машине подъехал Сам и долго сидел на скамеечке... Короче, Анна выполнила указы своего свекра на все сто процентов. Ольга Викторовна теперь души не чаяла в своей невестке – та сдувала с Алеши пылинки, хотя в доме с появлением Анны пыль, как таковая, исчезла вообще, и они со свекровью поразительно быстро нашли общий язык.

Алешка любил Анну до безумия. Он и сейчас ее ревнует ко всем старым, толстым и глупым американцам, особенно к евреям. Они прожили в Москве до 82 года. За время их супружества я несколько раз вытаскивал его из драк за чей-то нечаянно кинутый взгляд. Однажды из-за него получил от мужика-матроса по морде, еще и в милицию с ним попали.

Сейчас Анне оставалась печальная миссия – нежно проводить в последний полет на небеса ее единственного любимого Алешеньку...

Мне было ее искренне жаль. Таких женщин и мужчин практически нет.

Во всяком случае, я не встречал. Сейчас лечу к ним.

– Я завидую твоему другу..

– Я тоже всю жизнь радовался за Алешку...

МОЙ ДРУГ УМАР

– Бог в помощь...

На пороге стоял Рим Марлен.

– Да...

– Слушай, Рим, я в этом деле человек новый... А почему людей берут именно ночью, под самое утро? Ну, на фронте было ясно, а здесь почему?

– Ну... Застаем врага врасплох... Еще тепленького, это имеет большой психологический

эффект... Да и шуму поменьше, соседи-то спят. И чтоб не сбежали.

Умар глядел в одну точку:

– Куда они сбегут? Куда сбежал бы академик Золленберг или писатель Рихсибой Чори? От своего дома и от своей семьи? На бандитскую хазу? А соседи не спят, у нас люди давно не спят – они как услышат звук машины, так трясутся всю ночь.

Рим Марлен спокойно заметил:

– Это здорово действует на их жен и детей, перепуганных насмерть, на их старых родителей, если они есть... Ты так хочешь сказать?

– Да!

Рим Марлен заговорил каким-то незнакомым голосом:

– Умар, ты мне друг... Но ты мне этого не говорил, я этого не слышал... Лады?

Умар вскипел:

– Не лады!!! Говори! Можешь позвонить Игнатьеву. Но я так думаю.

– Я этого никогда не сделаю. Мне непонятно другое, почему мы почти через ночь сами ездим на аресты? Не царское это дело... Негоже это нам... Ни по званиям, ни по должностям...

– С каких это пор ты стал царьком? В сорок третьем ты так не говорил...

– Извини...

Умар начал одеваться:

– А поеду, потому что враги очень серьезные...

Рим Марлен внимательно посмотрел на Умара.

Дом специалистов на берегу реки Анхор был выстроен в 1934 году для лучших людей страны. К дому подъехали две машины «Зис» и «Автозак»... Из легковой вышли Рим Марлен и Умар. Закурили. Из другой в дом кинулись офицеры и солдаты МГБ. Рим и Умар неторопливо пошли к подъезду.

– Странные эти татары. Не на Колыму же выслали их. Тут и климат как в Крыму. Я там воевал. Жили бы, радовались. Нет, им их Родину подавай. А этот вообще обнаглел. Писатель хренов, живет в таком доме, не в колхозе, и надо ему было от имени крымских татар писать Сталину. Дописался. Сам товариш Игнатьев прислал шифровку: разобраться и не чикаться, – задумчиво проговорил Рим Марлен.

– Пошли, – сказал Умар.

В квартире Заира Мустафа-оглы Умерова в кресле сидела его испуганная мать, рядом капала ей лекарство старшая дочь Заира, в углу испуганные дети (12,10,6 лет) в ночных пижамах. Умар прошел в другую комнату.

Здесь на стуле сидел Заир в пиджаке со Звездой Героя, а рядом стоял узбекский писатель Абдурахман Юлдашев. Что-то писал за столом следователь. Рядом с ним был часовой. Сотрудники МГБ проводили обыск, разбрасывая бумаги из шкафа.

– Нариманов! Ты бы поаккуратнее... Здесь люди живут, – сделал замечание Умар.

– Есть!

Заир удивленно смотрел на чекистов:

– Что они ищут? Может, я сам покажу?

Рим Марлен скучаяше смотрел в окно:

– Оружие, антисоветскую литературу...

– У меня этого нет. Не для этого я воевал.

Вошел другой офицер:

– Товариш комиссар, а вот это забирать?

– Что?

– Написано Толстой «Кавказский пленник»...

– Ты где учился, Нариманов?

– Четыре класса сельской школы...

– Положи...

Юлдашев подошел к своему другу-писателю:

– Заир, не расстраивайся. Правда за тобой.

Умар специально заговорил с Юлдашевым на узбекском:

– Ассалом-алейкум, Абдурахмон-ака. Вы очень уважаемый человек, но вам сейчас лучше уйти...

Юлдашев аж подскочил:

– Вы это кому говорите?! Мне?! Вы лучше объясните, на каком основании вы среди ночи, как бандиты, пришли в чужой дом и устраиваете здесь погром?! На каком основании вы хотите арестовать моего друга, фронтовика, писателя Мустафу Заира?! Он кто вам? Вор, насильник, фашист, убийца? Вся уголовщина в парке Тельмана пьет пиво – тех вы не трогаете! Боитесь? Или вас купили?!

Умар резко подошел к следователю:

– Выйдите.

Тот испугано вышел.

– Я тоже воевал, и никого не боюсь. Настанет черед и пивной в парке Тельмана. Заир Мустафа на собрании писателей Узбекской ССР прочитал письмо Сталину и сказал: крымско-татарский народ – не советский народ... Вот заявление от писателей. Три подпisi, – спокойно объяснил Умар.

– Ложь! Клевета! Я сам был на том собрании. Мустафа говорил не так. Эти подонки все исказили. Он сказал: низкий поклон милосердному узбекскому народу, он спас тысячи моих соотечественников от голода, холода и смерти. Но прошло семь лет со дня окончания войны. Крым – неотъемлемая часть Советского Союза, и закономерно, что крымские татары как граждане СССР хотят вернуться на родину, где родились и жили. Почему на это нет разрешения? Или крымские татары не советский народ? Он задал вопрос, понимаете, вопрос!!! В чем провинился младенец, родившийся в ночь депортации? Или старики при смерти? А вы поверили этой тройке бездарных графоманов, проституток!

– Понятно. Почему бы вам не написать коллективное письмо в защиту Мустафы?

– Кто напишет?! Все боятся!!! Весь трагизм в том, что и обвинять моих коллег в мало-душии у меня нет права, у всех – семьи, дети...

– А у вас?

– У меня два сына погибли на фронте. Старший под Волоколамском, младший в Сталинграде... После смерти второго жена не выдержала...

Из другой комнаты послышался женский плач. Жена Заира заворачивала хлеб, табак, немного овечьего сыра, украдкой вытирая слезы.

– Кто здесь у вас старший? – спросил Заир. – Вот здесь копия регистрации о расторжении брака с моей женой. Квартира на ее имени. Вот здесь бумаги – дети не на моей фамилии, короче, я им не отец, они не мои дети... – вытащил из кармана бумаги Заир.

– Может еще обойдется? – заметил Умар.

– Не обойдется... – возразил Заир, обращаясь к Юлдашеву добавил: – Спасибо тебе, друг... Ты иди домой... Мне уже ничего не поможет...

Он оделся, отдал свою Звезду Героя жене:

– Пошли, я готов...

– Стойте! И меня забирайте!!! Забирайте!!! – воскликнул Юлдашев.

Офицеры старались его удержать.

– Арестуйте меня! Меня тоже арестуйте!!! – вопил побледневший Юлдашев и замертво упал на руки офицеров.

– Неотложку вызывайте!!! – распорядился Рим Марлен.

Дом специалистов. Двор. Через час у неотложки врач грустно констатировал:

– Мы сделали все возможное, товарищ Худояров. Обширный инфаркт. Все там будем...

– Где будем?! А?! Где мы будем?!!! – резко переспросил Умар.

Врач испуганно отошел.

Умар проводил взглядом увозившую тело Юлдашева машину.

Заир Мустафа влез в «Автозак». Умар подошел к нему, Рим Марлен протянул ему папиросу:

– Знаешь, за что расстреляли полковника Ртишева?

– Это того, кто был до тебя? – спросил Умар.

– Да. За мягкотелость к врагам Советской власти.

Умар быстро отошел в сторону. Его стошнило.

Улица Чувалачи. Дом Умара.

Рим Марлен, Умар, мать Умара сидели за скромным ужином: чай, суп, лепешки.

– Бедный Абдурахмон-ака. Хороший был человек. Пусть место будет ему в раю, – сказала мать Умара.

– Мама, прочтите молитву, – попросил Умар. – Рим... Я хочу написать рапорт об

увольнении... – сказал он после прочтения молитвы.

– Чего?!

– Не могу я больше... Дай мне вернуться на завод... Ты и сам прекрасно справишься...

– Для увольнения есть две причины, – спокойно ответил Рим Марлен.

– Какие?

– Первая – геройская смерть при задержании преступника. Вторая – явка с повинной о том, что ты являешься агентом английской, американской, а заодно и японской разведок... Нервы надо закалять, Умар...

– Да. А что будет с Мустафой Заиром?

– Если пошлем дело в Москву, Игнатьев его расстреляет. Если оставим здесь, получит лет пять, учитывая Звезду Героя. Только он должен написать покаянное письмо. А он вряд ли напишет...

– Напишет... пусть выбирает: или Крым, или безопасность его семьи. А с тем пацаном что будем делать? – спросил Умар.

– Врачи написали, что он вменяемый... Как не крути, убийство... – ответил Рим Марлен

– Но Коломиец был полицаем, фашистом! Ты же сам прекрасно это понял...

– Нет ни одного доказательства, что труп Рогова – это труп Коломийца. Из всех жителей деревни оставался один этот пацан. Коломиец уничтожил все фотографии, – возразил Рим Марлен.

– Я понял. Сделаем так: завтра вызови тех врачей, пусть напишут новую бумагу, пусть сделают его невменяемым и положат в психушку, не к буйным, понял?

– Умар, я не могу этого сделать... Я вообще перестаю тебя понимать – ты упорно идешь под трибунал, – воскликнул Рим Марлен.

– Да? А я о тебе беспокоюсь... – заметил Умар.

– Обо мне?!

– Я тут без году неделя. А то, что у тебя под носом в форме МГБ с липовым удостоверением разгуливал грабитель и полицай? Мы с тобой ловили полицая в Белоруссии, они были тупорылыми, безграмотными животными. А этот нет, уничтожил все свои фотографии. А где гарантия, что он не шпион? Где гарантия, что он не кончал разведшколу в США? И не был в здании МГБ?!

Рим Марлен потер лоб рукой:

– Ты такое нагородил... Тебя страшно слушать.

– Чем невероятнее ложь, тем легче в нее верят люди... Пацан не виновен.

– Я придумаю что-нибудь... Мне тоже жалко его. И мать жалко... – сказал Рим Марлен.

– Спасибо. А теперь главное. Я это говорю, потому что мы с тобой прошли войну. После того, что я видел, мне уже ничего не страшно. Ты в первый день спросил у меня, как Сталин? Отвечаю. Вождь очень стар и болен. До лета не дотянет. Начнется очень большая чехарда. Я это почувствовал в первый же день. На курсы к нам через день приезжали то Берия, то Маленков, то Хрушев...

– И что ты думаешь?

– Поехали на станцию, – закончил разговор Умар.

ВАГОНЫ

Станция Кучлик. Ночь. Машина Умара въехала на территорию, огороженную колючей проволокой. Умар и Рим вышли из машины, их встретил майор Нефедов, пошли вдоль товарных вагонов.

– Вот, Товарищ Худояров! Из всего количества вагонов готовы более половины, – доложил Нефедов.

– Что вы говорите, как баба на деревне?! Четко и ясно доложите – сколько?! – оборвал его Рим Марлен.

Майор Нефедов пролепетал:

– 564 из 890 готовы. Утеплены, завезли сено, поставили буржуйки. Режим абсолютной секретности соблюдается неукоснительно!

– Свободны! – сказал Умар.

– Тебе это ничего не напоминает? – обратился к Марлену Умар.

– Напоминает... Я представляю, что будет в Ташкенте твориться! У меня столько

знакомых евреев... На, читай... – протянул ему номер «Правды» Марлен.

Умар стал читать и остановился:

– Они что, с ума сошли? Сами же евреи просят переселить их в Сибирь? Ромм! Лавочкин! Эренбург?!

– Они думают, что их оставят в Москве, в их тепленьких домах! Хрен! Повезут первым же вагоном! Только ты на число посмотри: там нет ни года, ни числа, – сказал Рим Марлен.

– Так это провокация?! – засомневался Умар.

– Не знаю!!! Может и провокация! Только гранки этого письма прислали самолетом, если будет приказ, поставят нужное число.

– Отправь завтра депешу, мол, из вагонов готовы только 120! Пока нас не трогают...

– И ты подпишешь?

– Я-то подпишу. А ты?

– Черт, зачем я тебя порекомендовал?! Подпишу!!! Поехали, нам еще форму сменить надо, – буркнул Рим Марлен.

– Смотрины? – съехидничал Умар.

– Что-то вроде того...

СМОТРИНЫ

Дом Горохова был достаточно богатым по меркам тех времен.

За столом сидели люди разного возраста. Играла музыка. Мужчина в галстук уже порядком напился. Толстая женщина с аппетитом ела оливье. Два почтенных старика о чем-то возбужденно беседовали. Среди гостей бродил уже «хороший» Секретарь. Он с кем-то беседовал, делая вид, что внимательно слушает. А сам разглядывал женщину со слишком открытым декольте. Вошли Рим Марлен и Умар в пальто, костюмах, в галстуках. Марлен вручил встретившей их девушке букет и подарок, завернутый в белую бумагу.

Умара и Рим Марлена посадили на заранее приготовленные места рядом с Секретарем, который постучал вилкой по стакану:

– Тише, товарищи! Штрафной тост предоставляется нашим дорогим гостям, товарищу Рим Марлену и Умару Худоярову!

Рим Марлен посмотрел на Умара, тот тихо произнес:

– Говори ты.

– Уважаемая Светлана Родионовна! От своего имени и от имени моего товарища Умара поздравляю вас с днем рождения! Я очень хорошо знаю вашего отца, уважаемого Родиона Павловича, как замечательного ученого-востоковеда и думаю, что вы достойно продолжите его дело.

Родион Павлович Горохов довольно шепнул девушке, одетой в скромное серенькое платье с белым воротничком:

– Ольга, дай сюда пирог и садись вон туда!

– Я должна там помогать...

– Не перечь начальству, сядь вон туда! – одернул ее Родион Павлович.

Светлане явно нравился Рим Марлен. Она опустила глаза. Ее подруга, толстушка Лиза, оценивающе посмотрела на Рим Марлена и что-то шепнула Светлане. А с другого конца стола на него смотрела скромная Ольга.

– Спасибо, товарищ Рим Марлен! И все же я в очередной раз предлагаю выпить за здоровье нашего великого вождя, организатора нашей великой победы, отца всех народов мира Иосифа Виссарионовича Сталина! – продолжил Секретарь.

Все встали, кто-то громко крикнул: «Урра!»

К машине Умара из дома Горохова вышла домработница с подносом:

– Вот, вам передали! Кушайте на здоровье, – стала угощать она водителя.

К дому Горохова приближалась нарядно одетая пара – мужчина и женщина с цветами. Вдруг женщина, увидев машину, остановилась и что-то сказала мужчине. Мужчина растерялся и стал уговаривать женщину, но она отказалась идти дальше. Перейдя на противоположную сторону улицы, они повернули назад.

В доме Горохова Секретарь уже танцевал с дамой с открытым декольте, Рим Марлен со Светланой, которая смотрела на него зачарованными глазами. Умар курил. Ольга помогала домработнице убирать посуду. Вскоре к ней подошел Рим Марлен, забрал у нее

тарелки и сел рядом.

– Почему вы не танцуете?

– Не хочу.

– Вас как зовут?

– Ольга.

– Рим Марлен, – протянул он руку.

– Вы что француз? – удивилась девушка.

– А что, не похож?

– А этот шрам у вас на лбу откуда?

– След от гильотины. Рим – революция и мир. Марлен – Маркс и Ленин. Так меня в детстве называли.

За этой картиной из комнаты наблюдала Светлана, бледная от обиды. Мать, уже давно заметившая это, сделала дочери знак рукой, мол, со зрителями мы явно поторопились. Умар наблюдал за этой мелодрамой и усмехался. Рим Марлен налил в чистый бокал вина, но девушка отказалась.

– А теперь мы попросим нашего дорогого гостя, товарища Секретаря станцевать узбекский танец! – объявил тамада.

Заиграла музыка и Секретарь стал лихо отплясывать. В коридоре видно, как девушка в сером платье стала собираться.

– Ты езжай. Я это... пешком... – подошел к Умару Рим Марлен.

– Нашел? – понимающе кивнул Умар.

– Кажется, да. Не знаю, не спрашивай!

Рим Марлен едва успел выйти за Ольгой, как с кухни послышались горькие рыдания Светланы...

Рим Марлен догнал девушку.

– Вы весь вечер сидели, как на поминках... Вы где работаете?

– Да меня профессор Горохов попросил помочь домработнице. Я у него лаборанткой... ну, бумаги всякие заполняю... Но, кажется, ваша будущая теща Аделаида Романовна делает все, чтобы меня и оттуда убрали. Там даже профессор Горохов бессилён.

– Какая теща?

– Ну, так было всем шепотом сказано перед вашим приходом, мол, сегодня на вечере будет жених Светланы, военный человек.

– О люди, а... Глупость все это...

Рим Марлен остановился.

– Что-то случилось?

– Случилось... Ольга... Вы очень похожи на мою покойную жену Настю!

– Вы зачем это?

– А затем, что... Извините за прямоту, я человек военный, скажу прямо – вы мне очень понравились...

Ольга посмотрела куда-то в сторону:

– Вы меня тоже извините за прямоту. Вы мне совсем не понравились...

– Да? Ну... Извиняйте, насильно мил не будешь, – опешил Рим Марлен. – Не понравился, ну ладно... Зачем же человеку так прямо в лицо говорить?

Рим растерянно пошел назад.

– Куда же вы?!

– Домой...

– Хотите я вам стихи прочту? – остановила его Ольга.

– Да... – вяло откликнулся Рим Марлен.

– **Ты обо мне не думай плохо,**

Моя жестокая эпоха,

Я от тебя приму твой голод,

Из-за тебя останусь голой...

На все иду,

На все согласна,

Я все отмерю полной мерой,

Но только ты верни мне ясность

И трижды отнятую веру.

Я так немного запросила

За жизнь свою –

Лишь откровенность.

А ты молчишь, глаза скосила

Всевидающая современность...

Рим Марлен слегка обалдел:

– Ну... По-моему это замечательно!

– А по-моему это ужасно... – резко отозвалась Ольга.

– Почему?

– Потому что... Потому что эти стихи написала моя подруга Инна Лиснянская, когда узнала, что мои родители, и отец, и мать, расстреляны в 38 году по 58 статье... А я попала в детдом. И я знаю, где вы работаете... Прощайте...

Рим Марлен остался стоять, как вкопанный.

БАНДА

Ташкент. 18. 02. 1953. Утро. МГБ. Рим Марлен зашел в кабинет Умара.

– Рим, когда УГРО планирует брать Бурибая? Смотри, сколько заявлений... Сволочи, душегубы, стариков, женщин убивают, на них семнадцать трупов, грабят, потом пьянствуют, а мы тут ... – обратился к нему Умар.

– Шас... – звонит Рим. – Девятый? Свинец. Я по Бурибаеву... Когда?! – кладет трубку. – Сегодня... В три часа дня в районе Кумчи, там у них сходка...

– Поехали...

– Да ты что, Умар? Это дело УГРО... Негоже нам ронять престиж...

– Я сказал, поехали! – настойчиво повторил Умар.

Пригород Ташкента Кумчи. Кирпичный завод. Завод окружен милицейскими машинами. Вокруг автоматчики, милиционеры. К месту подъехала машина Худоярова, к ней подбежал начальник УГРО Курбанов.

– Товариш Худояров. Разрешите доложить. Банда Бурибаева в количестве 12 человек в результате операции арестована. Убито четверо бандитов...

– Потери?

– Мм..

– Я спросил потери?! – закричал Умар.

– Бандиты отбивались до последнего патрона... Убито двое солдат МГБ. Трое раненых, их уже в госпиталь увезли. И... один офицер, Рудаков.

– Кто?! Рудаков?! Дядя Ваня!!!

Умар и Рим подбежали к месту, где лежали тела чекистов: двое молоденьких солдат лет по двадцать и офицер Рудаков, седой, как лунь.

– Дядя Ваня... Почему «черемухой» не выкурили их? Я вас спрашиваю, Курбанов?! – закричал Умар.

– И это вы называете победой, Курбанов?! Это провал операции, капитуляция!!! Вы пойдете под трибунал! – строго отчеканил Рим Марлен.

– Где Бурибаев?!

– Он жив! Лег под труп и надеялся убежать... Вон он.

Умар посмотрел в сторону завода. Под забором сидели арестованные бандиты. Среди них Бурибаев.

– Встать... – жестко скомандовал Умар.

Бурибаев не встал:

– Жалко, что патроны кончились... А то бы я вас покрошил...

– А без патронов слабо? Сил хватит? – насмешливо спросил Умар.

– На тебя, мусор, хватит!

Умар ударил Бурибаева по морде. Потом отстегнул ремень с кобурой.

– Ну давай, иди, падаль!

Бурибаев бросился на него. Рим Марлен выхватил свой «ТТ» и хотел застрелить Бурибаева, но тела сцепились, и он не мог прицелиться. Бурибаев засунул свой большой палец в рот Умара, пытаясь разорвать ему щеку.

– Не стрелять!!! – захрипел Умар и ударил кулаком по голове Бурибая. Он бил его снова и снова. Бурибай уже не сопротивлялся. Умар двумя кулаками размазал Бурибая

на земле, встал, задыхаясь. Рим Марлен подбежал к Бурибаю и хотел застрелить его.

– Не надо... Я его убил... – остановил Рима Умар и посмотрел на Бурибаева: – Сам мусор!!!

– Как теперь будем оформлять? – спросил Рим Марлен.

– Да как хочешь! Напиши, что Худояров во время честной драки убил бандита и убийцу Бурибаева! Вот тебе моя мягкотелость к врагам, Рим!!!

ПШЕНИЦА

Бешкуприк. Поле. 1953. Солнечно. Служебная машина стоит на краю поля. В поле, покрытом снегом, работают несколько человек. Рашид издали узнал брата Умара и, радостно улыбаясь, побежал в его сторону. Они обнялись посередине поля и, разговаривая, пошли в сторону машины.

– Значит все хорошо у вас? Тебя председатель колхоза не беспокоит? – поинтересовался Умар.

– Нет. А почему ты об этом спрашиваешь? Нет. Ну, на работе бывают споры... А вообще он коммунист, у него пятеро детей...

Рашид вытащил из кармана бумажный пакетик и высыпал на ладонь горстку зерен:

– Ты лучше сюда смотри... Я год просил ВАСХНИИЛ прислать мне эти зерна, это сорт Канадской крупнозернистой морозоустойчивой, Монреаль Винтер 678... Эту пшеницу можно засеивать даже в наши зимы, не промерзает, понимаешь? А урожайность в три раза выше! Мы месяц назад вон там засеяли для опыта – живые! Понимаешь? Не понимаешь? Людям хлеб нужен... Хлопок в пищу не годится...

Умар с завистью посмотрел на своего восторженного брата.

Тогда он не знал, что видит его в последний раз...

Правление колхоза «Галаба» (Победа). За столом сидит Раис, рядом Парторг. Напротив предчувствующий что-то недоброе Рашид. Раис достает из стола пакет зерен пшеницы, резко высыпает зерна на стол. Зерна рассыпаются по столу, падают на пол.

– Ты опять за свое?! Кто тебе позволил засеивать целое поле, когда колхоз из-за непогоды в прошлом году не выполнил план по хлопку?!

– Какое там поле? Заброшенная, никому не нужная земля... – возразил Рашид.

– Но ты же там не посеял хлопок! Ты же там канадскую пшеницу засеял! Сколько бы хлопка выросло на твоём участке?!

– Четыре центнера! – вставил Парторг.

– Там бы хлопок не вырос... – заметил Рашид.

– Товарищ Лысенко говорил, что наша республика самой природой создана только для хлопчатника! Ты что, умнее академика Лысенко?

– Я возьму стоимость того хлопка, который не вырос...

– А что ты делаешь Родине одолжение?! Это политическое преступление! – стал возмущаться Раис.

– Да вы просто провокатор! Вас не волнует дело, вас волнует только ваше благополучие и лишний орден на френче. И любого вы готовы уничтожить, кто вам может помешать. А мешаю вам я. Думаете, что мне нужно ваше место? Даром не нужно. Беда, когда человек глупый, катастрофа, когда глупый еще и злой... – побелел от возмущения Рашид и вышел.

Раис глянул на парторга, тот возмущен:

– Ясное дело. Враг.

Железнодорожная станция. Одетый в костюм Рашид решительно идет к перрону. Подошел поезд, идущий в Ташкент. Но Рашид не сел в него, а понуро повернул обратно. Потом Рашид до конца жизни жалел, что не поехал тогда в Ташкент, к брату...

СИРОТИН

Да, Анна, ты создала Алешку...

Вот только твои предсказания насчет Игоря Сиротина, то есть меня, скажем прямо, оказались весьма далекими от реальности. Когда тебе за шестьдесят, бессмысленно и нелепо хорохориться и врать. Мол, я сейчас пишу новый роман, что в таком-то издательстве готовится к печати еще одна повесть, что «есть еще потрох в потроховницах» – эту сказку модифицировал Алешка на журфаке. Да мне и врать-то некому. Остается только с

иронией (слава Богу, хоть на это я еще способен!) вспоминать свой малозаметный путь... Где тот кудрявый, веснушчатый молодой человек, подающий надежды, с горящими от грандиозных планов глазами? Мою первую повесть сразу напечатали в «Юности». Сам Борис Полевой написал замечательное отцовское напутствие. Но так же замечательно, но незаметно, причем, очень быстро, тот парень угас, кудри облетели, осталась лысина, веснушки превратились в большие пигментные пятна. И сил у меня хватило на две книжки в мягкой обложке. Об этих книжках никто из критиков не написал ни одной (ни положительной, ни отрицательной) статьи. Третью повесть «Записки проходимца» не взял ни один толстый журнал ни в Москве, ни Ленинграде, ни даже в Куйбышеве. Однажды на семинаре книгоиздателей РСФСР мы изрядно выпили с директором Якутского издательства «Эрденет» Ытыгиловым, моим сокурсником. К концу года им надо было что-то там издать, чтобы не сократили фонды, вот они и напечатали в мягкой обложке тиражом в три тысячи экземпляров мою повесть. Я за это получил триста шестьдесят два рубля. И все.

Надо было как-то жить, я устроился в заводскую многотиражку ЗИЛа редактором-корректором. Надежда вспыхнула на пятом году маеты и безденежья. Мою повесть в рукописи прочитал тогда просто пугающе талантливый молодой театральный режиссер Оболенский. На все его спектакли Москва перла, как косяки лосося в нерест, критики соревновались в эпитетах и хвалебных статьях, народные артисты мечтали сыграть у него хоть «кушаль подано». При перечислении театральных богов некоторые всерьез заговорили – Товстоногов, Любимов, Эфрос, рядом Захаров, Ефремов и... Оболенский! И все это было справедливо. Он был действительно талантлив.

И вот мой неожиданный спаситель приглашает меня к себе в театр, разговор между гением и никому не известным писателем, как и положено, длится три минуты. Он протягивает мне мою рукопись.

– Через неделю жду от вас сценарий, а лучше пьесу. Делается это просто – оставьте только диалоги, а все остальное вы увидите на сцене.

Через час я уже сидел у себя дома и переделывал повесть в пьесу. Действительно, занятие это оказалось достаточно легким. Я снова ожил. Неделю, выключив телевизор и радио, я безвылазно сидел на кухне, и мой старенький «Ундервуд» трещал, как автомат.

В истории с Оболенским, скорее всего, сыграло мое порядком побитое тщеславие, желание стать хоть кем-то, хотелось хоть в чем-то стать известным. И вот Оболенский... Может быть, в последний раз начал тлеть фитилек уже подсыревшего «потроха в потроховницах»... Хотя, признаться честно, я не очень люблю театр. И на ультимативный вопрос В. Белинского «Любите ли Вы театр?» я и сейчас себе спокойно отвечаю: не люблю. Не люблю за грех лицедейства, не люблю полную интриг и измен жизнь актеров и актрис, этот мир мне казался всегда чужим, несерьезным, неискренним и каким-то не мужским. Я любил кино, как и все мальчишки, но по глупости своей тогда не знал, что в кино снимались те же артисты, преимущественно из театров. Киногерои мне казались живыми реальными людьми, а с театром у меня были свои счёты из детства...

Однажды к нам с Алешкой в пионерский лагерь приехало несколько молодых актеров из ТЮЗа. Вечером они сыграли какую-то глупейшую сказку, спектакль для дебилов, а после отбоя эти молодые длинноволосые актеры устроили в роше рядом с нашими палатками настоящую пьяную оргию с педагогическим коллективом лагеря, состоявшим исключительно из пионервожатых. Мы с Алешкой как раз в эту ночь задумали стибрить из колхозной птицефермы двух гусей. Зачем? Что бы мы делали с этими птицами? Такие вопросы двенадцатилетним пацанам задают взрослые, если поймают воришек, но не сами мальчишки. Возвращаясь обратно в лагерь с двумя мешками, в которых орали обезумевшие гусаки, мы в лесу напоролась на актерско-лагерное скотство. Гуси, воспользовавшись нашим шоком, выскочили из мешков и побежали обратно к себе на ферму, а нас, как назло, заметила пионервожатая отряда. На ходу надевая свой лифчик на кофту (более нелепой картины я не видел никогда), Галина Федоровна подбежала к нам, с пафосом отчитала нас и повела в лагерь, пообещав пожаловаться директору и отправить нас домой. Алешка, шедший рядом со мной, вдруг остановился и начал издевательски смеяться, глядя на грозную пионервожатую, потом громко сказал:

– Уважаемая Галина Федоровна! Я вам хочу сказать несколько вещей. Во-первых, ни завтра, ни послезавтра вы, Галина Федоровна, никому не пожалуетесь, а, наоборот, дадите нам выспаться до обеда. Во-вторых, вы нас освободите от дежурства на кухне до конца

сезона. В-третьих, будете разрешать купаться в бассейне столько, сколько мы хотим, а не ваши издевательские 15 минут. В-четвертых, вы дадите нам по десятке каждому сейчас.

Галя воткнулась в землю, как пограничный столб. Я, раскрыв рот от удивления, встал рядом с ней, как даун-пограничник.

Алешка подошел к бледной Галине и уже тихо, но как-то зловеще сказал:

– Это плата за наше молчание. Не думаю, что начальник лагеря Иван Петрович, а также районный отдел народного образования и министерство просвещения одобряют ваши собачьи свадьбы на лоне природы. Давайте двадцать рублей.

Галина стояла бледнее стены, потом начала рыться в карманах своих шорт, достала оттуда мятые рубли.

– У меня только четыре с мелочью...

Двенадцатилетний Алешка взял деньги и посмотрел на нее так, что Галина Федоровна в следующую секунду сдавала рекорд по бегу с препятствиями в ночное время. Я подошел к Алешке. Таким я видел его впервые. Он какими-то повзрослевшими глазами смотрел в сторону лагеря.

– Алешка, ты с ума сошел? Она нас заложит!

– Нет. Никогда. Это называется ловить козла на аморалке. Так вербуют американцев, потом они пашут на СССР.

– А наших тоже ловят?

С видом опытного разведчика Алешка продолжал свою игру, прыская от смеха, я продолжал ему подыгрывать, делая вид, что верю.

– Наши больше попадают на пьянке и на жвачке.

– Как на жвачке?

– Жвачка – это дом в Калифорнии, машина, счет в банке. Пеньковский на этом погорел.

Потом Алешка прогнал меня, я издали видел, что он почему-то зарыдал, потом его стало рвать. Тут я вообще перестал что-то понимать. Эта тайна Алешки так и осталась для меня нераскрытой. Кстати, прилетев в Америку, я обязательно расспрошу его о том случае.

Господи, а начал-то я с моей пьесы для Оболенского – куда только не заведут мысли, особенно, когда летишь первым классом в одном салоне с проклятыми капиталистами!

В общем, несмотря на мою стойкую нелюбовь к театру, в назначенный срок я закончил пьесу и, окрыленный, поехал в театр к Оболенскому. И тут все сорвалось. Как оказалось, за три дня до встречи со мной Оболенский исчез. Исчез бесследно. Не пришел на репетицию. И вечером не пришел на спектакль. Служители театра, его идолопоклонники (других он просто не держал) запаниковали. Исключением в театре был только Пеплов. А они, идолопоклонники, добровольные рабы Оболенского, с придыханием говорившие о своем тридцатилетнем боге только как «Вячеслав Николаевич» запаниковали еще больше, когда его кабинет опечатали странные люди в штатском, которым отдавали честь даже капитаны районной милиции. Спектакли, правда, не отменили.

Москва, к этому времени наполненная самыми невероятными слухами, уже не просто перла в его театр, а устроила молчаливую стоячую забастовку: количество людей, попавших на спектакль, было раз в десять меньше тех, кто стоял у входа в театр. Спрашивали у милиционеров:

– Где Оболенский?

Те пожимали плечами, мягко оттискивая людей...

Я, наивно надеясь, что Оболенский все-таки появится, два дня подряд приходил со своей пьесой в театр: ну мало ли какие выкидыши бывают у творческих людей – вдруг мужик просто запил и решил отдохнуть где-нибудь да с кем-нибудь, как это было у Чехова в «Шведской спичке»?

На второй день состоялось собрание коллектива театра. Приехали люди из ЦК, из министерства культуры, приехал начальник управления театрами. Начальник, утирая слезы, сообщил, что Оболенский Вячеслав Николаевич трагически погиб в автомобильной катастрофе на окраине Москвы, что ведется следствие, что он выражает глубокое соболезнование родным и близким, и похороны пройдут на родине Оболенского в Рязанской области...

Тут произошел скандал. Актриса театра Давыдова, выгнавшая из-за Оболенского своего мужа и уже год жившая с гением в гражданском браке, крикнула на весь зал:

– Вы все врете!!! Почему у него дома делали обыск?! Почему все перевернули вверх дном?

Человек из ЦК нагнулся к министру культуры, разглядывая Давыдову. Начальник управления театрами растерянно посмотрел на министра культуры, министр культуры – на человека из ЦК.

Человек из ЦК совсем не походил на тот тип партийного чинуши, который и сегодня из фильма в фильм, из романа в роман, преподносят властители умов престарелые шестидесятники. Молодежи-то этот тип незнаком, и ей он, этот тип, обглоданный и обсопанный всеми номерами «Огонька» периода Виталия Коротича, честно говоря, глубоко по барабану. Вместо толстого и обрюзгшего тупого животного, говорящего только по бумаге, в стандартно-типовом номенклатурном костюме и галстуке, на сцене сидел очень высокий худой человек в черном свитере и светло-коричневом пиджаке с круглыми замшевыми заплатками на локтях, которые на том собрании произвели шоковое впечатление на всех актрис театра. Вначале я тоже подумал, что это новый главный режиссер. У него были длинные седые волосы, большие роговые очки, достаточно умное лицо. В зале воцарилась напряженная тишина.

Человек с налокотниками поправил очки и достаточно громко сказал:

– Человек задал прямой вопрос, что же вы молчите, Александр Никодимыч?

Начальник театров Александр Никодимыч Чудаков заблеял как баран:

– А... ба... бе...

Человек с заплатками посмотрел на Давыдову:

– Я вам отвечу. Моя фамилия Дмитриев. Во-первых, примите мои искренние соболезнования...

– Спасибо.

– Во-вторых, отвечаю вам, хотя я несколько превышаю свои полномочия.

Обыск на квартире Оболенского произведен по санкции генерального прокурора СССР. Я прошу всех сидящих внимательно выслушать меня. Это положит конец всяким кривотолкам, слухам и даже политическим спекуляциям. Шесть дней назад гражданин Оболенский в нетрезвом виде пришел на Красную площадь и, подойдя к постовому у Спасских ворот, пытался всучить ему открытое письмо генеральному секретарю ЦК КПСС. Что помешало ему отправить это письмо по почте или просто отдать его в приемную на Старой площади, мне неизвестно. Постовой ответил Оболенскому, что он стоит у главных ворот страны не для сбора писем от трудящихся, на что Оболенский стал кричать, крыть его матом... Через полчаса он писал объяснительную, при этом попытался порвать свое письмо, но оно сохранилось. Вот копия этого письма. А вот копия его объяснительной. Вечером он был отпущен под подписку о невыезде. Лучше бы его в тот вечер не выпускали, т. к. произошло то, на чем сегодня спекулируют все без исключения западные радиостанции: на Московской кольцевой дороге произошло ДТП. Грузовой автомобиль «Зил» по неизвестной пока причине на большой скорости выехал на встречную полосу и врезался в рейсовый микроавтобус «РАФ», в котором погибли, кроме Оболенского, еще пять человек (три женщины, один ребенок, один мужчина) и ранено трое. Обыск на квартире Оболенского производился с целью:

а) выявить, случайна ли эта авария или нет,

б) определить круг его знакомых, причастных к написанию этого письма,

в) с целью обнаружения на квартире оружия, боеприпасов, множительной типографской техники, антисоветской литературы.

Я собирался сообщить это коллективу театра и без вопроса вашей коллеги. Можете передать всем, кто стоит на улице и жаждет новостей, я отвечаю за каждое произнесенное мною слово. Только ведь вам и тем, кто мерзнет на улице, такие новости не нужны – вам же позарез нужно удостовериться в том, что Оболенского убили, причем, намеренно, что это рука КГБ, короче во всем виновата Советская власть, не так ли? Что же вы молчите?

Мне казалось, что достаточно искры, чтобы зал взорвался от напряжения. Дмитриев внимательно смотрел на сидящих. Затем также спокойно сказал:

– Я очень любил спектакли Оболенского. Это были настоящие произведения искусства, только на первый взгляд весьма традиционные, а на самом деле, поистине новаторские, возвратившие на сцену лучшие традиции великой русской актерской школы... Я переживаю смерть Оболенского как личную утрату...

В зале послышалось несколько робких хлопков. Потом хлопки затихли.

К сцене из середины зала начал подходить Пеплов. Он был одним из моих любимых

актеров, фильмы с участием которого я смотрел с детства по многу раз, его командиры и бесстрашные, но скромные разведчики, инженеры и врачи были для меня образцами для подражания. Он конечно же не входил в число добровольных рабов Оболенского. По всей Москве ходила байка, как Пеплов пришел на первую репетицию к Оболенскому. Молодой режиссер начал ему втирать что-то о своем видении Чехова, на что Пеплов тихо ему сказал: «Мальчик, не суши мои старые яйца, лучше сходи-ка в буфет за чекушкой! А роль я тебе сделаю!»

Пеплов – фигура настолько мощная и независимая, настолько любимая народом и оцененная государством после 56 года (его арестовали в тридцать девятом, присудив семнадцать лет лагерей), что захоти Оболенский даже подумать о замечании мэтру ну, например, за опоздание на репетицию, взлетевшая, как стратегическая ракета «Сатана», карьера Оболенского рассыпалась бы, не достигнув даже средних слоев атмосферы. Самое обидное, что Пеплов лично не принял бы никакого участия в этой расправе, за него, а скорее всего, без него это сделали бы другие. К счастью Оболенского, Пеплов никогда не опаздывал на репетиции. Оболенский, будучи талантливым от бога, был еще и умницей от земли – он поставил с Пепловым в главной роли три спектакля и, парадокс, именно они, а не семь других, стали театральными событиями Москвы. Оболенский, создав театр из своего курса в ГИТИСе, тайно подумывал пригласить туда еще пару-тройку таких же гигантов, как Пеплов. Таких актеров он называл Актерами стратегического назначения, обладать ими было то же самое, что обладать атомным оружием. Тогда бы он стал непотопляемым...

Пеплов поднялся с места.

– Сюда, пожалуйста, Николай Петрович...

– Я в этот раз отсюда, если позволите... Спасибо вам, товариш Дмитриев, не знаю вашего отчества и имени, за ваши искренние слова... Я никого и ничего не боялся и до двадцатого съезда партии, и после него... У меня к вам просьба: сказавши А, надо говорить и Б. Прочтите, пожалуйста, письма Славы: и первое, и второе.

Человек из ЦК замялся:

– Лично я не буду... Пусть прочтет кто-то из театра.

Я сидел, затаив дыхание.

– Я прочту!!!

Это вскочила зареванная Давыдова.

Человек из ЦК протянул ей два листа:

– Я так понял, он для вас был близким человеком...

– Он был моим мужем!!!

– Ну тогда вам не трудно будет узнать его почерк?

Давыдова прошла по письмам.

– Да, это его почерк.

Давыдова сначала начала читать письма про себя. Потом вдруг порвала их, засунула обрывки в карманы кофты и, громко рыдая, выскочила из зала.

Опять тишина. Пеплов повернулся к залу:

– Что за пошлая мизансцена? Расскажите хоть вы, уважаемый, что он такое написал?

– В письме, которое он упорно всучивал постовому, мат-перемат в адрес партии и правительства и личные оскорбления Генсеку за ввод советских войск в Афганистан... В объёмной же записке он категорически отказался от первого письма, назвал его грубой провокацией, а письмо его, якобы, заставили написать конкретные люди... Имена их до суда я не имею права называть... Вот, собственно, и все. Есть еще вопросы?

Пеплов стоял бледный. Он повернулся к залу и тихо сказал:

– Жаль... Ну, первое письмо – это его личное дело. Но второе... Мм-да..

Зал молчал. Пеплов сел на свое место в глубине зала. По моей спине заструился холодный пот, и я явственно почувствовал, как его капли потекли ниже. Я подумал – какое счастье, что я не отдал ему свою пьесу раньше. Хотя ни в повести, ни в пьесе не было ничего антисоветского, это была история простого человека, но эти нашли бы и затаскали!

Вдруг Пеплов снова встал и уже с места громко спросил:

– Вот мне, товариш Дмитриев, интересно, как вы сами оцениваете ввод наших войск в Афганистан? Впрочем, вы можете не отвечать на этот вопрос, если это военная тайна...

Если бы в те времена в зале была видеокамера! Какие бы незабываемые портреты запечатлела японская техника. Ответственно заявляю каждому, включая и Вашего покорного

слугу, в эти минуты хотелось накрыться шапкой-невидимкой и тихо исчезнуть. Пеплову-то что, он свое отсидел и прожил, ему бояться нечего. Какого хрена я пришел на это сборище?

Дмитриев в коричневом пиджаке грустно опустил глаза:

– Николай Петрович! Я согласен с вами. Ввод сороковой армии в Афганистан – это агрессия. Я лично был против и считаю, что это авантюра. Но я не член Политбюро. И не в моих силах что-то решать...

Пеплов снова подошел к сцене:

– Спасибо вам, товариш Дмитриев, – и печально посмотрел на него. – К сожалению, в лучшем случае вы скоро уйдете из ЦК...

Дмитриев спокойно ответил:

– Я знаю... – потом, опомнившись, сказал залу: – Спасибо, товарищи... Если нет вопросов, идите на свои рабочие места...

Весь люд театра тихо, стараясь не глядеть друг другу в глаза, ушел из зала.

Я шел домой и думал: если и там появились такие люди, значит, что-то изменится. Больше я не встречал Дмитриева ни на страницах печати, ни на ТВ...

Только в две тысячи втором году по ТВ я узнал, что Дмитриев проработал в ЦК недолго, по его же просьбе его отправили культурным атташе в Кабул, там он подхватил лихорадку и умер по возвращению в Москву...

После фиаско в театре я еще года два проработал в многотиражке, потом однокашник по Литературному Ромашов устроил меня на филфак в МГУ, где я и служу по сей день, получая иногда огромное удовольствие от общения с молодыми, очень умными и талантливыми людьми. Иногда я стал заходить в церковь. Иногда, а это случалось чаще, я пускался в сильнейший запой...

МОЙ ДРУГ УМАР

13 января 1953 года, утром Умар на своей служебной машине поехал на окраину города, на основную территорию авиазавода № 84 имени Чкалова. Там выпускали знаменитые «ЛИ-2», названные в честь конструктора и директора завода Виктора Лисунова. Справедливости ради надо сказать, что это были просто точные копии американских DC-3, полученных по лэнд-лизу, только моторы ставили советские, изменили мелкие детали, естественно, перекрасили белые звезды союзников в красные...

Это был его родной завод. По сути, это был небольшой город со своим маршрутным автобусом, сновавшим по цехам, со своими строгими законами режимного объекта. Все лучшее, что было у Умара в жизни, было тут. Завод, вернее, его людей и оборудование, эвакуировали из России во время войны. Тогда, в военные годы, строили быстро, под открытым небом, но качественно, работали и за страх и за совесть, но не за деньги (какие деньги в военное время?). Вскоре здесь начали выпускать военные самолеты. Умар пришел сюда семнадцатилетним мальчишкой учеником токаря. Через год его забрали на фронт. Отслужив там в СМЕРШЕ, Умар вернулся на завод уже начальником цеха, окончил вечерний факультет мехфака САМПИ (Среднеазиатский политехнический институт) и вскоре стал главным инженером.

А теперь он въезжал на свой родной завод чужим человеком, в форме полковника МГБ. Главным инженером прислали человека из Воронежского авиазавода со смешной фамилией Попойкин...

В главной проходной его ждал Пискунов и несколько инженеров, с кем он расстался два месяца назад. Из радиорубки был слышен голос Левитана, читающего сообщение ТАСС о врачах-вредителях.

Вахтеры, увидев Умара в форме МГБ, чуть не потеряли дар речи.

Умар пошел с Пискуновым по своему цеху. Многие его узнавали, здоровались, правда как-то осторожно и уважительно. Подошли к кабинету Пискунова. Умар сказал своему водителю и одновременно адъютанту:

– Ты брат, иди в туалет сходи...

– Я не хочу, товариш полковник.

– Ну, тогда иди и жди! На хрен ты мне тут нужен?!

Теперь Пискунов остолбенело смотрел на Умара.

– Николай Петрович, вы что такой испуганный?

Пискунов все еще не верил своим глазам:
 – Здравствуй..те... Товариш Худояров...
 Умар подошел к нему и обнял. Пискунов вытер глаза платочком:
 – А я уж думал, что больше тебя не увижу... Ну, как ты? Как Москва?
 – Все нормально... За два месяца первый раз вырвался.. Как у нас?
 – Слава Богу, все хорошо. Работаем... Вот... Ты не вернешься к нам?
 – Не знаю, дядя Коль... Пока не скоро...
 – Ну, да, понятно... У нас все хорошо. Новый главный инженер работает...
 – Попойкин? А он не алкоголик?
 – Не поверишь, вообще трезвенник. Вчера парторг принес газету с сообщением ТАСС, ну, о врачах-извергах. Говорит, надо провести митинг... Пишем лозунги... Может помотришь? Вдруг что-то не то?

Умар нехорошо удивился:

– Что за митинг?

Пискунов пожалел, что сказал. Умар быстро шел, а за ним чуть ли не бежал Пискунов в сторону заводского партбюро. Резко открыв дверь, он увидел, как два заводских художника-подростка пишут красные лозунги: «Смерть врачам-изуверам!!!», «Раздавить, как бешеных собак!!!», «Агентам «Джойнта» и международного сионизма – смерть!!!», «Наймитам империалистов Эттингеру, Карпай, Егорову и Виноградову – только расстрел!!!», «Спасибо Вам, товариш Л. Тимашук за нашего вождя!!!».

Умар с грустью посмотрел на лозунги. К ним подбежал парторг Равикович. Глаза его горели в радостном ожидании, как у дворняги, играющей хвостом, пока ты отрезаешь кусок колбасы.

– Вот, товариш Худояров! Выполняем инструкции райкома ...Какие будут замечания?

Умар, прищуря глаза, долго смотрел на него.

– Товариш Пискунов, с каких это пор райкомы будут давать инструкции парторганизации режимного завода союзного подчинения?

Пискунов стал ртом хватать воздух.

– Так нам прислали... – промямлил Равикович.

Умар еле совладал собой:

– Мне кажется, что с товарищем Лидией Тимашук погорячились...

– Точно! Напишем, спасибо нашим доблестным чекистам! – ляпнул Равикович, этот горячечный полудурок.

– Не надо никому писать спасибо, не поняли?! И митинг пока проводить не надо! Людей от работы отрывать. Проведите собрание партбюро и скромно... – раздраженно потер лоб Умар.

Равикович потух:

– Да? А я как секретарь заводской парторганизации еще речь готовил для митинга. Вот тезисы, – протянул он бумагу. – Читайте, я знаю наизусть... Это будет иметь колоссальный резонанс. Представляете: я – Борис Моисеевич Равикович, еврей, коммунист – и я прочитаю вот такие строки:

**Поправши клятву Гиппократу
 Травили нашего вождя!
 Врачи-иуды, палачи в халатах,
 Не будет вам пощады никогда!
 Мы просим, требуем расстрела
 Агентов синдиката ДЖОЙНТ!
 Давно уже пора назрела
 Всех сионистов из державы ВОИ!!!**

– Ну как? Конечно, это не Маяковский! Но сколько страсти, гнева! А? – Равикович с надеждой посмотрел на Умара.

– Стойте... Вы что, идиот?

Равикович поменялся в лице.

– Ваши стихи уже где-то печатали?

– Нет, но я собираюсь их дать в заводскую многотиражку.

– Ну, зачем же так скромно. Дайте их мне. Я постараюсь их протолкнуть в республиканскую печать, а может, и в Москве напечатают... – сказал Умар.

– Правда? Это же моя мечта! – просиял Равикович.

– Но только уговор, пока никому не говорите... Да и не положено мне... Договорились? Равикович в этот день был самым счастливым евреем в СССР...

Умар и Пискунов вышли из комнаты.

– Сегодня же соберите партбюро, освободите его под любым мирным предлогом. Пусть работает у себя в цехе... – сказал Пискунову Умар. – И пусть до пенсии заткнется... Не хватало у меня на родном заводе провокаторов.

Пискунов испугался, а потом его осенило:

– Да я его уволю... к чертовой матери...

– Николай Петрович, сделайте так, как я сказал... Он еще куда-нибудь напишет.

– Хорошо, товарищ Худояров.

– Николай Петрович, у тебя водка есть? – вернулся Умар.

– Что?!

– Что, что... Водка есть? Выпьем...

– Да... На работе... Как-то...

– Николай Петрович, вот ты кристально чистый человек, ты же на войне был... Освещенным освобожден. Тебе не надоело всего бояться? А? – опустил голову Умар.

– Так то была война... А тут мир...

Пискунов долго смотрел на заводские крыши.

– Ладно, не обижайся, дядя Коля... Пойду я... – засобирился Умар и уехал.

Ташкент. 3 марта 1953 г. Дом специалистов. Машина Рим Марлена останавливается во дворе. Они с Умаром поднимаются по лестнице. Рим Марлен достает ключ, открывает дверь, достает из портфеля маленького белого котенка и впускает в квартиру.

– Обычай такой...

Умар удивленно входит в квартиру. Шикарная по меркам того времени трехкомнатная квартира. Ничего лишнего. Стол, четыре стула, диван, телефон, радиоприемник. Только мебель покрыта белой бязевой тканью.

– Что это? – недоумевает Умар.

– Пришла разрядка от Секретаря – разместить товарища Худоярова с семьей в доме специалистов. Вот завтра привози маму. Хоть топить печку перестанет. Кстати, тебе надо жениться.

– Это тоже по разрядке? – усмехнулся Умар.

– Нет. Лишь бы она не была дочерью врага народа.

– Зачем мне этот дом? У меня же есть свой...

– А кто тебе сказал, что это твой дом? Это квартира МГБ.

Рим Марлен берет стул и показывает инвентаризационный номер.

– То есть, если меня снимут, то я пойду опять в свой дом?

– Ну, если тебя снимут, у тебя вообще не будет дома. У тебя вообще не будет ничего и никого...

– погоди! Здесь же жила семья этого, ну, крымско-татарского писателя Заира Мустафы? – вспомнил Умар.

– Его семья жила в соседнем подъезде. Ему дали шесть лет. А семья его в Алимкенте... – пояснил Рим Марлен.

– Так он же на жену квартиру переписал?

– Она домохозяйка, а это дом специалистов. Здесь жил профессор Кудратов. Его год назад арестовали.

– А его за что?

– Не помню. Что-то вроде низкопоклонства перед западом узрели. Его свои же ученые и сдали. А эти крымские сейчас где-то в Алимкенте, в кишлаке живут, нормально живут, почти счастливы...

– Тебе бы такое счастье!

– Умар! У меня самого старшая сестра на Колыме из-за мужа лес валит... А ее двое детей, мои племянники, в детдоме. Я же не ною. В общем, с новосельем...

Рим Марлен достал из портфеля коньяк и плиточный шоколад, предлагая выпить.

– Я в Москву хочу. Только туда мне пока нельзя... Знаешь, в Москве есть дом, красивый такой, высокий, серый, прямо на набережной, там живут герои, почти что боги... Только эти боги все боятся там жить, но живут, пока не заберут... В каждом городе Советского Союза есть такой вот дом, а рядом река. Вот и здесь: дом, речка. Наверное, в следующем веке тот дом напротив Кремля разрушится... – заговорил глядя в окно Рим Марлен.

Раздался звонок. Рим Марлен открыл дверь. В квартиру вошел молодой капитан:

– Товариш полковник! Вам и товаришу полковнику Худоярову срочное донесение. Распишитесь, пожалуйста. И вы, товариш полковник.

Рим и Умар спешно расписываются и отпускают капитана.

Умар раскрывает пакет и бледнеет. Еще раз перечитывает и вдруг начинает содрогаться от слез. Рим тоже перечитывает бумагу.

– Подумаешь, insult. Он выкарабкается! Он обязательно победит! Как же так, товариш Сталин?! Так нельзя! – произносит Рим Марлен.

СИРОТИН

С Леонидом Ильичом Брежневым Николаев подружился в начале пятидесятых в Молдавии, где тот был первым секретарем, а Николаев командиром авиаполка под Тирасполем. Взаимная приязнь проявлялась больше со стороны Леонида Ильича, что было делом естественным. Поддерживать хорошие отношения с местным партийным руководством строго предписывалось только тяжелым зубрам, а именно – главнокомандующим округов. Армия, партия и народ должны были быть едины.

Знакомство Петра Николаева с Брежневым произошло на республиканской партийной конференции в Кишиневе при достаточно драматических обстоятельствах. Сначала все шло хорошо – секретари областей и районов бодро рапортовали о рекордных урожаях овощей и фруктов, виноделы докладывали о сверхплановых декалитрах, табаководы говорили о высоком качестве тютюна, в зале многие зевали, кто-то даже спал. Оживление внес Кавалер Ордена боевого Красного знамени и Герой Социалистического Труда, пастух колхоза имени Победы товариш Мирча Маринеску. Маринеску потерял на войне левый глаз, но это ничуть не уменьшило, а наоборот, прибавило ему ершистости. На его худосочное, но жилистое тело был накинут белый бушлат, на голове армейская фуражка. Так бессарабский Кутузов гордым орлом взвился на трибуну и своим единственным оком осмотрел зал, а потом направил свой бескомпромиссный взгляд на Леонида Ильича.

– Леонид Ильич! Советская армия убивает меня и моих коров!

Леонид Ильич, в это время заглядевшийся на делегатку конференции, Заслуженную артистку республики балерину Ольгу Радулеску, ничего не понял, думая о своем объекте: «Хорошша! Глаза – просто омут души... Только худа, неприлично худа...»

Все обмерли, глядя на Первого секретаря. В том числе и та самая балерина. Леонид Ильич замешкался:

– Что вы сказали?

– Я сказал, что советская армия убивает меня и моих коров!

Брежнев взял себя в руки:

– Не понял. Объясните, товариш Маринеску!

– А чего тут понимать?! Я ездил в ту воинскую часть. Вон там, в седьмом ряду, сидит полковник Николаев. Его летчик лейтенант Кишкурно каждую среду и пятницу летает над моими пастбищами, пикирует прямо на мое стадо и еще издевается – машет крыльями. Я фронтовик, ничего не боюсь, но каждую среду и пятницу хожу глухой от его самолета, а коровы именно в пятницу и среду не дают молока.

Вдруг в зале раздался заразительный смех Николаева.

«Кутузов» покраснел:

– Видите, он и сейчас надо мной издевается!

– А чего вы, собственно, смеетесь, товариш полковник? – оживился Брежнев.

– Извините, Леонид Ильич. Это у меня от нервов... – Николаев опомнился, направляясь к трибуне.

– Товариш Маринеску! От имени славных вооруженных сил Советского союза, от имени командира авиаполка приношу вам свои искренние извинения. Больше он не будет пикировать на вас и на ваше стадо. Лейтенант Кишкурно сегодня же будет посажен на

гауптвахту. А потери надоев молока наша часть возместит. Еще раз прошу вас извинить нас.

– Я думаю, что одними извинениями тут не обойдется, товариш полковник. Что это за безобразие?! Сегодня в присутствии вас я буду звонить министру обороны, и вы сами объясните ему этот возмутительный инцидент, – вступил Брежнев.

– Да, конечно, Леонид Ильич... Министр обороны узнал об этом две недели назад... Там все непросто. О деталях я вам расскажу отдельно, потому что они составляют государственную и военную тайну... Еще раз прошу вас извинить меня товарищи... – опустил голову Николаев.

Услышав про государственную и военную тайну, Леонид Ильич остыл:

– Ну, хорошо... После конференции зайдите ко мне... Товариш Маринеску, вы удовлетворены?

– Да!

Молдавский гордый орел, умыв зарвавшегося полковника, грациозно спустился вниз. Еще долгие годы по окрестным селам ходила легенда о том, как герой Маринеску наказал полковника.

Через два часа Николаев сидел в кабинете у Первого секретаря КП Молдавии. На журнальном столике стояла уже початая бутылка отличного армянского коньяка, соответствующий закусон.

– Давай на ты, когда нет посторонних... За Славного пастуха Маринеску!.. Теперь рассказывай про гостайну.

– Да это я так, чтобы пастуха не посадили...

– Это интересно.

– Ларчик открывается просто. Дело в том, что четыре года назад нам в авиаполк из Германии было привезено пятнадцать новеньких, ни разу не летавших «Юнкерсов». Их наши захватили где-то под Дрезденом. Было предписание, чтобы командиры авиаполков использовали их сначала как учебные, а потом, по мере износа, как авиамишени, предварительно закрасив кресты и свастики. А лейтенант Кишкурно только прибыл из училища, кто же сразу доверит зеленому птенцу нашу советскую новенькую реактивную машину? Его и посадили на «Юнкерс». Колхоз «Победа» расположен недалеко от нашей части. Кишкурно выполнял учебное задание на пикирование. Маринеску в это время пас своих коров, посмотрел на небо и увидел знакомый с войны характерный силуэт «Юнкерса». Недолго раздумывая, он скинул с плеча свою берданку и выстрелил. Попал с первого раза. Пуля пробила перкалеву обшивку и угодила Кишкурно прямо в ягодицу.

Леонид Ильич рассмеялся:

– В жопу что ли?!

– Клянусь партбилетом! Кишкурно еле долетел до полосы, потом два месяца пролежал в госпитале, – перекрестился Николаев.

– А остальное у него осталось целым?

– Именно этот вопрос ему задают до сих пор, хотя, слава Богу, там все осталось. Но как молодому новичку терпеть насмешки всей части?! Особисты хотели уголовное дело открыть, но как тут быть? Маринеску-то стрелял по немецкому самолету, он, может быть, подумал, что опять война. А когда Кишкурно после госпиталя посадили уже в наш боевой реактивный «Миг-9», он решил отомстить пастуху. Одноглазый пастух многого не сказал там на трибуне: Кишкурно прикрепил к крыльям дымовые шашки и в течение недели выписывал на небе слова «Маринеску – старый мудака!», а потом летел на бреющей высоте и махал крыльями...

Леонид Ильич от смеха чуть не упал с кресла...

– Ну ты все-таки накажи своего молодого... Так, немного...

– Есть.

Леонид Ильич после этой встречи стал сам звонить в часть, несколько раз приглашал Николаева в гости к себе – уж очень пришелся ему по душе тот простодушный и прямой, умеющий хорошо, а главное искренне смеяться летчик-фронтовик. Когда-то в селе Каменском, где родился Леонид Ильич, бабушка ему говорила: хочешь узнать, каков человек, послушай, как он смеется.

За время дружбы, длившейся после той конференции годами, Николаев ни разу ни о чем не попросил абсолютного хозяина солнечной страны овощеводов и виноградарей. Не просил и потом, когда Брежнев стал сначала медленно, а потом, как на дрожжах, резко

подниматься. А просителей на веку у Леонида Ильича было много...

Брежнев твердо знал одно – в той среде, в которой он работал и жил, настоящей мужской дружбы нет. Хотел бы, но нет. Не та система координат человеческих отношений. Было и есть все, что угодно – показная преданность, пока ты – Главный, реальный Страх, пока реальна Твоя Власть, Угодничество, сначала скромное, вроде бы ненавязчивое, но с годами превращающееся в тошнотворное Холуйство, знание хороших и особенно плохих страниц биографий друг друга, чем и кому обязан, и кто обязан тебе по гроб жизни, тысячи факторов, от анализа которых раньше генсек не спал ночами, а теперь уставал – кто осмелился бы сейчас не то, чтобы сказать, а подумать про него что-то – «не шали»?!

Став в 64 году генсеком, он стал понимать логику Сталина, который просто уничтожил всех, кому был чем-то обязан. Сталин оставил только тех, кто был обязан Ему, Единственному.

Это понимал и Николаев. И, слава Богу, что на должность замкома ВВС он пришел окружными путями – нет в его архиве ни одного документа, ни одной рекомендации, свидетельствующих о том, что Леонид Ильич хоть в чем-то помог ему достичь таких высот. Николаев ничем не был обязан Брежневу, и сам Леонид Ильич просто по-человечески тоже этого не хотел. Пропала бы дружба...

За несколько лет до смерти уже ставшего «Дорогим Нашим Леонидом Ильичом» во времена «стагнации, застоя, отека и пролежней» (как шебечет один из журналистов на ТВ, в то время начинающий бездарный актер Пермского областного театра кукол) советские кинематографисты (кто там у них тогда был начальником – Ермаш? Кулиджанов?) видя, как работают их товарищи писатели над «Малой землей» и «Целиной», обратились к Суслову со слезной просьбой: «Умрем от творческого застоя, если не создадим большой документальный фильм о славном пути нашего Дорогого Генерального секретаря. Естественно, Ленинская премия создателям подразумевалась автоматически. Автоматически потом была и получена.

Памятуя конфуз актера Геловани, когда Сталин, увидев себя на экране, сказал: «Не думал, что я такой болван!», Леонид Ильич прохрипел Суслову и чуть не упавшему в обморок министру кино:

– Принесите на дачу все, из чего вы там хотите меня лепить, а я сам отберу... А то знаю я вас, киношников! Изуродуете меня, как бог черепаху!

Через три дня на госдачу № 1 привезли на микроавтобусе несколько круглых железных яуфов (это что-то вроде круглых бидонов) с пленкой. Леонид Ильич, уже заметно нездоровый, сказал побелевшему председателю кинокомитета:

– А ты езжай, тебе все передадут...

Брежнев отбирал два вечера подряд – черт побери, это оказалось делом интересным.

Министр уехал в Москву, естественно, всю ночь прождал звонка от Самого. Киноматериалов было много. Министр сам лично просмотрел на киностудии весь целлулоидный путь славного сына партии. Только два эпизода вызвали у министра тревогу – стоит ли показывать? А вдруг после просмотра этих кадров генсеку станет плохо? Позвонил Андропову, тот мудро посоветовал:

– Не стоит напоминать Леониду Ильичу о тех печальных днях... Слава Богу, жив остался.

Это были кадры покушения на Леонида Ильича у въезда в Кремль и момент падения на генсека металлических стоек с людьми на авиазаводе в Ташкенте... Остальную киножизнь доставили на дачу, для удобства она была склеена хронологически по годам, и, удивительное дело, чем дальше, тем больше было материала, и качество пленки, запечатлевшей Брежнева, улучшалось от года к году, и Золотых звезд Героя становилось все больше. Одно было грустно – Леонид Ильич на экране неизбежно старел со скоростью 24 кадра в секунду, к концу многочасового просмотра он совсем расстроился...

Просматривая материал, он часто узнавал того или иного человека, иногда прерывал просмотр, звонил своему помощнику и просил узнать, жив ли тот кудрявый комбайнер из Казахстана или прядильщица с текстильной фабрики, подарившая ему первый метр ткани, просил помочь, если они нуждаются... И через пару-тройку дней тот или иной ветеран труда, с раннего утра бежавший в очередь за молоком и хлебом для внуков (а что еще было тогда в магазинах?!), был осчастливлен визитом местного наместника партии, привезшего ящик продуктов и денежное пособие...

Встречи с лидерами ведущих капстран, особенно в Хельсинки, он оставил целиком – надо показать советскому народу и миру, что с ним, а значит, и с его страной, все эти

капиталисты хреновы считаются, хотя каждый из них, он-то знает, держит фигу в кармане, а то и камень за пазухой. Они, все эти Никсоны, Картеры и Шмидты, признают силу и только силу, а силы у СССР в то время было достаточно, вот господа империалисты и вынуждены были улыбаться ему. А Брежневу, который был намного старше их, чего перед этими мальчишками лебезить? Тем более, они все, даже вместе взятые, не производили такого сильного впечатления, как Рузвельт или Черчилль – это Леониду Ильичу Андрей Андреевич Громыко не раз говорил, а Громыко Брежнев верил, министр иностранных дел был одним из немногих, кого он не тронул после 64 года. Конечно, генсек туфли на трибуне снимать не будет, но, если что, он по-фронтовому может и врезать любому из них.

Были кадры, которые он отметил на листке бумаги и поставил жирную красную резолюцию: «Уничтожить, сжечь к чертовой матери!» Это были кадры, где он был еще Председателем Президиума ВС СССР. Ему стало самому неприятно на себя смотреть – как он в Кремле прикреплял к серому пиджаку Никиты Сергеевича Золотую Звезду Героя соштруда, а потом обнимал и целовал того. Вокруг собрались Все, у кого в руках была реальная власть, и все от души поздравляли Хрущева, и на лицах их была невиданная слашавая радость, каждый считал за счастье так же обнять и поцеловать Никиту Сергеевича. А после 14 октября 64 года многие из этих Всех в течение 18 лет также старательно целовали Брежнева.

Вот такая искренность.

Одну пленку он попросил киномеханика повторить трижды. После третьего раза Леонид Ильич нажал на кнопку громкоговорителя:

– Николаш, ты сам-то смотришь?

– Смотрю, Леонид Ильич... Это наш самый счастливый день... – грустно ответил киномеханик.

Леонид Ильич, знавший Николашу не один десяток лет, закурил, потом всхлипнул и стал вытирать слезы. А день-то был и вправду самый счастливый в его жизни. Это был день абсолютного, безусловного, огромного и бесконечного счастья для всей страны.

Парад Победы. И все на этом дождливом параде выглядели достойно и красиво. Что там он, скромный генерал, мелькающий несколько секунд. А какие лица, до боли знакомые и родные! Что шляпочная Европа? Все ваше высокомерие, вся ваша спесь, оказалось, гроша ломаного не стоит, почти все вы легли, как подстилки, под немца, и только советский солдат, мужик, спас вас и показал вам, что почему...

Почему-то именно в тот вечер Брежнев вспомнил про своего друга Николаева.

УМАР

1953. 04. 03. МГБ. Умар и Рим Марлен быстро идут по коридору. Все отдают им честь.

Работает радио. Голос Левитана – *правительственное сообщение о болезни товарища*

И. В. Сталина:

Центральный комитет Коммунистической партии Советского союза и Совет министров Союза ССР сообщают о постигшем нашу партию и страну несчастье – тяжелой болезни товарища И. В. СТАЛИНА.

В ночь на 2-ое марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве в своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг, поразившее важные для жизни области мозга. Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи. Появились тяжелые нарушения деятельности сердца и дыхания.

Центральный комитет и Совет министров со всей серьезностью учитывают все обстоятельства, связанные со временным уходом товарища Сталина с руководящей государственной и партийной деятельности...

Рим Марлен и Умар вошли в кабинет, где сидел человек в костюме и галстук лет тридцати – Тураев, который поспешно встал.

– Сидите, вы же не военный... – остановил его Умар.

Тураев начал читать:

– Потом пришел Абдуллаев, очень осторожный... Не пьет... А Низомходжаев уже много выпил... Разговор начался с того, что фронтовиков сегодня не испугать, они на фронте такое видели... Потом все выпили за здоровье Сталина, ну вот... Да... Шержонов вдруг сказал, не дай Бог, все мы живые люди, а что будет с нами, если товарищ Сталин, ну, понятно да...

Рим Марлен с неприязнью посмотрел на Тураева.

– А тут Лиссовский заметил, что в Ленинграде был новый Киров, даже лучше его, Кузнецов... Но его убрали. А Шержонов добавил, что это был выдающийся деятель, он с ним учился... И Вознесенского знал. Да... Потом Абдуллаев резко вмешался и сказал, что не стоит тут политику разводить, и перевел разговор на женщин... Дальше неинтересно...

– Ну, ну Тураев... Продолжай в том же духе... Да, там в кассе тебе премию выписали, получи... – заметил Рим Марлен.

– Да, я на работе получаю... – сказал Тураев.

– Получи, получи... Там немного, тридцать рублей... А теперь вопрос: вы меня старше лет на пятнадцать, так?

– Да, наверное.

– Я вам не кум, не брат, не сват, свиней с вами не пас, почему вы позволяете мне тыкать вам?

– Так ведь вы начальник... – растерянно ответил Тураев.

Умар удивленно смотрел на Рим Марлена – в это утро он не узнавал своего друга.

– Гражданин Тураев, вы давно работаете вот так? – строго спросил Рим Марлен.

– Скоро полгода будет.

– Слава Богу, что не год. А кто вас попросил?

– Никто. Я сам проявил партийную бдительность. Тем более сейчас, когда товариш Сталин болен..

– А зачем вы это делаете?

– Не понял, – удивился Тураев.

– Зачем вы доносите на людей?

– Как? Я проявляю бдительность! Везде враги!

– Я сейчас отправлю тебя в камеру к уголовникам. За клевету. Там ты свою бдительность ох как проявишь, – Рим нажал на кнопку, вошел часовой.

– Не надо. Я все понял. Простите меня!!! – испуганно выскочил из кабинета Тураев.

Умар удивленно взглянул на Рим Марлена.

СИРОТИН. ОТЕЦ

А я своего отца, Ивана Васильевича Сиротина, практически не помню. Уйдя на фронт в первые дни войны, он дошел до Рейхстага. Я, кстати, в отличие от тебя, очень люблю старые фотографии. У меня в зале висит фото папы. Веселый, с озорными рыжими кудряшками человек в форме майора показывает кукиш огромному бронзовому орлу, валяющемуся на ступенях Рейхстага. Вернулся с войны без единого ранения, весь в орденах и медалях. Женился на моей матери, Вере Даниловне Шубиной. Через год, это как раз перед переименованием наркоматов в министерства, родился я. Отец в это время уже работал в МГК, потом его на время перевели в Ленинград под начало самого Вознесенского. Отец, по словам матери, восторгался незаурядной личностью питерского партийного вожака, и однажды, 7 ноября, во время застолья он простодушно ляпнул паре своих фронтовых друзей, что после Сталина на месте генсека нет никого достойнее Вознесенского. Друзья-фронтовики предупредили его, чтобы он больше нигде не говорил этого. Мать всю ночь проплакала. Прошло два года.

Вскоре началось зловещее «ленинградское дело» и последовавшая за ним жестокая чистка. Почти всех, кто имел прямое или косвенное отношение к Вознесенскому, арестовали. Отца взяли в Москве, прямо на Ленинградском вокзале. Через месяц пыток на Лубянке отец получил десять лет по 58 статье, его отправили в Карлаг. В первый же день пребывания в зоне он задушил тамошнего шестерку с мерзкой погонялой Трепак, подосланного уголовниками. Ночью отца нашли зарезанным за баракком... Когда его резали, он успел прибить насмерть еще одного, а двоих покалечить.

Мама узнала об этом через восемь лет. А до того дня, когда почтальон через восемь лет принес ей маленький конверт с решением о реабилитации ее мужа и восстановлении во всех правах, она благодарила Бога или еще кого за то, что по чьей-то оплошности или милосердию, ее и, главное, меня, трехлетнего малыша, не тронули...

Впрочем, хватит об этом. Я не стою в очереди жертв репрессий и не требую материальных компенсаций, а за моральные страдания спросить не у кого – все палачи отошли в мир иной.

Я никогда не состоял ни в одной партии – не предлагали, и слава Богу. Освободили меня тем самым от соблазна оставлять свой партбилет на трибуне, или, что еще хуже, демонстративно сжигать эту книжицу перед миллионами телезрителей. На миру, как

оказалось, не только смерть красна, но и публичное предательство. И ведь никто не задал тогда этим людям простого вопроса: алло, господа, вчерашние товарищи, а вы вообще имели бы возможность устраивать свои сеансы идейного стриптиза, не будь в начале вашей карьеры вот этой маленькой книжицы с отметками об уплате членских взносов? Все это похоже на гей-парад: мало того, что свой порок, развращенный ум и тело, они не прячут, они еще этим хвалятся, мол, мы такие, присоединяйтесь к нам... Какие? Можно ли себе представить Геринга, который бы начал отречься от всего того, что делал, и от всех, с кем был рядом? Можно ли представить себе Гимmlера, сжигающего свое удостоверение гестапо? С трудом, но можно, хотя кто бы им поверил? Я это говорю с болью за отца, который дал в зубы молоденькому следователю МГБ Колупаеву только за то, что он, тыловая крыса, посмел крикнуть фронтовику:

– Партбилет на стол!

И отец стоял над скорчившимся от боли Колупаевым и говорил, зная, чем это кончится, говорил так, что даже мордвороты Лубянки не стали избивать папу:

– Я с этим партбилетом четыре года кровь проливал, пока ты, сука, у мамы прятался под юбкой!

Я всегда сторонился участия в любых сражениях: в литературных, политических. Для меня на всю жизнь самыми мудрыми словами были слова матери перед самой смертью: можно жить достойно и в недостойной стране, а можно быть скотом и в раю...

Мама... То хорошее, доброе и светлое, что было в моей жизни. После ареста отца вплоть до самой его реабилитации мама прожила в страхе. В страхе, что нас выгонят из нашей шестиметровой комнаты в огромной коммуналке на Таганке, что ее арестуют как ЖВН, а меня отдадут в детдом... Но шли годы. Из коммуналки нас никто не выгнал, мать всю жизнь проработала на ЗИЛе. А в 68 году нам дали двухкомнатную квартиру на Марьиной Роше! Тогда, после новоселья, у мамы случился первый сердечный приступ. Главной и единственной целью ее жизни было вырастить меня, дать образование. Умерла она незаметно, тихо, во сне, прожив в той самой квартире ровно год...

МОЙ ДРУГ УМАР

– Как ты думаешь, товарищ Сталин... – начал Рим Марлен.

– У моего деда тоже был инсульт. В то время это называлось удар. Два года жил, правда, не вставал, – заметил Умар.

– Тут дела другие. Все так навалилось. Не хотел тебя расстраивать. Читай... Наш уполномоченный по Бешкуприкскому району прислал. Он тебя знает. Бойтся. Я позвонил ему и сказал, чтобы ничего пока не предпринимал, – перебил его Рим Марлен, подавая бумагу.

– Бред, клевета. Мой брат Рашид-ака агроном. При чем тут агент?

– Ну, если у нас генетика – продажная девка империализма... Да я и сам бы это дело прикрыл. Да председатель того колхоза, Лауреат Сталинской премии, зная, что ты его брат, написал прямо самому академику Лысенко.

Умар еще раз перечитал написанное:

– Я не понимаю, что там случилось?

– Район в прошлом году не выполнил план по хлопку. Брат твой вывел новый сорт пшеницы на основе канадской морозоустойчивой крупнозернистой, блин, я тут скоро ученым стану... Раис запретил ему сеять, сказал, что стране нужен хлопок. А он засеял... Хрен бы с ним, засеял, так засеял – там всего-то два опытных гектара. Самое страшное, твой брат на собрании прилюдно сгоряча сказал, что Раис – дурак, а Лысенко ничего не понимает в сельском хозяйстве, что его метод яровизации – это очковтирательство, а академик Вавилов – гений... Председатель позвонил Лысенко, Лысенко позвонил в ЦК, из ЦК позвонили Игнату.

– Когда? – подавленно спросил Умар.

– Завтра утром... Ты же не любишь будить по ночам... Я бы сам поехал, но нам надо быть здесь. Сам понимаешь...

В комнату забежал запыхавшийся Секретарь:

– Здравствуйте, товарищи... Товарищ Худояров, вы уже в курсе?

– В общих чертах.

– Как же он мог так?! И в такие тяжелые дни. Позор всей республике! – закудахтал Секретарь.

- Здесь написано, что собрание колхоза было аж в январе месяце!
- Какая разница? Обозвать Трофима Денисовича Лысенко очковитрателем. Вы знаете, что для нас товариш Лысенко, для нашего хлопководства?
- Не знаю.
- То же, что маршал Жуков для Советской армии. Это он, гений, придумал метод чеканки для хлопчатника! Я понимаю, товариш Худояров, для вас это будет тяжело, но наказать Рашида Худоярова мы обязаны. Иначе нас обвинят в кумовстве. Я уже отправил в ЦК товаришу Кагановичу отчет по партийной линии, а вы действуйте по своей. Может, и пронесет...
- Ну да, в ЦК сейчас только этим и заниматься, когда товариш Сталин так болен...
- Не нам с вами учить ЦК, что там важно, а что неважно, товариш Худояров! – резко возразил Секретарь и ушел.

- Ташкент. 4 марта 1953 года. Вечер. Улица рядом с почтой.
По радио передают очередной бюллетень о состоянии здоровья И. В. Сталина.
Рисолат выскакивает в платке. Во дворе стоит Умар в форме, обращаясь к Рисолат, он вежливо здоровается.
- Здравствуйте... Вы такой бледный, что-то случилось?
- Да это от холода. Мне надо вам сказать, – с натугой усмехнулся Умар.
- Идемте в здание, – пригласила Рисолат.
- Нет, я спешу... Рисолат... я вас очень уважаю... Вы очень умная, порядочная и хорошая девушка... Простите...
- За что?
- Моя мама не придет к вам свататься...
- Что-то случилось с вашей мамой? – удивилась Рисолат.
- Нет. Она здорова. Я... В общем, я полюбил другую девушку.
Рисолат от неожиданности всплеснула руками и закрыла лицо.
- Вы еще найдете себе хорошего мужа... Прощайте... – резко сказал Умар.
- Рисолат, дрожа от холода, некоторое время стоит во дворе, потом медленно, со слезами на глазах идет на работу. Вдруг, на пороге, она о чем-то догадывается, поворачивает голову и бежит по мокрой улице за машиной Умара.
- Умар-ака! Стойте! Я все поняла! Я буду ждать вас!!!
Рисолат падает в мокрый снег и горько плачет.

- Умар и Рим Марлен отправились в Бешкуприк, обсуждая предстоящие события.
- Ты не волнуйся... Ну, дадут года два... Плохо, что Игнат знает... – успокаивал Умара Рим Марлен.
- Брат не выдержит ни одного дня... Я его знаю... Ты в кишлак не заезжай... И не надо туда солдат, людей пугать... Я сам к машине его приведу...

- Кладбище рядом с кишлаком Бешкуприк. Умар вышел из остановившейся машины и через пригорок отправился к кладбищу. Рим Марлен печально посмотрел ему вслед. Проходя мимо отцовской могилы, Умар, не останавливаясь, тихо прошептал:
- Простите меня, отец...
- А вдали на большой скорости мчалась еще одна машина МГБ.
- Умар внезапно выхватил из кобуры пистолет и выстрелил себе в висок.
- Умар!!!! НЕ-Е-Е-Т!!! – не своим голосом закричал Рим Марлен.
- Вторая машина резко затормозила рядом с ним. Из машины выскочил офицер:
- Товариш полковник! Товариш Рим Марлен!
- Что?!
- Беда!!! Беда!!! Вас и товарища Худоярова срочно в Ташкент!!!
- Твою мать, что случилось?!
- Товариш Сталин скончался! – залился слезами офицер.
- Рим Марлен посмотрел вверх, подошел к бездыханному телу Умара, положил его голову на колени и закрыл ему глаза.
- Прости брат...
- Офицер ждал дальнейших распоряжений.

– В Ташкент едем... Сталин умер... – тихо скомандовал Рим Марлен.
Они погрузили тело Умара в машину.

Я нашел дом Рисолат-опы. Но она год назад умерла.

Мой дядя – полковник МГБ Умар Худояров – трагически погиб 5 марта 1953 года. Похоронен на военном братском кладбище в Ташкенте.

Мой отец – Рашид Худояров – агроном. Его дело было закрыто полковником Рим Марленом 30 марта 1953 г. Как это ему удалось – для меня тайна. Папа стал доктором наук. Умер он в 1990 году. Похоронен на кладбище Чигатай.

Полковник МГБ Рим Марлен в 1953 году был осужден на 10 лет. Реабилитирован в 1956 году. Женился на Ольге. До пенсии работал учителем труда в школе № 159 в Ташкенте. Умер в 1991 году.

ЭПИЛОГ

Мы прощались с Абдуллой в аэропорту Джона Кеннеди.

Я записал ему свой адрес.

– Зачем? Вряд ли мы еще увидимся с тобой...

– Спасибо тебе.

– За что?

– Не знаю.

– Перестань, это лишнее. Будь здоров!

Больше я Абдуллу не видел.

Не ведают, что творят, а и ведают, но творят...

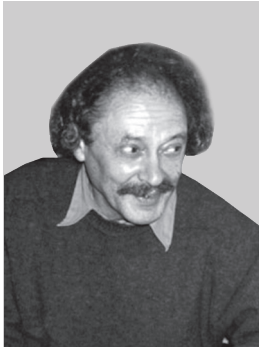
Взывать к Богу удобнее через свою совесть!

*По ухабам человеческих судеб и событий движется
колесо Истории!*

Сказки бывают народными, а тайны – государственными...

Трудно делать Добро и остаться безнаказанным!

возвращение к читателю

Василий БЕТАКИ

(1930 – 2013)

Известный поэт, переводчик, журналист родился в 1930 году в Ростове-на-Дону в семье художника-футуриста Павла Бетаки. В 1960 г. окончил Литературный институт. В. Бетаки автор переводов из Р. Киплинга, Т. С. Элиота, В. Скотта, опубликовал 11 сборников стихотворений, книгу статей о современных поэтах и 8 книг переводов.

Блики времени

Популярный писатель, вдова известного поэта Василия Бетаки, Елена Кассель любезно предложила для публикации в журнале «Звезда Востока» подборку его стихотворений.

Редакция предоставляет читателям журнала возможность познакомиться с интересным и своеобразным творчеством поэта.

* * *

Я больше не буду писать о любви:
Одежда строки расплзается в клочья...
Себя самого и других не мороча,
Я больше не буду писать о любви.

Кругом все – позёры. Театр для себя –
Обычный закон неудачников сцены:
Им хочется в жизни творить перемены,
В картонные трубы ходульно трубя.

Я больше не буду писать о любви,
В животную, женскую жадность я верю,
Не в окна души, а в горящие двери,
Не в песни, а в то, что без слов о любви.

А ты кто такая? Не бойся, зови:
На вечер любимую будет любая,
Запретом на жажду себя не сжигая,
Что хочешь – но только без слов о любви!

В ночи, опустелой, как Храм на Крови,
В сплошной – от Кронштадта и до Сан-Франциско,
Любые полкруга, – так пусто, так близко,
Но только, смотри, не шепни о любви...

* * *

Уходит комната в слепую глубину,
И полки книг, и всё, что на столе, удвоя.
Вот отражение прилепится к окну...
Но врежутся в него лес и окно чужое,
Пришедшее – зачем? – из внешней тьмы, – и враз,
Чтобы прогнать его, возникнет занавеска, –
Она цветастостью – непрошено и резко –
Твой зыбкий натюрморт вдруг заслонит от глаз!

Ну что же – выйди в лес! Он вовсе не такой,
Как тот, что просквозил картинку отраженья:
Он – перспективой – в ночь, ему не стать доской.

Вернёшься – и опять подлунных теней танцы,
Чудесным образом лишённые движенья,
В оконном зеркале – как старые голландцы.

* * *

«Я вернулся в мой город...»**О. Мандельштам.**

Может, он ошибся? И, пожалуй,
Он вернулся не совсем туда,
Позабыв, что маску с тайным жалом
Ловко надевают города.

Всё же ты при частых возвращениях
Не заметишь мелких перемен:
Тот же клён, да чуть с другою тенью,
Облупилось что-то там со стен...

Пусть от пустяка любой расцветки
Город не покажется иным,
Но при возвращениях очень редких
Как себя уравнишишь с ним?

Запросто увидишь ту же площадь,
Те же окна, что и в прошлый раз...
Ведь на место возвратиться проше,
Чем в какой-то месяц, день и час!

И сирень, и зацветанье вишен,
И каштаны – всё равно раз в год...
Их приход надёжный не зависим
От желанья, как твой приход!

Не предскажет им никто мгновенья,
Что пора, мол, пред весной предстать...
Что ж, тогда любое возвращенье –
Можно мерой времени считать?

Ведь, как правило, не слишком точно
Времена свои сменяет год,
Мудрено вернуться в ту же точку
Времени, когда она плывёт!

И хоть это нам совсем не странно –
Хоть откуда, хоть из никуда
Возвращаемся мы постоянно
Всё в одни и те же города...

Город не какой-то неврастеник,
Мордами не дёргают дома!
Вот Париж – всеобщий современник,
Будь хоть Шарлемань ты, хоть Дюма
Он на «ты» общается со всеми,
Никакой не сообразно теме,
Времена так ловко теребя,
Чтоб его в тумане разглядели
Не таким, как есть он в самом деле,
А таким, как видит он себя.

Лене**...Когда б вы знали, из какого сора...****Ахматова**

Не знаю, откуда берутся
Слова, заплетённые в стих, –
Что фокусник бросит на блюдце, –
Едва ли похоже на них!

И даже не гул, не бурчанье,
И даже не вздор и не сор,
Стихи тем верней, чем случайней
Наткнётся на них разговор –

Включится мгновенная память
И музыку взрежет трубой,
И мост над прошедшим протянет,
Над нынешним и над тобой,

А виденное впервые
Повторных потребует встреч,
Журчанья и шума травы и...
Иначе его не сберечь.

Возникнет театр. Тихо взвоят
Шёлк занавеса, тень – навзлёт,
Фонарь, чуть прикрытый листвою,
На сцену тебя призовёт,

Ведь нет ничего театральной,
Чем зелень вокруг фонаря,
Чтоб памятью ближней и дальней
Делился ты с залом не зря,

На сцене возникнет – (откуда?)
Всё то, что ты видел – (когда?)
И это подобие чуда
Вернёт хоть века, хоть года...

Пригород

Солнце внизу из-под тучи –
Сразу светло и темно.
Радуга выгнулась круче –
Ткнулась в озёрное дно,

И расплываясь за краем
Смазалось небо вдали
(Надо б тут рифму «сараям» –
Только давно их снесли...)

Сколько коробок бетонных!
Каждый стоглазый фасад
Пялится на монотонный
Серый, соседний... А над –
Крышей –
Антенн многочисленность
Радуге режет края...
Геометрично, бессмысленно...
– Ну-ка, полегче, друзья:
Мысленно и коромысленно –
Радуга эта – моя!

* * *

Синее-белое-жёлтое,
Море-пена-песок,
А над склоном опять синь шёлковая,
Срезана наискосок,

Два облачка в ней горбами,
Их колышет снизу трава,
Будто ищет глубинную память,
А находит только слова.

Может в жёлтом песке поищем?
Ведь что-то в него ушло?
Но песок, бесплодный и нищий, –
Только мокро и тяжело...

В лёгкой пене искать не стоит:
Чуть волна набежит на скалы –
И вместе с пеной растает
Всё, что туда попало,

Остаётся пошарить в море,
Под пронизывающий свет,
Только там, где он угасает,
Есть глубины, а памяти нет...

* * *

В лилово-белом ртутном свете,
Прозрачнее чем мотыльки,
Качаются в газонах эти
Немыслимые табаки.
В ночи июльской, терпкой, спелой
Их юбки – острою звездой –
Смешались с легким платьем, с телом,
С порывом ветра, с резедой...

И рядом с женщиной случайной
На эскалаторе ночном
Ноздрями тронешь запах тайны,
Которой не заметишь днем.

Вокзал

А меня никто не провожает,
Только там, как лик святой, бледна
На платформе женщина чужая
В раме ослепленного окна.

Вниз прямые волосы пролиты,
А за ними – солнце, словно нимб...
То – чужие боги ждут молитвы,
Но не время поклоняться им.

Длинноглазая, не жди моления,
Лик иконный, не гляди в стекло –
Ждал я в нем не твоего явления,
Только чуда не произошло.

Птицы строчки

Дождливы сумерки. А в тучах дыры.
С ползушей темнотой едва заметны
В деревьях резко мечутся пунктиры,
Мелькают вертикали через ветки,
Пересекают вверх наискосок –
Слились в картину дерево и птицы...

Подставив редким отсветам висок,
Дуб встал на цыпочки и шевелится –
Невидимы ночные птицы в нём –
Безветрие.
Движенья нет иного.
Но птицы чертят буквы, а потом
В ветвях, желтея, возникает слово.
Спешу его списать...

Этюд

Утром птицы орали о прилетающем дне, –
Развеселились шальные,
Слышно их было даже при закрытом окне
Через стекла двойные.

Я бы в утренней сонности
Ничего не заметил,
Если б не выкрики звонкие эти,

Глянул в окно –
Птицы носятся не за добычей,
Просто так, озорно,
По кустам и деревьям – сороки...
А на кресле в комнате –
Носом в стекло, не вертя головой –

... Кошки бывают
Так изумлённы и так круглооки!

* * *

...И летом может быть темно
Но не бывает тьмы кромешной...
Вот веткой не спеша орешник
В ночное вломится окно,
Вот фарами по потолкам
Скользят прохожие машины,
Их ответ, медленный и длинный,
Дрожит, размытый по бокам,

Цветными бликами трамваи
Вползают в летние дожди –
Движенья быстрого не жди:
Его придержит темнота, и –

В рассвет скворчинный фейерверк
Кривым фонтаном брызнет вверх!

* * *

Пёстрые на горизонте
Судьбы?
Да нет, паруса...
Жадные взгляды...
– Не троньте!
Чёлка. Над чёлкой оса...

Шлёпанье волн под Тулоном.
В соснах и скалах – закат.
Солнечной злостью спалённый,
В прошлом – недавно! – зелёный
Лес, что по склонам и над.
...Плещет на плечи закат.

В дырку закатную вдетый
Высоковольтный кусок.
Чайки горланят: «Ну, где ты?»
Волны ласкают песок...

Там – горизонт или остров?
(Несоразмерность строки!)
Старого сейнера остов
В русле безводной реки.
Прошлое слито с грядущим.
(Нет ни того, ни сего!)
Катятся круглые тучи
По головам островов.

Словно спина крокодила
На горизонте пустом
Слабость – слоями – и сила,
Слой (или пласт над пластом) –
Эти обрывы над морем
Жёлтые, серые, на...
Взрезана глупым мотором
Тонет в воде тишина.

Всё это пляшет и плещет,
Всё это – мне или Вам?...
Что там такое обещано?
...Плюхнув волною на плечи нам,
Катер уйдёт к островам.
Жадные взгляды...
– Не троньте!
Сдутая ветром оса...

Пёстрые на горизонте
Снуют паруса...

* * *

Снег пытается перечеркнуть среди белого дня фонари.
А сквозь снег уцелевший
На свет – ноготки тёмно-рыжего цвета...
На столе – жёлто-красное яблоко.
Только зачем я – про это?
А затем, что ведь каждый свой мир фабрикует, ну, хоть из зари,
Из подручных вещей, из себя, из зверей, овощей,
Из...
Так вот на столе жёлто-красное яблоко, а за окном
Снег заляпан дождём.
Сквозь стекло смутно видно, как тополь
Сердито верхушкой качает...
Но меж ним и дождём
Есть ли связь? И какая?
Да и в чём она, в чём, кроме нас?
Или, скажешь, ни в чём?
Или сами зачем-то мы вдруг сотворяем её
Так нахально, как будто и вправду мир в самом начале?
Но причём же тут снег
И над снегом цветов эфемерное бытие?

Вся-то сущность стихов нынче в том,
Что описаны листья и корни,
Что проблема «про что» незаметно куда-то ушла...
А вот вечное «как» –
Пробивается к власти над строчкой упорно...
Содержание сделалось мифом,
Оживающим лишь, когда форма
Вдруг разбудит его...
И насмешливым локтем спихнёт со стола!

* * *

Когда ты в пути – ты не принадлежишь
Ни жизни домашней, ни жизни вне дома...
Так радостна смена пейзажей и крыш...
Но это «нигде» нам всё меньше знакомо...

Настолько глухого и леса-то нет,
Чтоб там отыскалась надёжность молчаний!
Куда ни забрался бы, ты – напросвет,
Когда телефон шевелится в кармане!

Как с морем лицом к лицу помолчать?
Войти в середину коровьего стада?
Тебя между жизнями могут достать,
В каком-то «нигде»...

А всегда ль это надо?

философия искусства

Владимир КАРАСЕВ

Родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Искусствовед, историк, автор многочисленных статей о современной живописи.

ПАЛИТРА ХУДОЖНИКА

В марте 2015 года состоялась персональная выставка Азизова Радика Абдурахмановича, посвященная празднику Навруз, где были представлены лучшие работы художника, позволяющие составить представление о его «художественной палитре».

...Имя художника Радика Азизова широко известно не только среди творческой интеллигенции Узбекистана, но и большому числу специалистов-искусствоведов во всём мире. Кто мог когда-то подумать, что мальчишка из городка Тойтепа (Праздничный холм), очень скоро станет участником более ста зарубежных выставок, обязательным участником всех наиболее серьёзных отечественных столичных выставок и будет стопками до метра высотой складывать многочисленные грамоты, сертификаты, дипломы победителя международных выставок, конкурсов и фестивалей. Пройдя серьёзную школу художественного училища им. Бенькова и института им. Островского, Азизов в 1991–1992 гг. прошел обучение на курсах Студии мультипликационного искусства при Союзе кинематографистов в Москве. Некоторое время работал на телевидении и в издательствах Москвы, но не смог обойтись без воздуха, в котором не было запаха цветущего персика, тех солнечных красок, какими наполнен упоённый Восток. С 1999 года он становится членом Академии художеств Республики Узбекистан. Именно с этого момента биографии начинается его триумфальное творческое озарение, открытие национального характера тонкого, вдумчивого, глубоко философского по содержанию художника.

Во всех работах Р. Азизова чётко вырисовывается своеобразная индивидуальность оригинального творца. Он одарён сильным воображением, тонким эстетическим чутьём, способностью смело рисовать и конструировать картину неожиданными пятнами красок. Внимательно всматриваясь в полотна Азизова, замечаешь, как проявляется его интеллектуальная доминанта, куда включены все умственные процессы: осознание впечатлений, формирование представлений и понятий, рассуждение, уподобление, утверждение, отвержение, формирование объектов и воображение...

И хотя его творения могут вызывать у зрителей самые разнообразные иллюзии, всё же эти картины понятны без объяснений и переводов. Очень просто делать то, что нравится публике, рисовать то, что она узнаёт, не задумываясь. Привычное приятно человеку, новое же заставляет напрягать воображение, порой даже вызывает отторжение. Во время первых выставок импрессионистов посетители негодовали: мол, где это видано, чтобы деревья были фиолетовыми, апельсины – синими, а небо – цвета

свежего масла! Но пришло время, и мы видим мир таким, каким показали его импрессионисты. Дело в том, что для каждого чувства и для каждого предмета в сознании человека хранится обобщённый символ, код. В духовном мире людей до Элюара не было символа синего апельсина. Писсарро подарил нам код фиолетовых деревьев. Художники-импрессионисты раскрасили мир таким множеством оттенков, так сместили контуры предметов, вдохнув в них трепетание жизни, что реальный мир перед нашими глазами раскрылся, расцвёл, стал неистовым, вечно меняющимся, мы заново открыли его для себя.

Внимательно всмотритесь в его картины «По первому снегу», «К Древу Желаний», «Сумерки», «К источнику», «Семья», «Мальчик с мангустом», «Ожидание» и в ряд других поразительных по исполнению произведений, чтобы увидеть, как на грани пуантилизма и кубофутуризма кисть творит романтический *impression*. Декоративная образность, основанная на хорошей классической школе живописи в творчестве Азизова стала поистине реформаторским актом в искусстве и породила в Республике множество последователей. Соединив, казалось бы, абсолютные антиподы – реализм и декоративность, обогатив этот стиль изрядной долей символизма, Радик Абдурахманович вот уже более двух десятилетий прокладывает собственный путь всеобъемлющего колоритного постижения мира. Практически во всех его произведениях цветовая гамма, используемая художником в сочетании с графической основой, органична, приятна для восприятия. Композиция, отточенная до мельчайших параметров, восхищает взор.

Стоит напомнить, что Восток уже давно открыл для себя многообразный мир переплетений чувств, законов духовности, игры интеллекта, поэтику большой философии. Работы Азизова, воплощающие все это, в какой-то мере преображают наше сознание. Он идёт оригинальным путём, не копируя предшественников и не подражая им, создавая на своих полотнах и графических листах мир новой поэтики. Найдя для себя раз определённую манеру, Радик Азизов стал отрабатывать в творчестве только это направление – некую ажурность и цветовое многообразие исполнения. Это было достаточно далеко от прикладного искусства, но в чем-то родственно ему. Поэтому его картины кажутся более доступными пониманию любого человека. Хотя на самом-то деле, его картины далеко не так просты!

...Можно по-разному относиться к абстрактной живописи Радика Азизова. Многие зрители и почитатели его искусства считают, что в этих произведениях идёт речь о средствах создания цветопластической и ритмической организации полотна, то есть только о дополнительных выразительных возможностях живописи. В действительности, эти работы прямо и непосредственно воздействуют на эмоциональную сферу и даже физическое состояние. Задача, которую ставил художник, состоит в том, чтобы донести до зрителя, прежде всего, порядок и разнообразие в эстетическом плане (то есть порядок абстрактно-выразительных средств), а затем расположить, эстетически изобразить объекты так, чтобы эмоциональные элементы выявлялись вместе с порядком и соответствием вне зависимости от того, что имеется в Природе. «Виниловый край», «Зигзаг удачи», «Композиция», «Этника», «Симфония», «Шоколадный день», «Сплетение», «Ширма», «Сны совести», «Повелитель снов» и другие полотна Радика Абдурахмановича глубоко эмоциональны, проникнуты духовностью, казалось бы, отвлечённых вещей и всегда привлекают к себе интерес и внимание. Эти работы Азизова точно соответствуют квинтэссенции «О духовном в искусстве» – как назвал Кандинский свою программную работу, которая и сегодня является «библией» абстракционизма, по определению маэстро требующей пробуждения, безусловно необходимой, обуславливающей бесконечные переживания, способности восприятия духовной сущности в материальных и абстрактных вещах. Абстрактные полотна Радика Абдурахмановича пронизывает идея иррационализма, стремление к мистике, но при этом уровень художественного мастерства Азизова, на мой взгляд, равен таким именам, как Альберто Маньели, Пауль Клее, Брам-ван-Вельд, Эльмар Бишофф...

Сравнить – значит соотносить с каким-либо временем развития Искусства. Но обаянием живой материи мысли и мастерства из одного пространственно-временного континуума в другой Радик Абдурахманович вносит свою лепту в эволюцию

развития культуры. Его интуиции подвластны проникновения в глубинные пласты законов живописного мироздания. Азизов выбрал все самое лучшее из опыта художников «серебряного века». Этому немало способствовала мультимедийность современного искусства, которая ранее отсутствовала и которая напрочь отсутствует в искусстве ряда стран Центральноазиатского региона. Отсутствие системной величины, невозможность (или нежелание) отречения от фигуративности и сформированные провинциальные представления об авангардном искусстве – то, что не позволило центральноазиатским художникам в полной мере соотноситься с авангардной проблематикой «культура и контркультура» (бинарное: репрезентативная – контркультурная), то есть отсутствие четко выраженных взглядов на природу авангардного искусства. Не произошло синхронизации творческого поиска в локально отдаленных художественных сообществах – западное искусство имело совершенно другие предпосылки, исходящие из другого общественного строя. В данном случае художественная система авангардного искусства сработала как «эффект домино». В поисках собственной идентичности некоторые отечественные художники воспользовались тем, что предоставило им само время. Подобное обстоятельство, связанное с поисками собственной идентичности в контексте актуальных мировых художественных процессов в постсоветский период, представляется как варьирование принципов авангарда в эпоху постмодернизма...

Необходимо отметить ещё одну грань творческого гения Азизова – это виртуозное владение юмористическим рисунком. Конечно, он не столько карикатурист, сколько человек, умеющий увидеть окружающий мир через призму юмористического кристалла, Азизов достойно занимает своё место в сотне лучших юмористов планеты. Нет ни одной крупной выставки юмористического рисунка, ежегодно проходящей в мире, куда бы не был приглашён Р. Азизов. Его взгляд на повседневность бытия, всегда наполнен какой-то лучезарной добротой, тонким остроумием и отсутствием всякого безоглядного политиканства, каким заражены, так называемые, «западные прогрессисты». Юмористический рисунок, карикатура – это особый вид творчества, проистекающий не от слепой злобы, а от интеллектуальной доброты, чисто детского озорства, мудрого остроумия.

Азизов – человек с запредельно обострённым чувством юмора, которое, как мне думается, проистекает от вселенского одиночества, от которого он и скрывается за шутками, афоризмами, сатирой. Тот тип самообороны от внешних угроз, которой мог выбрать и развить только интеллектуал. По сути, каждый художник, даже окружённый почитателями и друзьями, в творческом искании одинок, и ответственность за то, что он творит, сугубо индивидуальна.

Почему-то мы совсем забыли о том, что художник – фигура общественная, через рупор творчества общающаяся с миром. Любое его произведение – это рассказ и о себе, о своём видении времени, и реакция на ту атмосферу, в которой он проживает в настоящий момент, какими бы завуалированными не были сюжеты полотен. Каждое поколение людей открывает для себя вечные истины: добро и зло, самоотверженность и предательство, любовь и ненависть, рождение и смерть. Там за гранью веков, за туманом времени, сокрыта великая философия мудрецов. Но как постичь её, эту мудрость Бытия? Очень убедительно охарактеризовал творческие поиски Р. Азизова современный талантливый поэт и интересный художник Алексей Гвардин:

***Он не ищет потерянный Рай,
Оставаясь Романтиком
И не пророчит Апокалипсис
С надменностью оракула.***

Он творит

***Творит свой нереальный чарующий мир.
Мир, в котором – Жизнь.***

***В его картинах – дробящиеся тени виноградаря
Родительского дома и отраженный свет на саманных стенах Азии.***

*Сказочные города сотканы
Из мозаики цвета и грез, мелодий Востока.
В них радушие гостеприимного хозяина,
Украшившего праздничный дастархан
Разноцветьем плодов своего сада.*

И все живет ожиданием чуда.

*... Ведь летняя лунная ночь полна аромата и предвкушения
Прильнул к янтарной мякоти и ошутил вселенское блаженство...*

...Ах!

*Сколько трепета и лукавства в глазах горной красавицы,
Притаившейся за стволом векового дерева.
– Пришел! Уйдет или дождется?..*

*...И хрупкие невесомые кораблики, как забытые сны.
Кто и куда плыл на них?..*

*...Но одинокий циркач выпускает птицу с ликом ангела.
Сокровенная мечта ли это?
Или голубь, летящий к любимой?..*

*Художник не ждет благодати извне
И не занят поиском утраченного.
Он обретает себя,
Священнодействуя и сотворяя.*

*Под облаком древо желаний,
На облаке – рай.
Присел белой бабочкой ангел
На облака край.
От края до края
Другого нет рая.
И ангел босой зажигает фонарик
Над деревом желаний.
И облако – рай.*

Картины Радика Азизова выставляются на самых престижных выставках, без претензий на вычурность и дешевый изыск они вписываются в любой интерьер, источают красоту, добро, свет и радость жизни. Он относится к тем живописцам, значение творчества которых со временем будет только расти. Его творения, как жемчужины, рассеяны по океану людского бытия, в музеях и собраниях, там, где уже сейчас знают цену настоящему искусству.

литературоведение. литературная критика

**Саодат
КАМИЛОВА**

Родилась в 1974 г. в Ангрене. Окончила ТОГПИ. Работает доцентом кафедры мировой литературы НУУз. Автор многочисленных литературоведческих статей, переводчик.

РАССКАЗ-АНТИУТОПИЯ В СОВРЕМЕННОЙ УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В узбекской литературе рассказы с прогностической функцией появились несколько позже, чем, к примеру, в русской (в 90-е годы). Так, исследователи С. Мирзаева и Ш. Дониерова утверждают, что «современная научная фантастика в узбекской литературе развивается по четырем направлениям: «...Четвертое направление тяготеет к антиутопической линии развития»¹. Появление узбекских рассказов-антиутопий связано с осмыслением переломных моментов в истории нашего государства, изменением общественного сознания, с одной стороны, и активизацией в литературе модернистских и постмодернистских приемов письма, с другой. Наиболее интересные эксперименты в данной области представлены в рассказах «Адашбой» (2011) Р. Рахмата и «Остров тшеславия» Улугбека Хамдама (2012)². Следует отметить, что в данных произведениях, как и в русских рассказах-антиутопиях, основной акцент делается на проблемах нравственности, кризисе духовности, деформации личности. Так, в рассказе «Адашбой» («Заблудший») Р. Рахмата конфликт «личность и общество» реализуется посредством характеристики отношений индивида и толпы. Главный герой Адашбой попадает в странный кишлак, где живут «странные желтые люди с не закрывающимися ртами»³, обладающие телепатией. Синтез фантастики и реальности, а также элементов сюрреализма в организации замкнутого пространства кишлака помогает автору высветить в зеркальном отражении бездуховность общества, потерю традиционных нравственных ориентиров, трансформацию сознания, роль толпы в процессе нивелирования личности. В рассказе повествователь выполняет функцию отстраненного наблюдателя, причем, пользуясь терминологией Б. Успенского, можно сказать, что рассказчик, максимально сближаясь с главным героем, активно использует «внешнюю и внутреннюю точки зрения»⁴ в организации повествования. Иными словами, авторская позиция представлена как синтез объективного (повествователь) и субъективного (главный герой) планов. Такая технология позволяет более выпукло зафиксировать влияние толпы (жителей кишлака) на сознание личности: «Адашбой невольно подчинился распоряжению толпы, легко сняв кальсоны с ослабленной резинкой и, застеснявшись, быстро присел. Он чувствовал, что каждым

¹ Мирзаева С. Дониерова Ш. Истиклол даври адабиёти. – Т. 2010. – с. 139–140. Цитата дана в переводе автора статьи.

² Река души моей. Сб. современных узбекских рассказов (составитель и переводчик С. Камилова). – Т. «Адиб», 2011.

³ Там же. С. 167.

⁴ Б. Успенский Поэтика композиции. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 157-158.

его поступком руководит толпа, что он исполняет все распоряжения, мелькающие в их головах. Но только почувствовал, а противостоять ей не мог, ощущал, что у него нет ни сил, ни желания»¹.

Эпизоды-происшествия, описанные в тексте, регистрируют негативные тенденции, появившиеся в современном обществе. Так, сцены разрушения и поджога могил, а также фрагмент, когда дети катаются на гробах, свидетельствуют о разрыве преемственности поколений, родственности связей, рассказ о женщине с мускулами борца, о женщинах-русалках – свидетельство перераспределения гендерных ролей в обществе (не случайно, здесь для усиления представлен образ жены героя, заварившей чай из собственных слез и улетевшей на небеса); описание «психушки», где «...рядами стояли двухъярусные кровати, на которых, улыбаясь, в одинаковых одеждах лежали неопределенного возраста люди, вытянув руки по швам и безучастно глядя в небо, словно все вместе выполняли один приказ»; «Только по их улыбкам можно было догадаться, что они живы. Адашбою показалось, что их улыбки – результат воздействия каких-то волн, исходящих от проводков, вживленных в их мозг, которые напрочь лишали этих бедняг сознания и воли. Как может быть одинаковое настроение у всех»² – свидетельство живучести тоталитарного сознания. В финале произведения мотив утраты внутренней свободы личности максимально заострен: «Черные тучи опустились до самых плеч Адашбоя. «Неужели я так и не найду свой кишлак и останусь здесь на всю жизнь», – подумал он и посмотрел вдаль. Но огромная черная туча закрыла горизонт. Чуть погодя Адашбой оказался поглощенным этой мрачной тучей. Словно растворился в ней, исчез. Сохранилось только одно – способность мечтать»³. Таким образом, использование элементов антиутопии в сжатом пространстве рассказа позволяет автору перевести проблему «человек и общество» в сферу духовно-психологическую. Борьба свободы и насилия сосредоточена в душе главного героя. С исходом этой борьбы Р. Рахмат связывает и свои художественные прогнозы.

Поиски У. Хамдама находятся в несколько другой системе координат. Так, в рассказе «Остров тщеславия», используя сюжет о сотворении мира, он обращается к общим проблемам, имеющим вневременное значение. В рамках замкнутого пространства писатель изображает некогда единый народ, приплывший на остров после «катастрофы» и постепенно разделившийся на два враждебных племени. Два рода почти одновременно подхватывают болезнь. Эпидемия «строительства памятников» настигает каждого жителя острова, постепенно разрушая все вокруг: налаженный быт, семейные отношения, окружающую природу и т. д. «Ситуация ухудшалась, дошло до того, что соплеменники стали поедать друг друга. Но, поразительно, и тогда все живые, у кого хватало сил, каждый день просыпались с мыслью о памятниках, шли на единственное плато и до сумерек самозабвенно работали»⁴. В произведении повествователь имеет две «маски»: если в третьей части («Третье путешествие») рассказчик – это наблюдатель, и отмечается отсутствие модальности в сообщаемой им информации, активизируется несобственно-прямая речь, то в первой и второй частях («Первое путешествие», «Второе путешествие») он представлен в роли комментатора, а выбранная в данном случае сказовая форма позволяет использовать обращения к читателю, пояснения, размышления, вопросы: «Ведь мысль о том, что эти двое, сын и дочь вождей враждующих племен, когда-нибудь будут вместе, может возникнуть только у идиота! Ну, если только мир не перевернется! (Да простит Бог! Лучше скажем, на все воля Божья...) Они дети двух заклятых врагов, их племена враждуют вот уже тысячу лет, и на что, скажите, они могут надеяться?!» или «Но, подумав, они нашли другой способ соперничать: нет большего наслаждения, чем открытая демонстрация своего могущества на зависть врагам!..»⁵. Следует также отметить, что в рассказе нет характеров, имен, только единицы племени и не более того (здесь уместно отметить аналогию с рассказом Л. Петрушевской «Новые Робинзоны (Хроника XX века)». Писателю важно было показать угрозу болезни «честолюбия и амбиций», которая практически уничтожает островитян. Авторская

¹ Река души моей. Сб. современных узбекских рассказов (составитель и переводчик С. Камилова). – Т. «Адиб», 2011.

² Там же, с. 173.

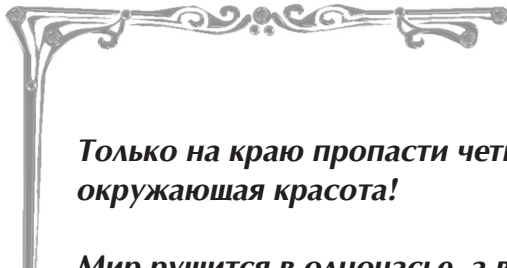
³ Там же, с. 175.

⁴ У. Хамдам. Ватан ҳақида қўшиқ.- Т.: Akademyashr, 2014. (Здесь и далее перевод автора статьи)

⁵ Там же.

позиция наиболее ярко выражена в финальной части рассказа «Третье путешествие» (несмотря на максимальную объективность изображаемого), где девушка и парень, уезжая с Острова, увозят с собой Книгу, которая поможет им выжить: «Если судьба смилостивится и направит их (как когда-то их предков) к Острову, где с шумом текут прозрачные воды, все начнется сначала... Тогда, может быть, как говорит девушка, они заново приступят к чтению книги и читать будут внимательно и вдумчиво. Главное – следовать прочитанному. На их земле никогда не будет войн, все будут жить в мире и согласии, они создадут райскую страну»¹. Так У. Хамдам в рамках рассказа с прогностической функцией, используя миф о сотворении мира, констатирует хроническую болезнь человечества способную уничтожить мир.

Таким образом, в современном узбекском рассказе наблюдается активное использование элементов антиутопии при освещении актуальных вопросов современной действительности. Концентрация событий вокруг «пороговых» эпизодов позволила выявить негативные стороны социального устройства и наметить деформацию души современника. Помимо социального прогнозирования, в рассказах сделан акцент на духовной составляющей современного человека в условиях изменяющегося мира, отсюда перечень философских вопросов, рассмотренных в малой прозе (избавление от тоталитарного сознания, личностная свобода, человек и государство, нивелирование личности и т. д.). Организующим ядром повествования являются автор-повествователь, наделенный различными функциями (наблюдатель, фиксатор, комментатор), и герой-повествователь, причем, и повествователь, и герой, как правило, присутствуют во всех текстах, но в различной степени соприкосновения с описываемым (максимальное сближение или отдаление), что, в свою очередь, «делает» прозрачной авторскую позицию. Помимо этого, в таких рассказах в зависимости о солирующей роли повествователя или героя (что свидетельствует об объективности/субъективности повествования) можно проследить тяготение к синтетической форме повествования (объективно-субъективной).

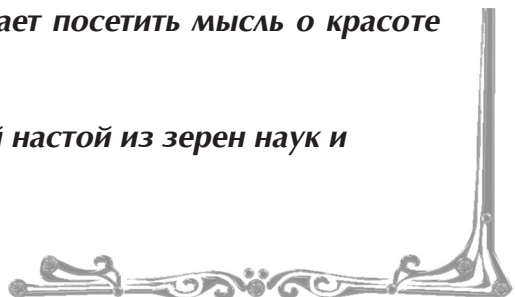

***Только на краю пропасти четко вырисовывается
окружающая красота!***

Мир рушится в одночасье, а возводится тысячелетиями...

***При падении Нас не успевают посетить мысль о красоте
полета...***

***Философия – это целебный настой из зерен наук и
человеческой мудрости!***

¹ У. Хамдам. Ватан хакида кўшиқ.- Т.: Akademnashr, 2014.

переводы

Рубаи(Перевод Раима Фархани¹)

* * *

Жизнь праведника не подходит мне.
 Дом счастья рухнул по моей вине.
 И без любимой ночь опять придется
 С напитком горьким коротать наедине.

* * *

Что под землей? Внимательней смотри –
 Погребены рабы, вельможи и цари.
 Спят лунные красавицы твои,
 Здесь ложе с ними делают муравьи.

* * *

На дереве родится всякий плод:
 Послаше этот и кислей вон тот.
 Его ль винить, что не был он обласкан
 Твоим теплом и светом, Небосвод.

* * *

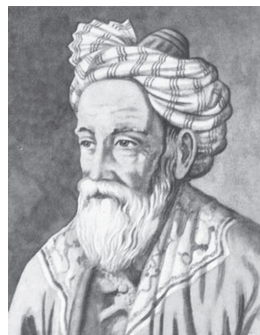
Всего красноречивее, друзья,
 Кутилам и повесам несмышленным
 Рассказывает лысина моя,
 Каким я был кудрявым и влюбленным.

* * *

Царь ли, нищий – уходит любой человек
 Повторяя: «Спасибо за хлеб и ночлег».
 И другие придут и за нами уйдут.
 Никому не дано это царство навек.

* * *

Живое топчет, раздевает смерть,
 Пожара пламя раздувает смерть.
 В сок обращая гроздь в своей давилльне,
 Вновь жизнь в кувшине пробуждает смерть.

Омар ХАЙЯМ

(1048 – 1131 гг.)
 Родился в Нишапуре
 в семье торговца.
 Персидский поэт,
 математик, астро-
 ном и философ
 (трактат «О дока-
 зательствах задач
 алгебры и аллука-
 балы», книга «Ком-
 ментарии к трудным
 постулатам книги
 Евклида», трактат на
 языке фарси «О все-
 общности бытия»).

¹ Популярный поэт, сказочник, переводчик, журналист. Член СП Узбекистана, главный редактор экологического журнала «Родничок» («Булоқча»).

* * *

Не стоит горевать из-за греха,
Покайся и греши, живешь пока.
Бог грешников карает и прощает.
Ты будешь среди них наверняка.

* * *

Хотя бы раз в кругу прелестных дев
Ты на лугу постигнешь, захмелев:
Вот уголок потерянного рая,
Все остальное – ада перепев.

* * *

Бокал вина хранит улыбки свет.
Перед уходом спросишь стар и сед:
«А разве гурии земных подруг прекрасней?»
Молчаньем светлым будет твой ответ.

* * *

Так жемчужина зреет в заточенье одна.
Как в бутоне цветок, силы копит она.
Обращая в струну неподвижное море,
Обретает свободу душа, как волна.

* * *

Ты глину замесил, создав мой дух и плоть.
И в доме поселил. Что делать мне, Господь?
Ты все предназначтал. Что остается мне –
Вкушать твои плоды иль сорняки полоть?

* * *

Кто в юности сверлил глазами небосвод,
Умом хотел познать светил извечный ход.
Растерян, потрясен, с поникшей головою
Покинул этот мир, когда пришел черед.

* * *

Если б властен был я над судьбой людской,
То избрал бы непременно путь такой:
Я изгнал бы прочь печали мира,
Небо в радости достал бы я рукой.

проза

ОК-ЖЕТПЕС

Повесть

*«Как круто в воду падает скала!
И вдруг поймешь с печальной улыбкой,
Что ты ступил на грань добра и зла,
Удержишься ль на этой грани зыбкой?..»*
Сакен Сейфуллин «Кокшетау»

1. ПЕНСИОНЕР

Петр Сергеевич пристрастился к Скайпу, выйдя на пенсию. Хотя «выйдя» – мягко сказано. «Высочив» – точнее: хлопнул дверью и высочил из кабинета. Наоборот, разумеется, высочил и хлопнул дверью после того, как директор, вызвав его, сообщил, что Постановлением Кабинета министров предписано освободить руководящие должности от работающих пенсионеров и поставить на эти должности молодых. Я могу предложить вам, сказал он, должность простого инженера по годовому контракту.

– Кого планируете на место начальника службы? – поинтересовался Петр Сергеевич.

– Сабирова, – ответил директор.

Сабиров был ставленником кого-то из кабинета. Само по себе для начальника службы это неплохо – позволяет решать трудные вопросы, но беда в том, что был Сабиров специалистом нулевого уровня, самым слабым в службе.

– Понятно, что у нас интересы дела на последнем месте, – хмыкнул Петр Сергеевич.

Это и был его истинный «хлопок дверью», после которого он и высочил на пенсию окончательно, хотя мог бы еще трудиться на благо и для собственного удовольствия. Продолжал заниматься теннисом, в качестве ветерана отрасли пользуясь правом бесплатного посещения ведомственных кортов. Но стержень личности слегка дал трещину. Он привык руководить большим коллективом и решать важные производственные задачи, а теперь мог руководить только собой, ибо дети давно жили собственной жизнью в России, с женой развелся десять лет назад, когда она сначала уехала за детьми, а потом там вышла замуж. Сам же он, будучи крайне дисциплинированным, в руководстве не нуждался. Скучота... Тогда-то он и пристрастился к интернету, вообще, и к Скайпу, в частности. Сначала только с детьми общался, потом старых друзей отыскал, не очень часто, но общались, даже с женой связь наладил через детей. Но с ней, в основном по бывшим семейным датам. Неожиданно для себя стал участвовать в скайп-дискуссиях и лекциях по философии «неовсеединства» в сообществе «новая русская философия», о коих узнавал из «Живого журнала», где свой блог завел, через который общался с виртуальными друзьями, вернее, френдами.

**Владимир
ВАСИЛЬЕВ**

Родился в 1948 г. в г. Рыбинске. Писатель, поэт, переводчик, член Союза писателей Узбекистана, автор многочисленных фантастических произведений. Лауреат премии «Интерпресскон-91». Кандидат технических наук. Живет в Ташкенте.

И вот однажды в один из длинной череды одиноких вечеров к нему пришел вызов на Скайп от неизвестного адресата под ником «Ок-Жетпес». Повяло юностью, любовью, счастьем – на скалу Ок-Жетпес они с женой залезли в первое свое «медовое» путешествие, когда им было лет по двадцать с небольшим. Во время этого восхождения он впервые понял, что значит бояться за любимого человека. У него так зашло сердце, когда у идущей впереди жены соскользнула с упора одна нога, что он сам чуть не ухнул в обрыв, но успел подсунуть для упора ей под кед свою руку, и она благополучно взобралась, толком и не заметив опасности. А он понял, что если бы она сорвалась, он бы, не раздумывая, бросился следом. Не из рефлексии, а по приказу инстинкта любви. Выжили, жизнь прожили и даже разошлись в конце. Но главное, он успел вовремя руку подставить.

Ну, как после этих ассоциаций было не откликнуться? Он и дал согласие на видеоконтакт.

Сначала на экране появилась темная вода, вид сверху. Потом по воде побежали световые блики – лунная дорожка, звучала очень красивая музыка. Но не «Лунная соната», как можно было бы ожидать по видеоряду, а что-то незнакомое или знакомое отдаленно. Классика. Звучал симфонический оркестр. Изображение неспешно двигалось под музыку по лунной дорожке, уткнулось в берег озера... Да, это оказалось озеро. Камни, сосны... Потом в поле зрения попало подножие скалы.

Мелодия улетела в высоту и за ней последовала видеокамера, демонстрируя панораму всего Боровского комплекса красот: леса, горы. В конце концов, перед Петром Сергеевичем возник вид Земли из космоса. Очень красивый вид, но ему казалось, что он видит скалу Ок-Жетпес на берегу озера.

И она возникла опять, но с другого ракурса, и была похожа на громадного человека с зеленой буркой на плечах и в богатырском шлеме на голове. Он задумчиво смотрел то ли на озеро, то ли на горизонт – со спины было не разобрать, но задумчивость ощущалась во всей его позе.

На этой картинке и завершилась видео-запись, но почему-то не исчезла.

Петр Сергеевич в оцепенении сидел перед экраном ноутбука. А в голове его звучало: «Ок-Жетпес... Ок-Жетпес...»

Он твердо решил, что должен туда поехать и вошел в Яндекс за подробностями...

2. АКТРИСА

Этого не могло быть, потому что не могло!.. Звучащий на ее айфоне рингтон не мог звучать, потому что его никто не слышал. Или слышал?.. По крайней мере, не мог записать. Салтанат сама придумала эту мелодию, хотя «придумала» звучит как-то неточно. Мелодия вдруг зазвучала в ней, когда она самостоятельно забралась на Ок-Жетпес, и, не удержавшись, запела, сначала потихоньку, а потом все громче – так душа требовала, как у Сакена Сейфуллина:

***Когда исходит песнею душа,
Она – то ввысь взлетает, словно птица,
То по земле крадется не спеша,
Как белая сторожкая лисица.***

Нечто подобное ощущала и Салтанат, чувствуя себя то калмычкой пленницей хана Аблая, взобравшейся на эту скалу, чтобы броситься вниз, если не удастся получить свободу, и певшей оттуда свою притчу для ханского войска, то местной красавицей-казашкой, своей песней вдохновившей жениха на выстрел, после которого стрела долетела до нее, стоявшей на вершине Ок-Жетпеса. Они же пели так, что их хорошо слышали внизу... А как пела она, Салтанат? Вдруг кто-то услышал и записал?.. И теперь продал?.. А она хранила мелодию как свою личную тайну, хоть и записала ноты, чтобы не забыть. Но запись точно никто не мог видеть.

В тот год она вместе с артгруппой студентов Казахского национального университета искусств в Астане, где училась, отправилась в курортную зону на подработку. Для нее, уроженки Чимкента, столицы Южно-казахстанской области, эти северные края были в диковинку, и она буквально впитывала их красоту. Ей незамедлительно рассказали все легенды, связанные с краем, и дали почитать поэму Сакена Сейфуллина «Кокшетау». Салтанат прониклась, вдохновилась и, никому не сказав, решила проверить легенды –

полезла в одиночку на скалу, казавшуюся неприступной. Хотелось проверить могли ли легендарные девицы забраться на вершину. В Чимкенте она с друзьями немного занималась альпинизмом, и некоторые навыки имела. Оказалось, что маршрут весьма истоптан. Она не в лоб, конечно, полезла, без снаряжения это невозможно, а взобралась, так сказать, на спину батыра Ок-Жетпеса и обнаружила там тропу к вершине. На скалистой части нашлись расщелины, а в некоторых местах и железяки, засунутые в них. А наверху ее охватил небывалый восторг – такая красота открылась! Она поверила в легенды, а душа возгладала песни. Тогда-то и родилась мелодия. Эта самая, что сейчас так обидно звучит рингтоном.

Салтанат в сердцах нажала на прием и услышала требовательный бас:

– Встретиться надо, приезжай!

– Кто это? – возмутилась она наглости, ибо никуда приезжать не собиралась и не могла, потому что приехала в Москву недавно по приглашению знаменитого режиссера и уже начала сниматься на Мосфильме в его новом фантастическом фильме, где, как ни странно, в полной мере использовались не только ее актерские данные, но и вокальные. Роль колдуньи-воительницы, гипнотизировавшей пением как свой народ, так и врагов, превращая их в друзей, была проявлением истинной сущности Салтанат. И отказаться от нее она не могла даже под дулом автомата. Она собиралась использовать в роли «свою» мелодию, которая вдруг так нагло была украдена.

– Ок-Жетпес, – ответил бас. Приедешь. Это нужно тебе. Посмотри на экран...

Она посмотрела и обомлела:

На экране высилась скала Ок-Жетпес, и сквозь глубокие каменные складки из-под надвинутого на брови богатырского шлема-слоника на нее смотрели глаза, мудрые и печальные, а на вершине стояла она, Салтанат, и пела ту самую мелодию, но уже не в рингтоновском звучании, а в настоящем, живом. Только одежды на ней такой, как на экране, тогда не было. Нормальные люди в наше время так не одеваются. Разве что фантастические колдуньи? Но репетиций в костюмах еще не начинали.

Она прослушала свое пение до конца и записала ролик в память.

– Я жду тебя, – сказал Ок-Жетпес и отключился.

Салтанат знала, что обязательно к нему приедет. Только что делать с режиссером?..

3. РЕЖИССЕР

– О, Салтанат! – неожиданно радостно закричал Режиссер, увидев молодую актрису, которую ему рекомендовали друзья из Казахстана

– Здравствуй, – потупилась она, раздумывая, как ему сказать о том, что должна уехать.

– Тут хрень какая-то творится, – пожаловался он. – Утром материал по фильму просматривал на компе, вдруг интернет сам подключился и давай ролик крутить – ты на скале стоишь в костюме, который мы еще не сшили, так, отдельные эскизы только набросаны, и песню поешь, вернее, мелодию красоты необыкновенной, которой я тоже еще не слышал. И, главное, по мозгам долбит: Ок-Жетпес... Ок-Жетпес... Что это? По-казахски вроде звучит... Что за хрень?

Салтанат достала Айфон и включила запись. Режиссер уставился на экран.

– Это? – спросила она.

– Это, – обалдело подтвердил он.

– Полчаса назад пришло, – доложила она.

– А мне часа два как... Что это?

– Скала называется Ок-Жетпес, что по-русски значит – стрела не долетит. Мелодия моя. Я ее пела на этой скале два года назад, совсем в другой одежде. И была уверена, что никто меня не слышит.

– Уверена она, – хмыкнул Режиссер, – да с таким голосиной тебя в соседнем городе, наверное, было слышно... И что это за морда в скале?

– Вы тоже видите? – осторожно уточнила Салтанат. – И глаза?

– Если эти экраны можно назвать глазами, то вижу, – попытался слабенюко иронизировать режиссер. – Но костюм откуда?! Хотя я излагал свои идеи художнику по костюмам, а он переслал мне по мылу свои наброски... Неужели с компа слямзили? Ну, ничего святого!.. Кто-то что-то нам пытается навязать... Тебе не кажется?

– Уже не кажется, – ответила она. – Я в этом уверена. Только не пойму пока, хорошо это или плохо.

– Дашь мелодию в фильм? – требовательно спросил Режиссер. – Авторство за тобой, деньги – соответственно, по высшей ставке.

– Конечно, дам, я уже не мыслю роль без нее, – согласилась Салтанат.

– Странно, но я тоже, – признался он. – Может, это ты все это провернула? – нервно подхихкивая, предположил Режиссер. – Двадцать пятый кадр и все-такое... Музычку свою пристроить...

– Да как вы можете! – возмутилась она.

– Знаю, что ты на такое неспособна, тут профессионалом надо быть – не каждый оператор сумеет. Да и по моральным принципам – не твой это путь, извини старого дурака.

– Да вы не старый, – проявила вежливость актриса.

– Знаю, – кивнул он. – но потрепанный... Так сегодня закругляем срочные дела, а завтра вылетаем. Администратору сам скажу, ты собирайся. Возьмем с собой сценариста и оператора – чую, пригодятся. Куда билеты брать?

– В Астану, – подсказала Салтанат. Оттуда несколько поездов ходит до Щучинска.

– Надо же, какие русские названия, – хмыкнул он.

– Станция называется Бурабай или Боровое, – уточнила она.

– Паспорт давай, чтоб билет купить. Ах да, где там жить?

– Санаторий «Ок-Жетпес», – объяснила она. – Может, дорого, но зато рядом, и мы ведь ненадолго?

– Как разберемся, что к чему, так и назад, – объяснил он. – Почему-то мне кажется, что толк от поездки будет...

4. САНАТОРИЙ

Режиссер с оператором заселились в двухместный люкс, а сценарист, он же весьма популярный писатель-фантаст, предпочел люкс на одного человека. Ему надо было писать, писать и писать: и сценарий требовал доработки, вернее, требовал режиссер, и срок подходил роман сдавать в издательство. Салтанат тоже забронировали одноместный люкс – надо держать марку московских актеров, но директор санатория, вышедшая встречать знаменитых гостей, сразу же начала возражать:

– Нет уж, нет уж! Салтанатушку мы в апартаменты поселим! И денег сверх не возьмем! Все равно они пустуют, и брони нет. А Салтанатушку мы любим. И помним, как она порадовала нас два года назад, и за ее успехами следим. Это хорошо, что вы ее на роль взяли, она вас не подведет. Взяли же?

– Взял, взял, – подтвердил Режиссер, поставивший себе на заметку, что ему – режиссеру с мировым именем – апартаменты не предложили... Вот что значит любовь народная.

Бросив вещи в номера, все пошли поглазеть на Ок-Жетпес, хотя его и из окон было видно.

Салтанат водила коллег и по дороге, и со стороны Чебачьего озера, пытаясь продемонстрировать Ок-Жетпес с разных ракурсов. Оператор снимал на всякий случай на видеокамеру. Режиссер прикидывал, как можно использовать пейзаж в картине, а сценарист нащупывал сюжетные ходы, чувствуя настрой заказчика. Они уже успели обсудить возможность использования здешних видов. По ходу рекогносцировки Салтанат обратила внимание на седого худощавого мужчину, неподвижно сидящего на камне и пристально рассматривавшего Ок-Жетпес. Она отошла от коллег и приблизилась к мужчине.

– Извините, с вами все в порядке? – спросила она.

Петр Сергеевич, провалившись в воспоминания, не сразу понял, что обращаются к нему, он перевел взгляд на девушку, автоматически отметил, что она фантастически красива, и ответил:

– Он меня позвал.

– И вас тоже? – воскликнула она.

– Вы хотите сказать?.. – живо поинтересовался он.

– Да-да, – кивнула она. – И моего режиссера тоже.

– Получается, что здесь нечто затевается... – сделал Петр Сергеевич логичный вывод. – Только кем и что?

– Мы и приехали сюда, чтобы разобраться! – вскрикнула Салтанат и позвала: – Эй, классики, идите сюда.

Классики послушно отозвались, уже притомившись от созерцания красот.

– Вот, – сказала она подошедшим классикам кино, – Петра Сергеевича тоже Ок-Жетпес позвал...

Все недоверчиво посмотрели на пожилого человека.

– Петр Сергеевич Толмачев, – представился он.

– Тариэл, – представился Режиссер.

– О, – отреагировал Петр Сергеевич, – тезка витязя в тигровой шкуре!

– Сергей, – представился сценарист-писатель.

– Анатолий, – опустил камеру оператор. Историческую встречу он зафиксировал.

– Кого из вас еще позвали? – поинтересовался Петр Сергеевич, когда все пожали друг другу руки.

– Меня, – ответил Режиссер.

– И меня, – присоединился писатель.

– Тебя?! – удивился Тариэл. – А что ж ты молчал до сих пор?

– Сначала сам хотел разобраться...

– Интроверт хренов, – проворчал Режиссер.

– Даже обидно, – хмыкнул оператор, – обошли вниманием, не удостоился.

– Радуйся, ибо подозрительно все это, – успокоил его писатель. – Я лично ничего хорошего не жду, но разобраться надо... Вы раньше здесь были? – спросил он Петра Сергеевича.

– Да, медовый месяц с женой в палатке на берегу Чебачьего провели, на Ок-Жетпес лазили.

– Ясно, – кивнул Сергей, – но алгоритм не складывается. – Меня сюда в детстве родители привозили, у вас – медовый месяц, Салтанат выступала здесь, а витязь в тигровой шкуре не вписывается... Или ты когда-то был здесь?

– Я не бывал здесь никогда! – твердо ответил Режиссер.

– Тогда не складывается, – развел руки в стороны писатель.

– Мне кажется, – сказал оператор, – что надо нам всем собраться в чьем-нибудь номере и вдумчиво проанализировать ситуацию. Возможно, тогда и обнаружится что-то общее.

– Хм, – передернул плечами Режиссер. – Мне и Салтанат показали одно и то же. Причем, ее это касалось прямо, а меня косвенно, потому что я сразу клюнул и теперь не представляю фильма без этой сцены.

– Наводит на мысли, – кивнул писатель, – но информации пока маловато. Будем ждать дальнейших шагов от приглашающей стороны. А содержание приглашений надо рассмотреть внимательно, тут Толик прав. Пошли, что ли, проголодался я...

– Обжора, – проворчал Режиссер.

Киношники сели за четырехместный стол, а Петра Сергеевича администратор пригласил за двухместный. Пока он меланхолично изучал меню, дабы иметь общее представление, к нему подошла женщина:

– Вы позволите?

Он посмотрел на вопрошавшую и обомлел – перед ним стояла его бывшая жена. Впрочем, единственная. По Скайпу голос звучал иначе, отметил он мельком.

– Аська? – вскочил он, как молодой. – Да, конечно! – и отодвинул стул, чтобы она могла сесть.

– Удивлен? – спросила она.

– Не ожидал, – признался Петр Сергеевич. – Но рад!

– Это администратор мне сюрприз пообещала, получилось, – объяснила она.

– Ты здесь по ее приглашению? – напрягся Петр Сергеевич.

– Нет, по ее инициативе я за этим столом... А здесь я потому, что по телевизору показали фильм о Боровом, я увидела озера, Ок-Жетпес и поняла, что не хочу умереть, не побывав здесь еще раз.

– Что за разговорчики?! – нахмурился он. – Ты отлично выглядишь, молодец.

– Ну, я же не сейчас собираюсь, – хмыкнула бывшая жена.

– А что за передача? – допытывался Петр Сергеевич.

– Да не помню я, – махнула она рукой, – расчувствовалась и даже не посмотрела. Какая разница?

– А мне ты это не посылала по скайпу?
– Нет, даже в голову не пришло, – расстроилась она. – А ведь надо было... Хотя ты и сам приехал. Телепатия...
– Боюсь, что нет, – честно признался Петр Сергеевич. – Не сам, меня тоже пригласили, тоже показали видео, только по скайпу. Но я рад нашей встрече, честное слово, рад.
– Мне почему-то казалось, что мы встретимся, – слегка смутилась бывшая. – Наверное, требовала от желаемого стать действительным.
– У тебя получилось, – улыбнулся он. – Спасибо.
– Сегодня по нашему выбору, а с завтрашнего дня – по этому меню. Ставьте птички или подчеркивайте, что желаете, – подошла официантка с подносом и объяснила порядок, выставляя на стол блюда. – Вот кумыс на третье. Кумысолечение у нас обязательно.
У киношников трещало за ушами. Салтанат себя тоже не ограничивала, просто, ей нужно было намного меньше, чем мужикам, поэтому она успела и зал разглядеть. Обратила внимание, что новый знакомый увлеченно беседует с дамой приятной наружности и для ее лет весьма хорошей фигурой.
За соседним с киношниками столом сидели женщина лет тридцати с дочкой лет десяти. Они клевали из тарелок без особого аппетита и мило беседовали.
– Мама, а как слоник на гору забрался? – спрашивала дочка.
– Ну, я же читала тебе легенду про батыра Ок-Жетпеса, – напомнила мама. – Он поднял своего любимого слона над головой, чтобы уберечь от врагов, и вместе с ним превратился в скалу.
– Мама, легенда же сказка, а я спрашиваю, как он на самом деле туда забрался? И как спускается вниз?
– Ух, какая ты у меня рационалистка, – усмехнулась молодая женщина. – Зачем же слонику спускаться вниз?
– Травки покушать, ягодок, грибочков, – объяснила девочка.
– Это обычному слонику надо травку кушать, а каменные слоники ее не едят.
– Он наверху каменный, а в лесу – живой, – засмеялась девочка. – И водичку пьет, и купается в озере.
– А ты откуда знаешь?
– Сама видела, – деловито ответила девочка, – в окно смотрела и видела ночью. Эх, покататься бы на нем...
– Ах ты, моя фантазерка! – обрадовалась мама, решив, что девочке слоник приснился.
– Не буду кумыс! – сморщилась дочка, сделав маленький глоточек из стакана. – Хочу компот!
– Сейчас, – пообещала мама и пошла в сторону стола добавок.
А Салтанат отвлек Режиссер:
– Зови своего нового знакомого, – сказал он. – Пора военный совет проводить. Долго мы здесь быть не можем – график съемок...
– Лучше не я, – ответила она, поведя головой в сторону Петра Сергеевича.
Все посмотрели на указанный столик, потом оценивающе – на Салтанат.
– А ты добрая, – довольно и удивленно улыбнулся Режиссер. – Я привык, что все красотки – стервы. Получается, что ты красавица, а не красотка.
– Придется вам с этим смириться, – улыбнулась она.
– Эх, придется, – вздохнул Режиссер и, поднявшись, сам величественно прошествовал к столику Петра Сергеевича.

5. ВОЕННЫЙ СОВЕТ ИЛИ ТАЙНАЯ ВЕЧЕРА

– Ассоль, – представил свою спутницу Петр Сергеевич, войдя в апартаменты Салтанат.
Совет было решено провести там, как в самом роскошном, вместительном и аккуратном помещении. Мужчины в своих номерах не хотели демонстрировать посторонним беспорядок.
– Красиво, – сказал писатель и представился: – Сергей... А как по отчеству если не секрет?
– Разве у Ассоль может быть отчество? – усмехнулся Петр Сергеевич.
– Потому и интересуюсь, что не представляю, что может, – ответил улыбкой на улыбку писатель.

Петр Сергеевич включил свой ноутбук и, когда все заняли удобные для просмотра места, включил воспроизведение. Слушали и смотрели очень внимательно, можно сказать, не дыша.

Когда картинка застыла, а музыка замолкла, продолжая звучать в душе, Салтанат воскликнула:

– Это же Бах! «Мой Иисус»! Оркестр под управлением Стоковского. Очень старая запись. Я когда-то пыталась исполнить это голосом...

Она потихоньку начала, закрыв глаза, но мелодия постепенно овладевала ею, и голос подчинялся мелодии. Мороз бежал по коже, и что-то в груди перекореживалось, клубилось и стремилось ввысь.

Когда она замолчала, с улицы послышались аплодисменты.

– Конспираторы, блин, – хмыкнул оператор.

– А что такого? – пожал плечами Режиссер, – мы киношники, мы репетируем... А ты, сокровище мое, исполнишь в фильме и это, – пообещал он в тоне приказа.

– Только ради этого стоило приехать сюда, – сказала Ассоль. – Спасибо тебе, Ок-Жетпес.

– Ты с ним, как с живым, – удивился бывший муж.

– А ты думаешь, что все это мертвый снял? – удивилась она.

– Однако профессионально снято, – оценил оператор показанный ролик.

– Хорошо бы на предмет «двадцать пятого кадра» проанализировать, – заметил Режиссер. – Сможешь?

– Вполне, только дома на хорошей аппаратуре, – ответил Анатолий.

Салтанат заранее сбросила файл со своего айфона на ноут и тоже его показала.

– Замечательный все же у вас голос! – воскликнула Ассоль. – И мелодия чарующая.

– Да, сильно, – согласился Петр Сергеевич. – Но настойчивость очевидна – некто просто требует, чтобы мы собрались у Ок-Жетпеса.

– И мы собрались, – констатировал Сергей.

– А тебя, графомана, как сюда выдернули? – спросил Режиссер.

– Кто бы спрашивал! Ты же меня и выдернул, – проворчал писатель. – Если бы не ты, я устоял бы. Но когда и ты про Боровое запел, я понял – с этим надо разбираться.

– А что вам прислали, если не секрет, – спросила Ассоль.

– Да вот, – показал экран своего планшета писатель, – гениально лаконично.

На экране возникла фотография очень хорошего качества, на которой маленький мальчик сидел на плечах мужчины, а рядом стояла молодая женщина. Они были сфотографированы на фоне Ок-Жетпеса, улыбались и были явно счастливы.

– Это я с родителями, – объяснил Сергей, – но такая фотография не могла быть сделана в то время по техническим причинам. А родители мои десять лет назад погибли в автокатастрофе. Когда позвонил Тариэл, отказаться не смог.

– Кстати, я проверил все передачи по каналу, на котором вы смотрели фильм о Боровом, – обратился Тариэл к Ассоль. – Никакого фильма о Боровом не было...

– Но как же?!

– А вот так, – раскинул он руки в стороны. – Это была передача персонально для вас.

– А ты говоришь, как с живым... – попеняла она бывшему мужу. – Разве мертвый на такое способен?.. А может, это наш обший ангел?

– Или дьявол? – усмехнулся Сергей. – Слишком изобретателен. Ангелы попроще.

– Нашелся специалист по ангелам, – иронично хмыкнул Режиссер.

– Итак, – взял ситуацию в свои руки Толмачев, как ему неоднократно приходилось это делать по служебному статусу. – Первое: мы практически точно установили, что всех нас сюда пригласили. Отдельный вопрос: почему все мы откликнулись на приглашение? Пока не будем на него отвлекаться. Второе: наше присутствие здесь почему-то связано с Ок-Жетпесом. Он и правда сыграл немалую роль в нашей жизни, но мало ли судьбоносных мест на планете? Почему именно сюда? И третий, возможно, главный вопрос, с какой целью нас позвали? И еще один вопрос: сколько в санатории званных? Неужто только мы?..

– На последний вопрос без дополнительной информации мы ответа не найдем, надо ждать дальнейших действий, – заметил писатель.

– Да, пока никаких ответов мы найти не можем, – добавила Салтанат. – Как я понимаю, цель нашей беседы – привести в порядок исходную информацию. Мне кажется, это

произошло. Мы не только ответов не можем найти, а даже осознать, что происходит, во всяком случае, я не могу.

– Я предлагаю, получив информацию для размышления, разойтись и хорошенько выспаться. Утро, как известно, не то мудренее вечера, не то мудрёнее, – крикнул оператор. Посмотрим, что день грядущий нам подсунет. А с дороги надо спать, чтоб голова хорошо работала.

– Я согласна, – сказала Ассоль, – устала.

– Расходимся, – поднялся Режиссер. – Хозяйке спасибо за приют.

– Это вам спасибо за доверие, – ответила она. – Надеюсь, что это не последний наш совет здесь. Вместе интересней и не так страшно.

– А тебе страшно, девочка? – спросила Ассоль.

– Не так, чтобы очень, но я не люблю непоняток, – ответила Салтанат.

– Ох, и задам я храпака... – пообещал Анатолий, сладко потягиваясь, и, заметив вытянувшуюся физиономию Режиссера, успокоил: – Да не бойся, шучу, я совсем не храплю – все подруги удивляются.

6. МУДРЕННОЕ УТРО

Салтанат снилось, что ее зовет мама. Издалека, но отчетливо слышно. Это было приятно – давно маминого голоса не слышала. Она во сне спешила на голос, подпрыгивала и долго-долго летела, и это было так приятно... Пока в дверь ее номера не постучали. Не очень громко, но настойчиво. Салтанат накинула халатик и, продирая глаза, открыла дверь. За дверью стояла женщина, которую вчера она заметила в ресторане: та, что с девочкой была, а рядом – директриса санатория.

– Салтанатушка, извини, что разбудили, – сказала она, – девочка пропала семи лет, светленькая, к тебе не заходила? Мы всех спрашиваем...

– Я помню девочку, – кивнула Салтанат, – мы в ресторане рядом сидели... Я слышала ваш разговор про слоника, – обратилась она к матери, в глазах которой застыло отчаяние. – Нет, я ее не видела, ко мне она не приходила. Вы не паникуйте, найдется. Тут вроде пропадать негде, не сибирская тайга, все искать будем. МЧС надо вызвать.

– Уже, – сказала директриса. – Они распорядились до их прихода все номера проверить и служебные помещения. Вот и проверяем.

– Ей очень понравилось, как вы вчера пели, – сказала несчастная мама. – Извините.

– Я сейчас оденусь и присоединюсь, – пообещала Салтанат.

Женщины ушли, а Салтанат ощутила неприятный холодок в груди. Он всегда был признаком реальной опасности и редко ее обманывал. Она быстро умылась, оделась и принялась звонить своим коллегам, кратко сообщая сонным «алло»:

– Надо встретиться, срочно, у меня! Посомневавшись, позвонила и Петру Сергеевичу, в нем чувствовался руководящий работник, не чета охламонам киношникам.

Через десять минут ворчащие и стонущие участники вчерашнего военного совета собрались в номере Салтанат.

– У тебя есть информация? – зевая, поинтересовался Режиссер, последним возникая в дверях.

– У меня есть ощущение, – решительно заявила актриса.

– И о чем вас предупреждает ощущение? – конкретизировал Толмачев.

– Об опасности, – серьезно ответила Салтанат.

– Для вас?

– Для всех, и для меня тоже.

– Вы полагаете, что пропажа девочки с этим ощущением связана или это независимые события? – продолжал спрашивать Петр Сергеевич.

– Оно возникло, когда я узнала о пропаже девочки, – ответила она, – значит, мне кажется, что все связано.

– На женских ощущениях стратегию строить опасно, – заметил писатель, – но иных источников информации у нас на данный момент нет, кроме факта пропажи девочки.

– Я изучал специально статистику происшествий и преступлений в отношении детей, нужно было по работе, – объяснил он. – Она могла пойти к озеру и упасть...

– Мы примем участие в поисках, – сказал Петр Сергеевич, – мы, чем можем окажем, содействие МЧС, но мы все время должны помнить, что оказались здесь не случайно и

что, возможно, присутствуем при начале событий, ради которых нас сюда призвали... Надо все время думать, как вмешаться в ситуацию...

– Надо просто попросить, – робко предложила Ассоль. – Ок-Жетпесик, дорогой и уважаемый, отпусти, пожалуйста, девочку, если это ты ее забрал...

– Аська! – смутился Петр Сергеевич. – Ну, что ты несешь, право дело? Может, мы еще перед скалой поклоны бить станем?

– Я стала бы, если б знала, что поможет, – тихо ответила бывшая жена.

– Я тоже, – поддержала ее Салтанат, – но по интернету к нам обращалась не скала... Как по интернету становиться на колени, я не знаю. И этого ли от нас ждут?

– Фантасты не подскажут? – съехидничал Режиссер.

– Пока нет, – ответил Сергей. – Думать надо. И не только фантастам. Правильно Петр Сергеевич сказал.

– Я хочу, чтобы все знали, – начала Салтанат. – Вчера я случайно подслушала разговор матери с дочкой, которая пропала. Девочка говорила, что видела в окно слоника и хотела на нем покататься... Знаю, что звучит безумно, но... я хочу, чтобы все знали...

Никто не возразил, но разве мыслительному процессу прикажешь? Крутилось-вертелось всякое...

МЧС прибыло на двух вертолетах. Пятнадцать человек и одна овчарка. Они сразу уединились с матерью девочки и директрисой. Через десять минут собака взяла след от номера мамы с дочкой. Она прямым ходом устремилась к выходу из корпуса, пересекла центральную площадь перед входом, промчавшись мимо цветочных клумб, и повернула в сторону, куда выходили окна номера. Под окнами резко остановилась и... потеряла след, словно в этом месте девочка вознеслась. Овчарка виновато потупилась.

– Она кого-то или что-то здесь увидела, – сказал полицейский, прибывший с МЧС. – И побежала, наверное, чтобы посмотреть, либо заранее договорилась.

– Но я ее уложила спать! – воскликнула мать. – И подходила, проверяла, я сразу чувствую, когда она спит, а когда притворяется.

– Вы сами из номера не выходили? – спросил полицейский.

– Нет! Как же я могу ее оставить одну? Она проснется и испугается. Так уже было, – возмутилась мать.

– Стало быть, вы проспали уход дочери, – констатировал полицейский очевидное.

Мать только удрученно кивнула.

– Она не говорила, что хочет с кем-то встретиться? – продолжил он допрос.

– Нет, – ответила мать, – хотя...

– Что хотя?! – уцепился полицейский.

– Она говорила, что хочет покататься на слонике...

– На каком слонике? Откуда здесь слоники? – удивился он.

– Да вон на том, – показала мать, – который на Ок-Жетпесе лежит. Говорила, что видела его из окна прошлой ночью.

Полицейский автоматически проследил за рукой матери, указывавшей на вершину скалы, и сразу возмутился:

– Что вы мне голову морочите! У вас дочь пропала, а вы мне про каменных слоников!.. Ну, женщины...

– Вы сами спросили... Это единственное, чего она хотела... Нет, еще хотела петь, как Салтанат.

– Какая еще Салтанат?

– Певица-актриса наша казахстанская, отдыхает здесь. Пела вечером. Вот дочка и размышлялась.

– Так, – распорядился он, – пусть собака пройдет по всем номерам. Если ее взяли на руки, то могли занести в номер.

– Но мы все номера проверили, – напомнила директриса.

– У вас нюх не тот, – хмыкнул полицейский.

Он повернулся к чину из МЧС, который стоял рядом и с интересом слушал.

– Ну, что? – спросил чин. – Ты по своей части – всякие там планы-перехваты, а я группы поиска организую во главе с местными лесниками. Уже должны подтянуться из лесхоза, водолазам – погружение, вертолеты – на облет территории.

– Да, давай разделимся, – согласился полицейский. – Действуй, а я по инстанциям

буду сигнализировать и просить о помощи. Вот только еще раз собачка понюхает, а то потом конфуз получится, если найдет.

– Меня, пожалуйста, возьмите с собой! – выступил вперед оператор. – У меня оптика – высший класс! Съемку произведу, потом просматривать можно будет, на лету и звенуть можно. У меня опыт есть.

– Кто таков? – строго спросил руководитель группы МЧС.

– Оператор московской съемочной группы, находимся здесь на съемках природы для нового фильма. Вот мой режиссер, он подтвердит. МЧСник глянул на Режиссера и расширил глаза:

– А я вас видел по телевизору! И фильм ваш видел последний – зашибись фильмец!

– Он снимал, – отрекомендовал Таризэл коллегу. – Возьмите – он дока.

– Пошли, – кивнул МЧСник. И быстро зашагал к своим.

Через пять минут водолазы отправились к озеру, а группы воздушного поиска – к вертолетам.

МЧСник из оставшихся организовал поисковые группы. Салтанат вошла в наиболее молодую группу, которой предстояло обследовать часть территории между Синюхой и Ок-Жетпесом – это горные склоны, они требуют немалой выносливости.

– А я поброжу тут в окрестностях, – сказала Ассоль. – Толпа – хорошо, а один следопыт – тоже неплохо.

– Ты только не забредай! – обеспокоился Петр Сергеевич, вдруг обнаружив в себе давно забытое чувство беспокойства за ближнего. Откуда чувству было взяться, ежели ближних не было.

Часть отдыхающих пенсионного возраста собралась на берегу озера, наблюдая, как работают аквалангисты. Над водой витало тревожное и пугающее ожидание. И так хотелось, чтобы оно оказалось пустым.

Ассоль внимательно рассматривала землю. Ничего приметного не было. Углубившись на пару метров она увидела довольно широкую прогалину. И тут ей почудилось нечто интересное: сначала одна вмятина неестественно круглой формы – в природе редко правильные геометрические формы, – потом вторая, третья, четвертая. Она сфотографировала сначала каждый след, потом попыталась запечатлеть их на одной фотографии, а для надежности позвонила мужу, ну да, – бывшему:

– Петруша, – сказала она, – кажется я нашла нечто очень интересное... Очень тебя прошу подойти ко мне, я там, где собака потеряла след девочки. И писателя с собой позови, чтобы свидетелей больше было, и никто не подумал, что старики свихнулись.

Через несколько минут мужчины прибыли.

– Ну, что у тебя, Аська? – с интересом спросил Петр Сергеевич.

– Осторожно! – притормозила она мужчин.

– И что это? – спросил Сергей.

– А как по-вашему? – парировала она вопрос.

– А фиг его... Ну, может бочки какие-то стояли. Правда, дно бочек должно быть идеально круглым, а тут не совсем...

– Разве? – удивилась Ассоль.

– Посмотрите сами, – показал пальцем писатель, – вот здесь какие-то выступы, еле заметные да и окружность не совсем округлая...

Он взял тонкую веточку, отмерил диаметр окружности, сломал веточку пополам и обозначил центр. Потом из центра стал веточкой проводить окружность. Она действительно не совпадала со следом.

– К тому же непонятно, на кой ляд ставить бочки по такому периметру? – высказал сомнение Петр Сергеевич. – На колеса тоже непохоже...

– У тебя, Аська, наверняка гипотеза есть, колись.

– Слоник, – тихо прошептала она, предвидя реакцию рационалистов.

– Чисто теоретически, возможно, – неожиданно поддержал ее Сергей.

– Да! – обрадовалась она. – Тогда можно предположить, что слоник взял девочку с асфальта хоботом и посадил на спину. Поэтому и след теряется.

– Естественно, – заметил Толмачев, – фантаст и Ассоль всегда найдут общий язык.

– Я же сказал – теоретически, – ответил писатель. – Реально я не вижу, откуда бы здесь взяться слонику, жирафу, носорогу... Разве что цирк приехал на гастроли, а зверь

сбежал, так пронесся бы уже слух. Надо спросить у полиции... А у вас, Петр Сергеевич, какие гипотезы?

– Не понимаю, – задумчиво ответил он. – Если все это виртуально, то откуда у виртуального слоника следы?

– Вы о чем? – не понял фантаст.

– И я не поняла, – сообщила Ассоль.

– Если бы я сам понимал, – хмыкнул Петр Сергеевич. – Но подумайте сами: кто-то пригласил нас сюда через интернет или, как иногда говорят, всемирную паутину. Эта метафора мне кажется тут более уместной, то есть он выбрал виртуальную форму общения. И вдруг подсовывает информацию в виде грубых материальных следов... Не стыкуется, ребята.

– Оно, конечно, – как бы согласился писатель, – но все мы сейчас выбираем виртуальный способ общения, но от этого не становимся виртуальными.

– Уели! – признал Петр Сергеевич. – Тогда получается, что некто зазвал нас сюда и прячет слона-носорога-бегемота в кустах и болотах? Зачем? Что за игры?

– Вот и произнесено ключевое слово, – объявил писатель.

– Какое? – не сразу поняла Ассоль.

– Игра... – пояснил многозначительно писатель. – Меня с самого начала не оставляет ощущение, что я оказался в какой-то игре.

– Я полагаю, что самодельность хороша в поселковом клубе и КВНе, – высказался бывший муж. – Надо позвать полицию с собакой...

Тем временем Сергей встал на колени и принялся внимательно рассматривать следы.

– Не, – пришел он к выводу, – жирафы с носорогами не катят – это какие же габариты им надо иметь, чтоб такой след оставить. Опять же, жираф копытный вроде, а это явно не копыта. Слон – и тот должен быть фантастических размеров. Что-то тут не чисто. Может, кто-то изготовил муляж необычных размеров и выдавил здесь эти следы?

– Но зачем? – удивилась Ассоль.

– Игра... – пожал плечами фантаст.

– Ну, что тут у вас? – возник полицейский. Сзади, высунув язык, натягивала поводок овчарка.

– Вот, – показал писатель.

– Что это? – не понял полицейский.

– И мы хотели бы знать, – объяснил Петр Сергеевич и добавил решительным начальственным тоном. – Да вы берите след, не теряйте время! Потом объясним, если что-то получится.

– Давай, – решился полицейский, и кинолог скомандовал собаке:

– Искать!

Овчарка ринулась по следу.

«Виртуальные следы не пахнут», – отметил про себя Петр Сергеевич и двинулся за полицейским. Сделав несколько шагов, притормозил и обернулся.

– Аська, ну, давай же! Ты ж у меня спортсменка... Подал ей руку. Бывшая жена крепко ухватилась за нее, будто и не было многих лет разлуки – очень привычно и удобно ухватилась. И это оказалось приятно – опорой быть приятно.

А молодежь, ряды коей замыкал знаменитый и уже не столь молодой писатель, была уже далеко. Плохо, что на бегу, они могли упустить из виду много интересного, что отмечали бывшие супруги.

Во-первых, на просеке, по которой они бежали, полегли стволы молодых сосенок и березок, где ветки поломаны, где кора содрана. Можно было заключить – что-то мощное шагало или даже бежало.

Просека вводила в лес с некоторым уклоном к озеру. Потом довольно решительно повернула к берегу. Петр Сергеевич удивился слегка: если речь идет о каменном слонике, что полная чушь, от которой почему-то никак не удастся избавиться, тогда маршрут должен был склоняться в сторону Ок-Жетпеса. Хотя, если это маршрут прогулки, а не похишение, то вовсе и не обязательно. Чушь, лезущая в голову и не желающая ее покидать, Петру Сергеевичу не нравилась – склонности к мистике он никогда не испытывал и сейчас в нее не верил: даже если происходит нечто псевдомистическое, подоплека у события наверняка материальная. Надо только до нее докопаться.

След опять оборвался на широком камне, уходящем в озеро. Овчарка разочарованно

смотрела в воду и тихо виновато поскуливала – опять не оправдала ожиданий. Она всегда переживала, когда след обрывался. Двое полицейских и писатель вглядывались в глубину.

– Значит, все-таки бегемот, – пришел к выводу Сергей.

– Слоны тоже купаться обожают, – усомнился подоспевший Толмачев.

– Вы о чем? – обалдело поинтересовался полицейский-следователь.

– А вы как думаете, кому принадлежат следы, по которым мы шли? – посмотрел на него писатель.

– Ну-у-у... – задумался следователь, но ответа не нашел.

– У вас тут никакого заезжего цирка не было в округе? – спросил Петр Сергеевич. – Никто из зверей не сбежал?

– Насколько мне известно – нет, – ответил полицейский. – Надо запрос сделать. Может, из Астаны? Далековато... Хотя... Вы думаете, что то, о чем говорила мать, имеет реальные основания?

– Мы не присутствовали при вашем разговоре с матерью девочки, – напомнил Петр Сергеевич.

– Она говорила, будто девочка видела в окно слона и хотела на нем покататься, – ответил следователь.

– Девушка-артистка из нашей группы слышала этот разговор в ресторане, – сказал Сергей. – Наши столы почти рядом.

– Ясно, – кивнул полицейский. – Если слон дрессированный из цирка, то он вполне мог мирно предложить девочке покататься на нем. Надо срочно звонить...

– Товарищ полковник, капитан Кулманов с места происшествия... Девочка действительно пропала, ведем розыскные работы. Очень прошу запросить Астану и Кокчетав о наличии гастролой цирка зверей и о пропаже слона... Понимаю, что звучит дико, но обнаружены следы, собака взяла след... Оборвался в озере... Нет, не думаю. Что утопился, но слоны любят купаться. Девочка могла быть с ним... Спасибо! Есть продолжать поиски!..

– Будем ждать, – кивнул Толмачев.

– Нет, будем искать! – поправил его полицейский и набрал другой номер.

– Алло, Семенов, капитан Кулманов, у тебя ничего?.. Ага, направь водолазов ко мне – метров двести-триста по берегу, надо здесь посмотреть. Жду.

Через полчаса на катере прибыли водолазы. Следопыты к этому времени успели отышаться и задуматься.

– С чего решил, что здесь? – спросил руководитель аквалангистов.

– Собака след взяла, – объяснил следователь.

– А-а, девочки след... Че ж сразу не взяла?

– Да нет, след предположительно слона, но она могла на нем кататься, – пояснил полицейский. Овчарка вдруг твякнула, словно подтверждая слова следователя.

– Ну, ты даешь, Кулманов! Слона! Гы-ы...

– Сам глянь – чей след? – показал следователь на четкий след на тропинке перед камнем. МЧСник выбрался из катера и подошел к следу.

– Дела-а, – протянул он озадаченно. – Фиг знает... Может, и слон? Ну, о'кей. Погрузимся... Ребята, давайте. Отдохнули уже!

Ребята надели маски и погрузились. Овчарка с интересом глядела в воду. Люди – тоже. Но прошло пятнадцать минут, прошло полчаса – ничего...

Вдруг на тропе появилась бегущая мать девочки. В тишине был слышен ее топот. Взгляд безумный, глаза навывкате, запыхалась...

– Я проснулась... мне сказали... Где?.. Уф-ф...

Она чуть было не прыгнула в озеро.

– Успокойтесь! – схватил ее следователь. – Нет ее здесь, водолазы работают, нет ее. Это уже хороший результат. Может, поисковые группы найдут.

– Все ищут, милая, обязательно найдут... Ну, пошла девочка в сказочный лес, обязательно вернется... – обняла ее за плечи Ассоль.

Петр Сергеевич вспомнил, что жена его бывшая всегда умела успокоить, психотерапевт... Совершенно непонятная профессия.

– Вы думаете? – с надеждой спросила мать.

– Очень надеюсь, – кивнула Ассоль. – Видите – вы не одна...

– Без нее – одна, – прошептала мать.

7. ЛУННАЯ ДОРОЖКА

Ужин в ресторане прошел в полном молчании. Народ устал, девочку не нашли, надежда иссякла. Штаб МЧС, ужиная за своим столом, намечал план на завтрашний день, распределял участки леса между группами поиска, состоящими в основном из местного населения. Следователь доложил, что цирков в ближайших городах на данный момент нет, из зоопарков тоже звери не сбежали. До штаба он сообщил эту информацию Петру Сергеевичу, счел необходимым.

План-перехват тоже результатов не дал, хотя это не гарантия. Маньяк мог прятать девочку в подвале, не дай, конечно, бог! Маньяка ему только не хватало. Но, видимо, беседы с населением не избежать. Может быть, и подомового обхода.

После ужина в санатории наступил отбой. Отключились практически все: и отдыхающие, и персонал. Стресс требовал релаксации. Однако киношники договорились о встрече в двенадцать ночи. Обсудить было что, но сил не осталось. Спалось крепко, будто впрямь выключателем шелкнули. И в назначенный час никто бы не проснулся, но, похоже, кто-то включил будильник, неслышимый, но настойчивый. Звучало не снаружи, а внутри, словно натянулся несуществующий длинный нерв. Народ поднимался, выходил на улицу по одному, словно кто-то следил за очередью и поворачивал в сторону просеки, где были обнаружены странные следы, углубляясь в лес по этой самой просеке.

Анатолий автоматически захватил камеру, без которых никуда не ходил. Тариэл пожалел его и перевесил одну из камер на свое плечо. В коридоре их ждала Салтанат. Вышел Сергей. Петр Сергеевич и Ассоль ждали их в вестибюле. Молча вышли на крыльцо и, построившись парами, как первоклашки, пошли по просеке. Впереди Сергей, знавший маршрут, и Салтанат, которую он поддерживал, за ними Тариэл и Анатолий, последними шли под ручку бывшие супруги, начавшие забывать о том, что они бывшие. Позади безмолвно двигались остальные участники событий.

На берегу сидела на камне, обхватив ноги, мать девочки и смотрела на озеро с великолепной лунной дорожкой, тянувшейся, казалось, до противоположного берега. Оптический обман, потому что Луна была довольно высоко.

– О-бал-деть, – беззвучно прошептал Оператор. Режиссер тоже не удержался и, сняв с плеча камеру, принялся снимать.

Мать не обращала на них никакого внимания.

Из леса выходили люди и зачарованно рассредоточивались по берегу. Ради такой красоты стоило подняться среди ночи.

Загипнотизированные лунной дорожкой зрители не заметили, как мать девочки поднялась и сделала шаг с камня на ближайший блик дорожки. Лишь Оператор не только заметил, но и заснял этот шаг. На то он и Оператор. Он почти не думал, когда снимал, движимый инстинктом оператора, но все же сердце непроизвольно екнуло, потому что высота картины грозила превратиться в хохму из цикла «сам себе режиссер», если бы женщина ушла под воду. Но она почему-то не ушла, а сделала следующий шаг, потом еще один. Камера зафиксировала, что женщина ступала только по бликам, не замечая темных полос между ними. А камера Режиссера, направленная в даль, снимала пока еще неразборчивый, но крупный силуэт на лунной дорожке. Режиссер подрегулировал оптику и с удивлением понял, что это силуэт слона, на котором кто-то сидит. Неужели?!

Камера Оператора следовала за женщиной, которая двигалась все быстрее.

– Бегущая по волнам, – прошептала Ассоль, которая творчество Александра Грина знала практически наизусть.

То ли полупрозрачная облачность с неба ушла, то ли луна переместилась, то ли объект сам приблизился, но вдруг слон засверкал, как серебряный, а на закорках его стала отчетливо видна маленькая девочка, которая призывно махала ручкой маме. Мама протянула руки навстречу, слон обхватил ее хоботом и переместил на спину, посадив рядом с девочкой. Они обнялись. Слон повернулся и стал удаляться по лунной дорожке, пока не растворился. На луну набежала туча, и видение исчезло вместе с дорожкой.

Нерв еще потрепыхался, рождая тоску и тревогу, и затих. Люди стали приходить в себя и молча возвращаться в санаторий. Начал накрапывать дождь.

– И что ж ты не пела баховского «Иисуса»? – спросил шепотом писатель.

– Я пела, – ответила Салтанат, – про себя.

– И как я все это объясню начальству? – возник рядом следователь. – Меня в психушку отправят!
– Мы все засняли, – успокоил Режиссер. – Пусть сами в психушку отправляются.
– Но что это было? – просипел испуганно капитан Кулманов. – Она утонула?
Никто ему не ответил, хотя некоторые уже догадывались...

8. ВОЕННЫЙ СОВЕТ 2

Не договариваясь, пошли в апартаменты Салтанат. Сели. Помолчали.
– Извиняюсь, – встал Петр Сергеевич. – Я должен сходить за ноутбуком.
– Мы – тоже, – подхватились Режиссер с Оператором. – Мы быстро. Надо вместе записи просмотреть.
– Она все равно не смогла бы жить без дочки, – произнесла Ассоль, словно оправдывая кого-то.
– Кто следующий? – спросил у окна писатель.
– Вы думаете, что будет следующий? – испугалась Ассоль.
– Закон жанра... – пожал плечами он.
– Какого жанра? – спросила она.
– Триллера, если не ошибаюсь, – ответил писатель.
– Лучше бы вы ошибались, – заметила Салтанат.
– Рад бы... Можно на ты, – разрешил он. – Мы теперь одна команда.
Через пять минут все снова собрались и как по команде включили свои компьютеры. Пока Тариэл и Анатолий перекачивали видеoinформацию на компы, Режиссер заметил:
– Однако хорошее кино нам показали... Чистое 3D, если не круче... Что скажешь, профи? – обратился он к Оператору.
– У нас таких технических возможностей нет, но если бы...
– Я знаю – ты бы показал класс, – кивнул Режиссер.
– Вы считаете, что это было кино? – удивилась Ассоль.
– А вы полагаете, что слон и женщина могут шастать по водам, аки Христос? – улыбнулся Тариэл.
– Но она же стояла рядом с нами, и мы сами видели, как она шагнула в озеро, – напомнила женщина.
– Я и говорю – хорошее кино, фантастическое по технике, – гнул свое Режиссер.
– По технике не исключено и фантастическое, – откликнулся от своего экрана Петр Сергеевич. – Вы уверены, что мы присутствовали при демонстрации фильма, а не при его натуральных съемках? Если уж вам легче говорить в терминах кино.
– Уверен-ен... – с долей сомнения ответил Тариэл. – Вы технарь, как я понял, вам известны технические решения, с помощью которых виденное можно осуществить натурно?
– Мне – нет, я технарь в другой области, всего знать невозможно... ответил Толмачев. – Но мне кажется, что человеческими возможностями ограничиваться не совсем правильно.
– Пришельцы? – саркастически усмехнулся Режиссер.
– Это последняя из версий, ибо пришельцы и Ок-Жетпес, на мой взгляд, трудно совместимые сущности, – ответил Петр Сергеевич.
– Эй! Смотрите! – вдруг вскрикнул Оператор.
Все бросились к его экрану.
– Я не удержался и повернул камеру на Ок-Жетпес, будто кто меня под локоть толкнул, – объяснил он. – И вот... – он показал на остановленную картинку.
Разобрать что-то было трудно, однако чего-то в знакомом темном силуэте не хватало.
– Ниже, что ли? – предположил Режиссер. – Увеличь картинку, Толик.
– Плиз... Разрешение не позволяет, – попытался Оператор. – Видите – расплывается.
– Вроде верхушка изменилась, – высказался Сергей.
– Да, надо сравнить, у меня есть старая картинка на айфоне, – догадалась Салтанат.
– У всех есть, – полез в свой ноут Режиссер.
Салтанат успела раньше и поднесла экранчик к экрану ноута Оператора.
– Точно – верхушка другая, пошире... – заметила она.

- Слоник пошел погулять... – многозначительно произнес Петр Сергеевич.
- Ничего не понимаю, – призналась Ассоль. – Это же просто камень, в котором люди угадывают черты, похожие на слона.
- И уже не одну сотню лет, – добавила Салтанат.
- Каменный слон был бы тяжелей, – произнес Сергей, – и оставлял бы совсем другие, более глубокие следы.
- И не мог бы ходить по водам, – усмехнулся Режиссер. – Это голограммы! Супер-технические голограммы.
- Хорошая гипотеза, – согласился писатель-фантаст, – только где девочка, где ее мать? И кто следующий?..
- Следующий? – переспросил Режиссер.
- Ну, ты-то как профи должен понимать законы жанра!.. – воскликнул Сергей.
- Должен, – удрученно согласился Тариэл.
- Ты – мразь! – вдруг отчетливо произнес Петр Сергеевич.
- Народ не понял адресата. Режиссер даже переспросил:
- Я?
- Петр Сергеевич смотрел на экран.
- Да-да, всемогущая мразь, – повторил пенсионер, глядя в экран.
- Народ, естественно, вскочил и сконцентрировался вокруг.
- Наблюдался сеанс общения в Скайпе. На экране светилась, ставшая уже привычной, панорама Ок-Жетпеса. Непонятно только какой камерой могла быть снята эта панорама – она явно должна была висеть в воздухе выше или на уровне вершины скалы, а то и сразу в нескольких местах.
- Фу-у-у... – пробасил очень низкий на пределах возможностей динамика голос. – Как грубо-о-о...
- Звук резонировал с внутренностями, и от этого было очень неприятно и тревожно.
- Грубо? – зло усмехнулся Петр Сергеевич. – А убивать ребенка и женщину не грубо?! Ты – паук, опутавший мир своей ядовитой паутиной.
- У-би-ва-ать? А трупы где?..
- Нет тела, нет дела, – усмехнулся стоявший сзади писатель.
- У-ум-но-о, – согласился бас.
- Не оставляло впечатление, что на каменной поверхности тенями проскальзывают мимические морщины. И странное ощущение пристального взгляда из каменной толши.
- Отличная компьютерная графика! – оценил Оператор. – Я так не умею.
- Он косил взглядом в экран своего ноута, где шла запись, которую он сделал с вертолета.
- Ребята, он над нами прикалывается! – сказал Режиссер. – Такие низкие голоса уже даже в детских страшилках не используют. Хотя, наверное, зря – действует.
- Но кто это, Петя? – спросила Ассоль. – Это человек?
- Нет, Аська, он не может быть человеком, потому что у человека не может быть таких возможностей, – ответил Толмачев.
- Дьявол? – удивленно посмотрела она на бывшего мужа. – Но я не верю во все эти мифические существа.
- И правильно делаешь, – кивнул он. – Я не знаю, кто он, но полагаю: он не «кто», а «что», то есть существо не биологическое. Или не существо, а сущность...
- О, – подал голос фантаст. – Вы отобрали у меня приоритет! Но я рад, что мы думаем одинаково.
- Вам не по-ня-ать, ха-ха, – подал голос обсуждаемый. – Сетевой, Числовой... Детский лепет... Думайте дальше...
- Верни ребенка и женщину, если ты их не убивал! – потребовал Петр Сергеевич.
- А о-ни не хо-тят, – ответил Ок-Жетпес. Трудно было поверить, что разговаривает скала, но как-то называть собеседника надо. – Попробуйте найти и уговорить – поймете...
- Да, он игрок, – заметил писатель. – Надо принимать вызов, иначе он потеряет к нам интерес. А что за этим последует – никому не известно.
- Эй, посмотрите! – крикнул Оператор, остановив изображения на своем экране и на экране ноута Режиссера.
- Петр Сергеевич прервал сеанс Скайпа и присоединился к остальным у экрана Анатолия.
- Глядите, глядите, – занервничал Оператор. – Вот, у Тариэла на экране изображение

вершины скалы в первый день, когда мы ходили вокруг и снимали. А вот у меня – изображение с вертолета. В кадр попало одно и то же место чуть ниже хобота каменного слоника – вот, – ткнул он пальцем сначала в один экран, потом во второй. – Смотрите, здесь нет этой маленькой березки, а здесь есть!.. Не могла же она вырасти за один день. Или кто-то забрался и посадил? Кому это надо – на такой круче березки сажать? Да и не растут они в таких местах, там сосны, сами видите, территорию захватили. И то ниже, где земли больше.

Анатолий продолжил трансляцию записи, и можно было убедиться, как весело маленькая березка раскачивается на ветру, возможно, частично порожденном вертолетом.

– Так, – сказал Режиссер, – давайте сразу определимся, мы будем находиться в реале или в сказке с легендой, где оживают каменные слоны, а девочки превращаются в березки?

– Боюсь, что у нас нет выбора, – ответила Салтанат. – Сказка с легендой происходят в реале. Вряд ли нам удастся понять, каким образом и зачем.

– Апгрейд, – сказал Сергей.

– Что это? – спросила ничего не понимающая Ассоль.

– Перезагрузка легенды, – объяснил писатель и, видя, что и это не слишком понятно, добавил: – Обновление легенды. Ну, кто же сейчас поверит, например, что девушка могла прыгнуть с Ок-Жетпеса и долететь до места, где, якобы, выросла потом скала Сфинкс? Тут без дельтаплана или параплана не допрыгнуть... Или у нее платье такое парапланное было? Или что окаменевший богатырь ростом с Ок-Жетпес? Современному человеку нужно дать возможность увидеть легенду.

– Но кому это надо? – спросила Ассоль.

– Надо многим, – пожал плечами Сергей. – А вот, кто на такое способен – вопрос?

– Боже, у меня голова раскалывается! – воскликнула Ассоль.

– Да, – согласился Режиссер. – Эту информацию надо переспать. У меня во сне все в голове по местам раскладывается.

– Давай, я провожу тебя, Аська, – предложил Петр Сергеевич.

Все покинули апартаменты Салтанат. А она, коснувшись подушки, мгновенно уснула.

9. АПГРЕЙД ЛЕГЕНДЫ

Стоило Ассоль закрыть глаза, как перед внутренним взором появлялась малюсенькая березка на скале. Ветер клонил ее, и казалось – вот-вот выдернет с корнем. Тогда Ассоль в ужасе открывала глаза и обнаруживала себя на кровати рядом с Петром. Она не пошла в свой номер. Во-первых, ей было страшно, во-вторых, не хотелось среди ночи беспокоить соседку по номеру.

Петр лежал с закрытыми глазами, дыша еле слышно, дабы не побеспокоить ее. Было ясно, что и он не спит.

Ему представлялось, что они лежат в брезентовой советской палатке, в рюкзаке шуру-дит белка, разыскивая лакомства, а он сквозь ресницы наблюдает за ней и чувствует, что Аська тоже наблюдает и старается не спугнуть забавную зверушку. А утром они встанут, испугнутся в Чебачьем и отправятся на Ок-Жетпес, как решили с вечера.

Они одновременно открыли глаза и посмотрели друг на друга. Ему показалось, что Аське и впрямь двадцать лет.

– Подъем? – шепотом спросила она.

– Подъем, – подтвердил он и, поднявшись на локте, поцеловал ее.

Петр Сергеевич взял жену за руку, и они бодро зашагали по дороге. Дойдя до «голубого залива», поздоровались со Сфинксом и повернули в сторону Чебачьего озера. Не спеша преодолели небольшой подъем и с ностальгическим волнением подошли к прозрачным водам Чебачьего. Дно было преимущественно каменистым, вода прозрачная. В юности их палатка стояла в другом месте, но вода была такая же. Она их и приняла, и молодость вернула.

Они шагали к Ок-Жетпесу держась за руки, чего не было, как минимум, лет десять, а то и больше. Но руки помнили и радовались ошущению. Тропа набирала крутизну, и ноги все ясней чувствовали, что им, увы, не двадцать лет.

– Если мы доберемся до вершины, то, наверное, еще долго проживем... Я не думала вчера, что мое сердце способно выдержать подобные нагрузки.

– Вечно, – прохрипел Петр Сергеевич. – Я думаю, мы будем жить вечно...

– Если заберемся туда, – повела она вверх головой.

– А куда мы денемся? – усмехнулся он и в очередной раз протянул ей руку.

– Вот она! – прошептала Ассоль, показав на березку, росшую под верхней плитой Ок-Жетпеса, издали напоминавшей слоника. Вблизи – ничего похожего. Впрочем, это вид с другого бока.

– Теперь их две, – тоже шепотом, но хриплым, ответил он. – Вчера этой второй, что побольше, не было. Она-то уж точно за ночь не могла вырасти! Неужели?.. Это действительно не Сетевой и не Числовой...

– Ты о ком – Числовой, Сетевой? – спросила Ассоль.

– Фантастические сущности, придуманные фантастами по типу домового, порожденные и живущие в мировой компьютерной сети.

– В интернете?

– Ну да...

– А почему не они?

– Где здесь Сеть? – повел он руками по сторонам, да так и застыл в задумчивости с разведенными руками.

– Что с тобой? – испугалась Ассоль.

– Да понимаешь, Аська, на самом деле мы живем в огромном сферическом конденсаторе, одна обкладка которого – Земля, а вторая – ионосфера. Этот конденсатор практически ежесекундно пробивает, следствие чего – молнии. Идет активная электромагнитная жизнь. Между обкладками вокруг Земли распространяются волны, с помощью коих по некоторым гипотезам и осуществляется передача энергии на расстояние, не знаю, как насчет энергии, не моя специальность, а вот информацию с их помощью, чувствует мое сердце, передавать можно... Резонансы Шумана и все такое, а некоторые частоты этих резонансов совпадают с частотами ритмов мозга и тогда... тогда... можно заставить мозг видеть что угодно...

– Ты хочешь сказать, что это иллюзия? – прошептала Ассоль.

– Может, иллюзия! – ответил он неуверенно, – а может, реальность, которая прежде была нам недоступна, потому что нормальная жизнь осуществляется на нижней частоте Шумана. А на более высоких человек сходит с ума или... приходит в истинный ум?

– Мы так и не заберемся на вершину? – с улыбкой спросила Ассоль. – И не будем жить вечно?

– Ох, извини! Заболтался, но заодно перед последним рывком отдохнули... Пошли.

Как и в юности она пошла впереди, чтобы он мог страховать ее. Вдруг Петр Сергеевич узнал то самое место, где она оступилась, и сердце екнуло. И не зря: она оступилась! Место словно было заколдовано. Но он уже был наготове, и ее нога оперлась о его подставленную руку. Еще шаг, и она уже наверху. Выдох и несколько шагов – он рядом. Они улыбнулись друг другу и обнялись...

Оператора будто кто-то ногой пнул. Он вскочил в кровати и ошарашено огляделся. Режиссер дрых без задних ног, свернувшись в калачик. В этот момент и Тариэл распахнул глаза и вопросительно посмотрел на оператора.

– Я ничо, – повертел тот головой, меня кто-то в бок пнул.

– Хватай камеру! Труба зовет! К Ок-Жетпесу! Снимаю вершину! – крикнул Режиссер, до него дошло, что он несколько секунд назад видел во сне.

Они побежали в разные стороны и почти одновременно начали снимать...

На вершине скалы, на самом краю стояли, обнявшись, старики, с которыми киношники за эту пару дней сроднились.

Салтанат проснулась от звонка телефона. То, что она увидела на экране, ее сразу разбудило. Старики стояли на краю обрыва и смотрели на две березы чуть ниже: на ту, что вчера показывал на экране Оператор, и на новую, значительно большую. Потом они улыбнулись друг другу и обнялись. Сердце Салтанат почему-то сжалось от ощущения опасности.

Ассоль чуть отстранилась, и Петр увидел глаза своей юной и любимой Аськи.

– Мы будем жить вечно, шепнул он и опять поцеловал ее, закрыв глаза. Перед внутренним взором что-то резко крутнулось, и они оба почувствовали, что куда-то летят. Открыли глаза: они действительно летели легко, как во сне, над Ок-Жетпесом, на вершине

которого спал слон, а на его спине играли мама с дочкой. Потом они летели над озером Боровым, над санаторием и, сделав поворот, направились к Чебачьему, туда, где пряталась в зарослях их палатка.

– Бли-ин! – заорал капитан Кулманов, задрвав голову, с обрыва летели два человека. Он бросился к предполагаемому месту падения. С двух сторон туда же подбежали Оператор с Режиссером.

– Вы видели? Видели? – кричал капитан Кулманов, не желая верить своим глазам.

– Не только видели, но и засняли, – заверил его Режиссер.

– Какая хрень! И откуда это все на мою голову? – взвыл полицейский.

Втроем прибежали они туда, где должны были быть трупы, но ничего не нашли, даже поломанных веток. Побегали по округе – ничего.

– Нету тела, нет и дела, – пробормотал Режиссер, пытаясь утешить капитана.

Тот, не понимая, посмотрел на Режиссера.

А Салтанат видела, как они пролетели над санаторием и скрылись в стороне Чебачье-го озера. Она побежала к Ок-Жетпесу, она знала, что должна быть на вершине как можно скорей – от этого зависит многое и в ее жизни, и в жизни, трудно поверить, человечества.

Писатель, не застав в номере Режиссера с Оператором, шел к ее апартаментам, решив, что все собрались там, забыв про него, когда Салтанат пронеслась мимо, чуть не сбив его с ног и явно не заметив. Он потрусил следом.

– Эй, – закричали ей вслед капитан Кулманов и киношники, но она не обратила на них внимания.

Капитан Кулманов снял фуражку и обреченно отер рукавом пот со лба, чуя и печенкой, и селезенкой, что добром этот забег не закончится. Но участвовать в нем у него сил не было.

– Ты куда? – крикнули они вслед пыхтящему мимо Сергею, но он только отмахнулся.

Решив, что девушка не одна, под присмотром, они вновь обратились к привычному делу запечатлевателей странностей.

«Ее будто ветром вознесло на вершину скалы, – начал писатель излагать про себя наблюдаемые события. – Дело привычное, но получалось почему-то похожим на легенду: и стрела, пушенная ей вслед, вернулась с середины пути...»

Откуда он взял стрелу, Сергей понятия не имел. Наверное, закон жанра...

Салтанат действительно стояла на вершине Ок-Жетпеса и внимательно разглядывала две березы, росшие на несколько метров ниже на отвесном склоне.

«Вот откуда жанр взялся», – понял писатель и приступил к покорению последнего участка скалы. Салтанат сверху подсказывала ему за что хвататься руками и куда ставить ноги. На последнем метре протянула руку. Он не отказался. И водрузившись на вершину, еще стоя на четвереньках, с облегчением выдохнул: – У-ух... Полегчало, он огляделся. Что-то в пейзаже изменилось...

Салтанат подошла к краю обрыва со стороны озера и удивленно посмотрела вниз. Сергей тоже глянул. Голова тут же закружилась, и он опять опустился на четвереньки.

Озеро подступило почти вплотную к скале, дороги внизу не было. Не было и санатория. На его месте – большая поляна, а на ней лагерь: шатры, костры, снующие пешие и конные люди – маленькие, словно игрушечные. Вокруг одного всадника собралась большая толпа. Он взмахнул еле заметной ручкой, и до вершины донеслось:

– Абла-а-а-ай!

Черные человечки бросились к скале.

А киношники с капитаном Кулмановым, спрятавшись в густых кустах между камнями, слышали, что сказал хан Аблай:

– Я хотел дать ей лучшего мужа из своих воинов, чтобы она стала одной из уважаемых женщин нашего народа. Она пренебрегла моей добротой и сбежала. Так пусть же неблагодарная получит то, что сама выбрала. Вы притащите ее сюда, и она станет моей, потом я отдам ее вам, и каждый сможет ее отвесть... Вперед! Мои орлы!..

– Стервятники, – зло уточнил Кулманов, расстегивая кобуру.

– Не смей! – схватил его за руку Режиссер, будто что-то понимая. – Время собьешь!

Капитан ничего про время не понял, но руку с кобуры убрал.

– А ведь они за нами, – дрожащим голосом сказал Сергей, показывая на агрессивные фигурки внизу.

– За мной, – уточнила Салтанат.

Если он забрался сюда, прикидывал писатель, то эти тренированные воинственные аборигены точно ветром вознесенные взлетят. И в руках их не цветы, достойные такой женщины. Он понял, что придется с ними драться. Только чем? На его стороне преимущество – высота. А на их – стрелы и сабли. Он обернулся к Салтанат и увидел рядом с ней маленькую девочку и женщину. Они сидели обнявшись и дрожали, с надеждой и отчаянием глядя на него.

– Ни хрена себе, апгрейд... – мелькнуло в голове, и он принялся внимательно изучать свою позицию. Нашел камень весом с килограмм с острыми краями. – Ага, «бульжник – оружие пролетариата»... По пальцам очень даже хорошо можно приложить. Женщина увидела, поняла и тоже отыскала для себя камень чуть поменьше...

Салтанат все видела и хорошо понимала, что надолго защитников высоты не хватит. Внутри зрело отчаяние и протест... Когда ее захватывали сильные чувства, Салтанат пела. И зазвучала песня без слов, та самая, что ей подарил Ок-Жетпес два года назад, и которой позвал к себе.

Сергей даже присел на вершину – так велика была сила звука, а девочка сначала заткнула уши, но сразу убрала ладошки. Он подполз на четвереньках к краю обрыва и посмотрел вниз: покорители скалы остановились, послушали, но сзади донеслось: – Абла-а-ай!.. И они опять полезли вверх.

Сначала почувствовались низкочастотные вибрации за пределами слышимости, реакция на них была неприятной. Потом послышалось нарастающее натужное гудение, словно кто-то пытался поднять непосильную тяжесть, что-то затрещало, и скала задрожала. Уже не вызывало сомнения, что она шевелится.

«Землетрясение?» – мелькнуло в голове. Сергей уже распластался на вершине, не отползая от края. Женщина с девочкой тоже легли, мать собой прикрывала девочку. Стояла и пела только Салтанат. Она, похоже, ничего вокруг не замечала.

Джигиты внизу сначала остановились, а когда скала вдруг начала расти, будто кто-то поднимался с колен, посыпались вниз. Они не бежали, а падали. Скала, словно передернув плечами, стряхнула их с себя.

Киношники в ужасе и восторге снимали происходящее. Никакая компьютерная графика такое не обеспечит. Скала принимала все более человекообразные черты: голова, плечи, ноги не появились, но было похоже, что они скрыты под длинным до пят каменным одеянием, скала надвигалась на лагерь хана Аблая. Некоторое время войско пребывало в оцепенении и, наконец, зашевелилось, замельтешило и изготавилось к побегу.

Великан сделал шаг наперерез отступающему войску и наступил на него. Сделал второй шаг – и войско перестало существовать. Никаких рек крови – все ушло в почву и стало землей.

Режиссер почувствовал, как ледяная изморозь покрывает его спину. А капитан Кулманов сам окаменел. Только оператор спокойно делал свое дело – профи.

Ок-Жетпес поднял руки, снял с головы шлем, оказавшийся слонем, на спине которого стояла поющая уже совсем тихо Салтанат, писатель, бормочущий слова новой легенды и мать с девочкой. Слон поднял хобот и по очереди спустил их на землю.

Салтанат уже не пела, а с интересом разглядывала слона и ласково его поглаживала.

– Спасибо тебе, Ок-Жетпес! – крикнула Салтанат.

– Спасибо, слоник! – крикнула девочка.

Ок-Жетпес молча поднял свой шлем и водрузил его на голову. Салтанат показалось, что батыр подмигнул ей и чуть улыбнулся. Потом вернулся на привычное место...

– Новости из Греции, – вешал диктор из телевизора. – После фантастических событий в Казахстане нас трудно удивить, тем не менее, наш корреспондент сообщает, что на легендарной горе Олимп в присутствии нескольких десятков туристов экскурсовод Иоланта Подтапаниди практически мгновенно превратилась в корову, которую на глазах у изумленных туристов покрыл неправдоподобно громадный белый бык! Вот кадры любительской записи...

поздравляем!

НЕЗЕМНОЙ ВКУС «ЗВЕЗДНОГО ВИНА»!...

Думаю, что ташкентским любителям поэзии нет нужды представлять Альбину Витольдовну Маркевич – поэта, искусствоведа, настоящую подвижницу своего дела, многолетнего руководителя музея Анны Ахматовой и литературного объединения «Мангалочий дворик», в котором было воспитано не одно поколение начинающих поэтов. Благодаря людям, беззаветно и преданно служащим Искусству, русской культуре и ценности литературы не только сохраняются, но и противостоят мощному потоку пошлости, которая, к сожалению, расцветает пышным цветом в наше непростое время.

Необыкновенная благожелательность, открытость и доброта Альбины Витольдовны притягивают к ней не только молодых авторов, делающих первые шаги в литературу, но и состоявшихся поэтов и прозаиков. «Мангалочий дворик» – это не просто литобъединение, это какая-то особая, очень уютная и теплая атмосфера, которая создается и со вкусом подобранными книгами на полках, и выставочными материалами, посвященными Анне Ахматовой, и гостями, которые хотят поделиться друг с другом своим творчеством или просто мыслями. Но, безусловно, главным источником такой атмосферы в «Мангалочьем дворике» является Альбина Витольдовна.

В канун юбилея Альбины Витольдовны хочется поделиться своими размышлениями о ее творчестве.

На обложке одного из ее сборников «Круговерть», нарисована спираль. Думается, трудно подобрать более удачную и точную, чем этот многозначный символ, метафору для характеристики ее творчества. Спираль – это знак жизни, знак зарождения жизненных творческих энергий и отражение универсума бытия в его бесконечном развертывании и развитии, именно эти мотивы находят яркое и очень индивидуальное воплощение в стихах Альбины Витольдовны. Но есть и еще одна параллель, не менее важная. Первые витки спирали можно рассматривать как некое метафизическое начало, которое постепенно, как семья, прорастает и превращается в дерево взаимодополняющих смыслов, но прорастание это происходит уже за пределами строк, в сердце чуткого и отзывчивого читателя.

Стихи А. В. Маркевич, в большинстве случаев, очень лаконичны. Но это как раз тот редкий случай, когда краткость является признаком высокой свободы автора и его мастерства. В наше время, когда поэты соревнуются в оригинальности, и уже по одной этой причине становятся банальными, очень немногие авторы могут позволить себе ту «неслыханную простоту», о которой писал Пастернак как о высшей точке творческого подъема. Это та вершина, где слов мало, а воздух поэзии разрежен и потрясающе чист и

¹ 25 июля 2015 г. исполнилось 85 лет со дня рождения руководителя клуба-музея «Мангалочий дворик» А. Ахматовой, поэта, искусствоведа, общественного деятеля А. В. Маркевич.

прозрачен. Там читателю дышится легко и до неба рукой подать. Это отнюдь не означает смысловую ущербность, наоборот, приводит к приумножению смыслов и их перекличке. Разумеется, эффект этот возникает только при наличии таланта и тончайшего чувства меры. Стихи Альбины Витольдовны, без сомнения, доказывают, что оба этих фактора в них присутствуют. И, конечно, огромную роль в достижении филигранной отточенной формы играет большой жизненный опыт автора, потому что если талант – это брат краткости, то мудрость, без всякого сомнения, ее старшая и заботливая сестра.

В творчестве Маркевич находят свое отражение разнообразные темы. При этом ее строки всегда несколько ироничны и благожелательны, и в каждой зарисовке, как в небольшом кусочке зеркала, отражается весь мир. Альбина Витольдовна отлично владеет языком. Именно поэтому он, язык, всегда идет ей навстречу и радостно предлагает точное и объемное слово, позволяющее вместить в него все те смыслы, для выражения которых другому автору, меньше дружному с языком, потребовалось бы в десять раз больше слов, и при этом смыслы бы, наверняка, бросились врассыпную, спасаясь от неточной, а значит, непрочной словесной конструкции.

Есть еще одно удивительное свойство автора: наблюдательность и свежесть, иногда почти детскость (разумеется, в хорошем, пастернаковском смысле этого слова!) восприятия жизни. Альбине Витольдовне интересна жизнь во всех ее многообразных, порой очень неожиданных проявлениях, и она не утратила умения радоваться простым вещам, казалось бы привычным, повседневным, которые мы так часто перестаем замечать, нагруженные суетными заботами и мыслями. Это умение радоваться и любить жизнь делают стихи Маркевич очень теплыми, живыми и светлыми. И, вероятно, именно это внутреннее обаяние стиля приводит к тому, что мы видим не только добрую улыбку автора, но иногда возникает ощущение, что улыбаются сами строчки стихотворения.

На мой взгляд, именно гармоничное сочетание непосредственного свежего восприятия жизни, некоторого женского кокетства и опыта прожитых лет делает поэтический почерк Альбины Витольдовны очень индивидуальным и узнаваемым: земное в ее стихах перекликается с небесным, порождая размышления о том, что в человеке остается подлинным и вечным, о том, что даже в самых грустных обстоятельствах необходимо сохранять веру в человека и высшие ценности.

**Восходит солнце –
И звезды меркнут.
Но глянь – в колоде
Они не блекнут.**

**И божий свет
В потемках душ
Хранит свой след –
Лишь обнаружь...**

Помимо всего прочего, спираль – это еще, конечно, и одна из самых точных метафор времени, недаром пружина в часах имеет форму спирали. И размышления о времени в самых разных его ипостасях (физической, исторической, философской) тоже проходят красной нитью через творчество Маркевич.

Ее стихи – прекрасная возможность почувствовать неземной вкус «звездного вина», о котором пишет она в одной из лучших своих миниатюр. И мы всегда будем благодарны ей за это славное угощение ее щедрой души.

Бах АХМЕДОВ

Редакция и общественный совет журнала «Звезда Востока» искренне поздравляют юбиляра, желают доброго здоровья и долгих плодотворных лет жизни.

ПОЭЗИЯ

Альбина МАРКЕВИЧ

Родилась в 1930 г. Филолог, поэт, искусствовед, общественный деятель, руководитель клуба-музея «Мангалочий дворик» А. А. Ахматовой, одна из инициаторов и основателей Музея С. Есенина.

Удостоена нескольких наград за самоотверженное служение русской культуре и литературе: медалей А. П. Чехова, А. С. Пушкина, звания и медали активиста общества книголюбов.

И пусть никто... не догадается...

*Над Россию небо синее,
Над узбекской землей та же синь...
Не покинь их, Господь, не покинь!*

Мой Ташкент

Мой город древний, город-сад,
Приветлив ты со мной, как брат.
Ты даришь мне тепло и свет,
Ты родина моя, Ташкент.

В морщинах улочек уютных
И на проспектах многолюдных
Хранится память о былом:
Тронь – и подступит к горлу ком.

Вот поворот... Ну да, конечно:
Орешина стоит шатром,
Арык с журчащим говорком –
Здесь целовались мы безгрешно.

Уеду – тянет, как магнит.
Вдали всё кажется: грустит,
Тоскует без меня Ташкент,
И на душе покоя нет.

Когда земляк в толпе мелькнёт,
Вдруг радость сердце колотнёт,
Знакомой с детства речи звук
Взволнует, позовёт, как друг.

Восторг Ахматовой понятен:
«Ташкент в цвету невероятен!»
Меня ж чарует он красой
Весной и осенью, зимой и в зной.

В преображаемой столице
Храним в душе дома и лица,
Названья улиц, площадей,
Красу чинар, карагачей...

Мой город славный, город-сад
К обновам приручает взгляд.

Пейзаж из детства

Свернувшись в трубочки холстов,
Бродило по дворам искусство.
И терпкий запах краски густо
Тянулся вслед поверх кустов.

Художник предлагал пейзажи,
Раскрыв всем вернисажный ряд.
Но, равнодушно бросив взгляд,
Шли люди, не торгуясь даже.

А мама два холста взяла,
И в дом наш русское раздолье
Вошло, пленяя нас до боли, –
В них мастера любовь жила.

Одна картина и доньне
Меня с Россиею роднит,
Как чудодейственный магнит,
Притягивает грустной стынью.

Тень облаков стоит в реке,
Песчаный берег золотится,
И низкая изба уютится
В бору сосновом вдалеке.

* * *

Всё, как у всех, кто в год тридцатый
На свет явился невзначай:
Двадцатый век, событиями богатый
Достался нам, таким и привечай!

Эпоха... Потрясения. Таланты.
Восторг. Растерянность. И вот
Век новый. Те же варианты...
А на Курантах время что пробьёт?

* * *

Пасьянсом окна на фасаде
Горят таинственно в ночи.
У каждого – свои ключи.
Там счастливы или живут в досаде.

И, взглядом окна обегая,
Я к ним сочувствия полна.
Я их «пасьянс» не раскрываю:
Судьбу избудут, как дана.

Солнечные шутки

Солнце, выплыв из-за туч,
Офонарило все стёкла:
На машинах и на окнах
Заиграл весёлый луч.

Было солнышко одно –
А теперь кругом полно!
Всё сверкает озорно,
Прыгает и скачет.
Что же это значит?!

Значит – лето началось,
Разогрев земную ось!

Рыжий чубчик над дорогой
Распустил осенний клён.
Тополь вольность судит строго:
Возмущённо вспыхнул он.

А кругом неугомонный
Красок буйный перезвон.
Осень бал даёт сезонный,
Устилает двор ковром.

И весёлый клён-голубчик
Свой задорный рыжий чубчик
Над дорогой распустил,
Будто в праздник пригласил.

Пион

Из фигушки бутона
Стыдливого пиона
Роскошный вдруг цветок
Раскрылся за ночь, впрок

Как сказочный Гвидон,
Пленил пространство он.
Красой и ароматом
Вся комната объята

Какой премудрый план
Цветам природой дан:
Из фигушки бутона
Стать царственным Гвидоном.

* * *

Дождь покрыл поцелуями море,
Ласкою и собой одарил.
Был он щедр и весел, и мил.
Разгулялись, друг с другом не споря,
Дождь с небес и земное море –
Дерзкий дождь и вольное море.

Ожидание

Часы и годы длится этот сон
И нежно ожиданием зовётся.
Им скован человек и, как бутон,
С привычкой ждать не расстанется.
А значит, всё-таки дождётся –
Цветком прекрасным станет он!

Голос

Голос телефонный,
Голос, жизнью полный.
Голос неизменный,
Голос – дар бесценный,
Голос долгожданный,
Голос тот, желанный.
Греет сердце голос,
Тоненький, как волос,
Из далеких далей,
Из глубин скитаний.
Может оборваться,
Может вновь раздаться.

Весенний этюд

Ахматовой Анне в солнечный день
Прислали в её ташкентский музей
Фиалок букет с весенних аллей,
И оживилась великая тень.

Как будто из дальнего ниоткуда
Она приняла лиловое чудо.
Плывёт аромат томительно-нежный,
В войну и теперь такой безмятежный!

В мирный Ташкент его возвратил
Поэтом воспетый «фиалковый дым».

* * *

Глаза зелёно-карие,
Причёсочка – каре.
И что тебе седины?
И что тебе морщины?
Они не могут старить,
Пока хранится память
Об утренней поре.

* * *

Надену шляпку белую
И легкое пальто,
Пройдусь походкой смелою
И пусть никто, никто,
Никто не догадается,
Что скоро мне сто лет...
От нас с весной-красавицей
Всем солнечный привет!

* * *

Хоть верьте – хоть не верьте,
В житейской круговерти
Не только всё теряешь,
Но что-то и найдёшь.

Как в детской карусели,
Мы на Земшар присели
И, устали не зная,
Всё вертимся на нём.

Несутся жизни мили,
И в этом изобилье
Нетрудно растеряться,
А хочется понять:

Зачем нам круговерти
Рождения и смерти,
И дел невпроворот –
Смешон земной народ!

Стоп! Повод есть крутиться,
Раз уж пришлось родиться,
К столу, друзья, смелей:
Отметим Ю Б И Л Е Й!

НОВЫЕ ИМЕНА

ЗАПОМНИ МЕНЯ РЫЖЕЙ*Рассказ*

– Хочу, чтобы ты забрал меня к себе.
 – Что значит – к себе?
 – Домой. К себе домой.
 – О чем ты, воробей? О чем? Ты же сама знаешь, что это... невозможно. Никак.

– Нет такого слова «никак». И «невозможно» тоже нет.

Она сидит на диване, сложив ноги по-турецки, мнет и перебирает свои пряди. На ней лишь короткая, полупрозрачная сорочка и массивный, весь в патине, серебряный браслет. А в рыжих волосах запутался солнечный луч.

В комнате столько солнца, что хочется снять не только одежду, даже кожу.

Я прижимаю к щеке высокий ледяной стакан с минералкой и смотрю ей в глаза. Долго.

– Ты совершенно права. Совершенно. Именно поэтому ты со мной всегда. Нет, не так. Мы вместе – всегда. Всегда и навсегда.

– Мы так договорились, да...

– Что значит, договорились? Разве ты чувствуешь по-другому?

– Я чувствую холод, когда просыпаюсь одна. И тоже – всегда. Или почти всегда – какая разница? Забери меня к себе, ну? Иначе...

– Иначе – что? Что – иначе, Катя?

– Иначе, я приду к тебе сама. Вот возьму и приду. И останусь.

– А куда придешь-то?

– А вот дверь откроешь и увидишь...

– Ты мой воробушек. Маленький и до одурения рыжий. Дверь, она ведь давно открыта, распахнута она, понимаешь? Настежь. И ты уже, бог знает, сколько времени внутри. У меня внутри, во мне. Скажи, ну куда уж ближе? Ближе – невозможно. На самом деле. Никак...

Она вскидывает лицо мне навстречу, и прямо в глаза – солнце.

Тома, Тамара, царица Тамара – это моя жена. Ухоженная, по возрасту чуть пышная, в общем – красавица. Царицей она звалась еще до меня, то есть всегда. Потому, что я у нее был первый, а в двадцать она уже родила Славку. То есть – до, было у нее только детство и еще чуть-чуть.

А теперь вот – Катка.

Никакая не царица, просто птенец, птаха. Даже не птаха – пташенок. Залетел случайно в открытую форточку, головкой своей любопытной покрутил и сразу так прямо и уселся на протянутую ладонь – зернышки клевать. С таким безоглядным доверием, что выбора-то и нет. Хочешь-не хочешь, а твой.

Борис БЕРЛИН

Родился в Москве.

Автор двух книг: «Ню» и «В начале было слово».

Член Международного союза писателей

Иерусалима.

В «Звезде Востока» публикуется впервые.

Да, все ужасно обычно и точно, как полагается в таких случаях. И знакомы мы всего ничего, меньше года. И умру я раньше.

Ну и что?

– Том, где мой синий галстук? Тот самый, любимый, а?

– А где он может быть? Там же, где всегда. Все знают, что твои галстуки – табу.

– Не только галстуки.

– Угу. Вот и иши, там они – и галстуки и не только. Посмотри получше.

– Ага, точно. Нашел. А ты что такая... нервная? В чем дело?

– Вот в этом дело, – она входит в комнату и я вижу ее отражение в зеркале. Бордовое платье, драпированное складками сидит идеально, в меру подчеркивая и в меру скрывающая – одеваться Тома умеет. На шее тонкое гранатовое ожерелье под цвет платья и такие же сережки, прекрасный цвет лица – цветущая женщина в самой силе.

Я оглядываюсь.

– Вот в этом, – она вздыхает и проводит руками по бокам. – Видишь? Платье сидит ужасно, прямо хоть не ходи куда. Поправилась на целый килограмм.

– Милая моя, – я снова отворачиваюсь и начинаю завязывать галстук, – ты ведь совершенно точно сама знаешь, что красива, более того, ты чертовски красива. Более того, ты еще и чертовски притягательна. И в твоём случае, это просто лишний килограмм красоты, вот и все.

Она улыбается, но лишь на секунду.

– Я твои комплименты наизусть знаю. Только время все равно не остановишь.

– А вот сейчас проверим...

Я поворачиваюсь к ней и прижимаю к себе. Крепко. Шепчу в самое ухо:

– А теперь?

Она чуть-чуть, едва заметно обвисает в моих руках.

И...

...Славка пришел как раз. Мы только-только успели: Тома поправить макияж, а я снова стал завязывать галстук.

– Ну, вы как, готовы? Марик просил не опаздывать слишком. Первыми приезжать, разумеется, ни к чему, но и к шапочному разбору – тоже. Иначе, кроме грязных тарелок и пустых бокалов там ничего и никого уже не останется. Вы сами знаете. Большинство на вернисажи только за тем и ходит – выпить на халяву и при случае попасть в светскую хронику. А твое появление там ему очень важно, надо, чтобы тебя там увидели...

– Да? А мама вот кукуется. Так, может, не поедем? Том, ты как? Все еще или уже лучше?

И вдруг понимаю, что время на самом деле не остановишь. Оно движется и гораздо быстрее, чем раньше. Неумолимо.

– Ладно, поехали, что ли...

Не заметить ее было невозможно – ее рыжие волосы притягивали взгляд, хочешь-не хочешь. Она сновала между гостями, перебрасывалась несколькими словами то с одним, то с другим, улыбалась, оставляла визитку, то есть вела себя именно так, как и принято на такого рода мероприятиях – быстро, легко и ни о чем. Тусовка.

...Когда я, наконец, оторвался от одного из полотен. Девушка с яблоком в руке. Собственно, из-за нее-то и был весь этот сыр-бор, из-за этой самой картины – из-за «Ню». Остальное было только фоном, а она... Вокруг нее вообще было много разговоров. В общем, я не пожалел, что приехал. Мы не пожалели. К тому же, Славка оказался знаком с автором, и тот – просил...

Так вот, я только-только отвел взгляд от картины, а она – рыженькая – уже стояла рядом. На груди камера не слишком продвинутая, так себе, средненькая.

– Здравствуйте, – она перевела взгляд с меня на Тому, потом снова на меня. – Меня зовут Катя, я профессиональный фотограф. Я тут немного пошелкала, то, что происходит, лица, в том числе и вас. Надеюсь, вы не против? Фото совершенно бесплатно. У меня

недалеко студия, вот тут адрес на визитке, телефон, мейл, в общем, все. Буду рада выслать вам фото или, если захотите, можете посмотреть мои работы. Портреты, арт. Там написано...

- Скажите, Катя, она вам нравится? – спросил я, засовывая в карман визитку.
- Кто? – она снова посмотрела на Тамару.
- Нет, не моя жена. Она нравится мне и этого предостаточно. Я о картине. Нравится? Она смутилась.
- Простите пожалуйста, я не хотела вас... Я не поняла...
- Я понял, что не поняли. Так нравится?
- Да... Композиция, освещение, цвет...
- Катя, вы знаете, кто я такой?
- Да. Вы владелец... – она произнесла название моего журнала.
- И подошли вы не совсем случайно, правда?
- Ну... да, – она покраснела.
- Тогда ответьте на мой вопрос, или мы так и не увидим, что вы тут нашелкали.
- Она... У нее свет особый... Везде, даже в тени... и она любит того, на кого смотрит. Очень. Вот... – она взглянула на меня.
- Так это началось...

Женщины у меня были всегда, чего уж там. Не то, чтобы каждый день другая, но... в общем, были. Разные. Правда, потом, когда я с ними или они со мной, в общем, мы с ними расставались, задним числом я обнаруживал в каждой из них что-то от Тамары – моей жены. И это вызывало у меня нечто вроде снисходительного умиления и, если хотите, некоего налета псевдоверности. Изменяю, да, но ведь как похожа!..

Катя... Не знаю, почему и как я ее учуял. Не дал просто пройти мимо, заговорил. Не выбросил визитку Необъяснимо и все тут. Мало ли таких – с камерой наперевес, с папкой эскизов или фотографий под мышкой – пруд пруди. Промелькнут – не различишь, не запомнишь. Нет, я вовсе не спешил ей звонить, да и не думал о ней, то есть она присутствовала в моих мыслях, но как бы фоном – да, надо, надо, вот завтра-послезавтра, через неделю...

- Слушай, а помнишь ту рыженькую, ну когда мы «Ню» ездили смотреть? Шелкунчика? Она еще фото обещала. Помнишь?
- Да. А почему вдруг – шелкунчик?
- Так она же нас шелкала. Сама сказала. Впрочем, неважно. Ты бы позвонил, а? Может, на самом деле прилично вышло...

Вышло-то как раз не прилично, то есть просто здорово вышло. Умопомрачительно.

Я позвонил, она прислала фотографии, и они, как ни странно, оказались вполне на уровне – это я оценил сразу. Увидеть и передать – это она умела. Дальше, как обычно, и почти само собой, я пригласил ее к себе в офис и попросил захватить портфолио, а затем тут же предложил – нет, конечно, не в штат, но вполне серьезную работу. И все-таки, все-таки, было что-то еще. Может, какой-то аромат того вечера у «Ню»? Или нечто на генном уровне? Веснушки? Черт его знает.

- Но... так неприлично хотеть женщину...
- И так – сразу...

Я овладел ею легко и быстро, уже через пару дней. Овладел почти насильно – она просто не могла мне сопротивляться, она боялась... за меня.

- Ты был тогда совсем бешеный. Когда ты на меня смотрел, мне тут же хотелось раздеться. Не потому, что этого хотела я, ну, то есть, может и хотела, но сама еще не понимала. А вот ты... От тебя просто било током. Ты был, как цунами. Как можно сказать «нет» цунами?
- И что? С тех пор что-нибудь изменилось?
- Да нет. Разве что...
- Ну? Говори.

– Раньше только ты был бешеный, ты один. Сейчас – мы оба. И чем дальше, тем...

Честно говоря, я и не помню почти ничего, и потому, что сам был, как в угаре, и потому, что был уверен – скорее всего, первый раз станет и последним. Скорее всего. Она же мне в дочери годится. Вот Славке – в самый раз...

А ночью я проснулся и – единственное, о чем мог думать – ее глаза, и что я в них увидел, почувствовал. То, чего она не сказала.

– Можешь делать со мной, что хочешь. И не спрашивать. Всегда...

Власть – сладкая забава...

Я ошибся – тот раз оказался не последним, он так и остался первым.

Мы встречались почти всегда у нее. Маленькая квартира-студия на последнем этаже под самой крышей. Тут она жила, тут она работала, тут жили ее птицы. Пташенок – это ведь неслучайно. Птицами были увешаны все стены. Летящими, сидящими, кормящими своих птенцов, купающимися – всякими. Даже улыбающимися. Казалось, дом вот-вот взмахнет крыльями и закурлычет, запоет, зашелкает. А моя любимая фотография – «Птица счастья». Воробей трепыхается в луже, встряхнулся, перья торчком, брызги во все стороны и его счастливое лицо.

– Я вот думаю, на какую из своих птиц ты больше всего похожа?

– И на какую?

– Наверное, все-таки, на того самого воробья, только рыжего.

– Воробьи рыжими не бывают.

– Бывают. Только редко. Исчезающе редко. Вас ужасно мало, понимаешь?

– Ага. А сколько точно, знаешь?

– Ну, я как-то пытался сосчитать. Вышло – только ты одна. Единственная...

– Ты хитрый...

– Иногда. Но до тебя мне все равно далеко. Как до луны.

– До луны – это близко. Но и это неправда.

– Это правда. Ты самая хитрая на свете. Знаешь почему?

– Почему?

– Ты никогда со мной не споришь и всегда соглашаешься.

– Потому, что ты всегда прав.

Когда слышишь такое от женщины, так хочется верить. А если это женщина, которая вот только что...

Я даже приподнимаюсь на локте и смотрю ей прямо в лицо сверху.

– Ты это серьезно?

И она закидывает руку за голову, и то же выражение в ее глазах, уже знакомое, но все равно каждый раз – снова и снова – сносит крышу. Губы, чуть дрогнув, раскрываются, и я слышу, хотя она вновь не произносит ни слова:

– Делай, что хочешь и не спрашивай. Всегда...

...Мы встречались так, будто не расставались. Не как любовники, не как муж с женой. Может, как птицы? Мы встречались на работе, мы встречались у нее, мы говорили, мы думали друг о друге – все время. Расставаться не хотелось никогда. Мне было мало ее даже когда она – едва успокоившись – сонно затихала у меня под мышкой. Зато ужасно хотелось что-то для нее сделать. Такое было со мной впервые. Чтобы незнакомый человек так быстро и глубоко вошел в мою жизнь...

– А я не незнакомый человек. Ты не знал моего имени, где я живу и сколько мне лет. Не знал даже, как я выгляжу. Только я все равно была рядом, всегда, всю жизнь.

– Нет, просто у нас с тобой одна душа на двоих. И поэтому, когда мы наконец встретились, оказалось, что узнать друг друга так легко...

– Ну, вот. Я же говорю, ты всегда прав. Так и было написано, точь-в-точь.

– Где написано? Не понимаю...

– А я когда-то читала один рассказ. Я уже не помню, как он назывался, потому что давно.

– И что там, в этом рассказе?

– Две любящие души говорят друг с другом перед тем, как снова вернуться в наш мир, чтобы дотронуться друг до друга, испытать прикосновение. И душа-мужчина спрашивает: «Как ты найдешь меня? Ты не знаешь ни моего имени, ни моего лица».

– И что же ты ответила?

– Это просто, милый. Я почувствую твою боль. Приду и положу руку тебе на грудь. И не все ли равно, что потом...

Лето было – задохнуться. Раскаленный асфальт, пыль, жара.

Тома решила сделать мне подарок – две недели на французской Ривьере.

– Ничего с твоим журналом не случится. За такое время – точно. И вообще, дело не в Ривьере.

– А в чем?

– В нас. Я решила подарить тебе себя. На две недели. А себе – тебя. У нас, между прочим, как раз годовщина свадьбы. Вот там и отметим вдвоем. Да и просто отдохнуть тебе надо точно. Даже похудел в последнее время, дома почти не бываешь...

Две недели без...

Мы лежим под горячим французским солнцем, я почти дремлю и привычно думаю о ней, о Кате. Я даже ощущаю ее близость, невероятно, дико реально, словно это она, вот, рядом, на соседнем лежаке – протяни руку, и ее горячая кожа...

– А знаешь, ты был прав.

– В чем?

– Небо на закате действительно огненно-рыжее. И море тоже. Интересно как. Никогда раньше не замечала...

– Ну, значит две недели прошли не зря. Хотя бы ради этого стоило.

– Вообще-то, стоило не только ради этого. Мы оба это знаем, правда?

Она замолкает, а потом произносит:

– Тебе бы художником быть, а не редактором модного журнала. Ну, да еще не вечер, может, так оно, в конце концов, и будет, кто знает...

– Угу, мне же восемнадцать только стукнуло, я и забыл совсем. Вся жизнь впереди...

– Что у тебя впереди – тебе решать, кому же еще.

– Вот я и говорю: самое время. Баба в сорок пять – ягодка опять, а чем мы, мужики, хуже?

– Да при чем здесь мужики. Я о тебе, милый мой, только о тебе одном.

Я поворачиваю голову и смотрю на лежащее рядом сильное, красивое, холеное женское тело, тело моей жены, открывшееся мне за последние дни так, как я никогда и не думал, не представлял, что она – Тома – и на такое...

– Ты ужасно загадочная женщина, Тома, ты знаешь? За это время ты мне столько своих загадок загадала, что еще одной уже не удивишь, да и разгадки твои так пленительны...

– Я знаю. И силу свою женскую знаю тоже. И то, что тебе не безразлична. И что ты меня по-прежнему хочешь, даже очень. Я хотела убедиться и убедилась. Поэтому – слушай... Завтра мы улетим домой и начнется у нас с тобой совсем другая жизнь. Совсем. Как прежде уже не будет никогда. Я знаю – у тебя кто-то есть. Меня не интересует – кто, это неважно. Да и раньше ты... Не перебивай! Я не спрашиваю, я говорю, а ты слушай. Пока это были просто... шалости, я позволяла тебе... Делала вид... чтобы сохранить семью, ну, ты понимаешь. Но не теперь. То, что теперь – уже не шалость, и этого я не могу ни простить, ни забыть, ни позволить. Тебе придется с ней расстаться. Как только мы вернемся. Я знаю, что ты можешь это сделать и сделаешь. Я уверена. Но если нет... – она глубоко вздохнула, – мне неприятно тебе это говорить, но ведь твой журнал, он принадлежит мне с самого начала. Ты, наверное, забыл, но это так – увы. Он был и остается подарком моего отца мне. А ты просто... тот, кого я наняла. Вернее, ты им станешь, если... Повторяю – я уверена в том, какое решение ты примешь. У нас с тобой замечательная семья, взрослый сын, устроенная и безбедная жизнь. Да и по-женски я... В общем, многие тебе бы позавидовали, правда? Ты мне ничего не отвечай сейчас и вообще не отвечай. Не надо ничего говорить и ничего обещать. Я пойму сама. Просто – увиджу. И все.

Она вытягивает гладкую загорелую ногу, смахивает с бедра невидимую песчинку

и лениво произносит: – А теперь, милый мой, не мог бы ты заказать еще один стакан того фруктового коктейля. Все время забываю, название. Что-то птичье...

В детстве всем всегда хочется чего-то такого... чего-то невозможного, недостижимого. Иногда потому, что это есть у кого-то, а у тебя нет. А иногда просто потому, что хочется. Мне хотелось шенка и немецкую игрушечную железную дорогу.

Я знал, что никогда не получу ни того, ни другого – мы жили ну... небогато, и мне ничего не оставалось, как придумать способ усмирять свои желания, если уж никак невозможно их удовлетворить. Я ставил на пол два стула ножками друг к другу, садился между ними и представлял себя в кабине самолета. Старый зонт с деревянной ручкой заменял мне руль управления, а педали... я прекрасно обходился без них. Я взлетал и поднимался на такую высоту, с которой и шенок, и железная дорога казались такими маленькими, что о них и думать не стоило. Вот сейчас бы мне эти два стула. А впрочем, не влезу ведь, не влезу, вырос... Не помогут они мне забыть о Кате. Невозможно. Потому, что есть только одна женщина на свете, готовая на все именно ради меня. На все. Любовь? Да нет, какое там. Разве от любви умереть хочется? Ну, может, не то, чтобы хочется, а неважно, лишь бы с ней, рядом.

Я скажу ей после. Ну, хоть еще один раз, один и все. На веки вечные. Ее руки, ее губы, ее тяжесть, ее запах...

«Делай все, что хочешь, и не спрашивай – всегда...»

Ну, иди же ко мне.

И не все ли равно – что потом...

...Она всегда плачет – чуть-чуть.

В тот крохотный, бесконечный миг, когда самое-самое... Говорит – от счастья.

Как я хочу увидеть эти ее слезы...

Выпить их...

Вот – сейчас...сейчас...сейчас...

– Ка-а-а-т-ь-к-а-а-а-а...

... – Поздно, Катя, уже поздно. Слышишь?

– Что? Я задремала... Заснула я... Как хорошо, что ты меня разбудил, а не ушел и все. Хоть я и ненавижу тебя провожать, но это все равно лучше, чем просыпаться одной. Засыпать с тобой, а просыпаться...

– Ты больше не будешь – так... Этого больше не будет, не может быть этого больше...

– Так и я о том же. Это же так просто, не уходить и все.

– Все на самом деле просто, на самом деле. И не уходить – тоже. Все, что для этого надо – не приходиться...

– Как это – не приходиться? Я не совсем... Ты... что ты хочешь сказать?

Сегодня был последний раз. Совсем последний. Я больше не приду, Катя. Мы не увидимся. Мы расстаемся...

– Мы рас... А-а-а-а... Ну, да... я понимаю... я... мне... тогда, что же, мне надо собрать твои вещи? Ой... Сейчас я встану, соберу... Подожди, сейчас...

– Какие вещи, Катя? При чем здесь вещи?

– Ну вот, бритва твоя, зубная щетка... Еще тапки... Больше, вроде, ничего... Слушай, а может, пусть остаются, а? Когда ты вернешься, они будут тебя ждать. И я тоже... То есть я, конечно, тебя забуду, кого-нибудь встречу, устрою свою жизнь, наконец... Или не устрою? А лучше всего, знаешь что, познакомь меня с кем-нибудь из своих друзей... Вот было бы здорово, правда? Мы бы встречались в день рождения, на новый год... Или просто так, изредка... Она все узнала, да? Узнала... Я бы тоже узнала, догадалась бы... Но кто – она не знает? Просто поняла, что на этот раз... Она умная, Тома твоя... Ривьера... Только я бы не стала это все... Привязывать тебя к себе так... Я бы тебя убила. По голове бы ударила и... Все равно чем. Слоником... Знаешь, раньше у всех на телевизоре стояли или на серванте... Семь мраморных слоников – вот таким. Нет – семью. Всеми семью слониками – чтобы наверняка. ...Я всегда знала, – она ходит по комнате, как слепая, натываясь

на мебель. – Всегда знала, что так и будет когда-нибудь. Зато, как хорошо было, правда? Небесно. Ни у кого до нас так не было. Ты, когда другую женщину встретишь, ты не люби ее так. Люби ее по-другому, не как меня любил... Или вы всех одинаково любите? Нет, конечно, нет. Не может быть... У меня раньше тоже были другие мужчины до тебя. Я их не помню. И тогда не помнила. Я их забывала сразу, сразу после... Еще до того, как за ними закрывалась дверь. А ты... Слушай, если тебе сейчас также тяжело, как и мне, мне тебя ужасно жалко, знаешь. А себя – нет. Я все равно с тобой буду. Еще не знаю как, но буду. Миленький, ты меня не слушай, ладно? Забудь, забудь все, что я сейчас говорю – я безумна сейчас, я не должна все это говорить, мне молчать надо. Мне ведь сейчас все силы нужны, чтобы выжить и тебя спасти. Может и зря, но я так хочу... А теперь – иди. Ну, иди, быстрее. Сейчас мне будет так плохо, очень плохо, я не хочу, чтобы ты видел меня такой. Это будет неправильно. Ты запомни меня рыжей. Солнечной и рыжей. И иди, ну. Уходи, уходи!

Это было... Я работал так много и так, как никогда не работал. Время тянулось – целых два года. Почти без выходных. Еще, конечно, Тома. Будто второй медовый месяц наступил. Она была настолько красива, нежна и покладиста. И все еще так желанна. Однажды у нее даже появились мысли о втором ребенке, но... возраст... Правда, временами мне казалось, что у нее есть кто-то еще – уж слишком она была со мной предупредительна. Так бывает, когда женщина... Впрочем, что я знаю о женщинах? Оказалось – ничего. А еще оказалось, что у нас с Томой серебряная свадьба. Вот так...

– Я заказала отдельный зал на пятьдесят человек, ты доволен? Все, как мы хотели, и народу будет не так, чтобы слишком много, но достаточно. Я тебе список гостей положила, посмотри в кабинете. Только не откладывай, ладно? Все родственники – твои и мои – потом твои друзья с женами, мои девочки с мужьями и... еще из редакции – руководство, ну и нужные люди, совсем немножко, правда. Как раз и набирается.

– Вот и хорошо. Ты все это лучше меня знаешь. Мы ведь уже обсуждали – кого и сколько. Рассылай приглашения, чего тянуть...

– Между прочим, сын наш собирается девушку свою привести, сам сказал. Он уже полгода... ну, не знаю, что там у них, но пусть приведет, поглядим. Самое время ему остепениться, а даже и жениться, как ты думаешь?

– Я думаю, он нас не спросит. Вот, что я думаю. А что за девица-то, не говорил?

– Нет. И я особо не расспрашивала. Не хочу раньше времени... Но глаза у него горели, я его таким раньше и не видела, пожалуй. Не удивлюсь, если он надумает объявить нам именно таким образом и именно сейчас. Уж больно он... светится. Ох, чувствует мое сердце...

– Ну, если твое сердце чувствует, тогда – да. Очень может быть, очень. Ты ведь у меня ясновидящая!

– А как же иначе? Я женщина, милый мой, хранительница очага. Вот и храню.

– Вот и слава Богу, и храни, – я похлопываю Тому по тому, что ниже талии. – А я тебе помогать буду, хочешь?

– Ты не помошник, ты мужчина, хозяин, – она глядит на меня, прищурившись. – Муж...

– Тоже верно, – я оглядываю ее с ног до головы. – Тогда пойдем, время уже позднее...

Ну, вот... Как все безоблачно и привычно, и как всегда. А что там – на обратной стороне луны – отсюда не видно.

Никто и не увидит. Никто и никогда...

Так не все ли равно – что там на самом деле?

...Они очень подходили друг другу – Славка, высокий, спортивный, загорелый и она – хрупкая, белокожая, немного робкая.

Он подвел ее к нам.

– Мама и папа, это Катя. Катя, это мои родители. Познакомьтесь...

– Здравствуйте, Катя. Очень приятно, – Тома улыбнулась. – Имя у вас чудесное. Если бы у нас была дочь, тоже была бы Катя. Правда? – она смотрит на меня.

– Без сомнения, – киваю я, пожимая протянутую мне узкую, прохладную руку и чуть задерживая ее в своей, словно вспоминая. – Без сомнения. Добрый вечер, Катя. Мы вам рады. Слава, усади Катю и не давай ей скучать, и не оставляй одну, понял?

Она смотрит на Славку сияющими глазами.

– Да вы не беспокойтесь, он у вас хороший, очень. Я иногда сама себе не верю, как мне повезло.

– Вы, главное, ему поменьше об этом напоминайте, а то нос задерет...

– И пусть. Мне нравится. К тому же ведь и тебе повезло не меньше, Слав, да? Ну, скажи...

– Нет слов, как повезло, – Славка смеется. – Я уже совсем было надежду потерял, и вдруг ты на меня свалилась. Просто свалилась и все.

– Вот и хорошо, – я киваю. – Ну, развлекайтесь, веселитесь, знакомьтесь. И поверьте моему опыту: свалиться и все – это самый надежный способ...

Они уходят, смеясь и держась за руки, молодые, счастливые – Катя и мой сын. Ну и что? Да мало ли на свете рыжих с веснушками и такой белой кожей? А ведь мало. Всего-то одна – единственная, да и той больше нет. Нет?

Я вижу, как она оглядывается и, слегка нахмурив брови, одними губами, беззвучно произносит:

– Т-с-с-с...

Или мне только показалось?

Как же все странно складывается. Из цветных стекляшек – изумительные витражи. Из сверкающей радости – черное страдание. Из бесконечности времени – мгновенная смерть.

А бывает и наоборот – кажется, и не жив уже, нет тебя до такой степени, как будто никогда и не было. И вообще ничего не было. Вот только угнездившаяся в сердце или в мозгу, или не знаю где, крохотная песчинка ослепительно белой боли не дает забвению победить – было, было...

И как мне жить с этим дальше? Живу.

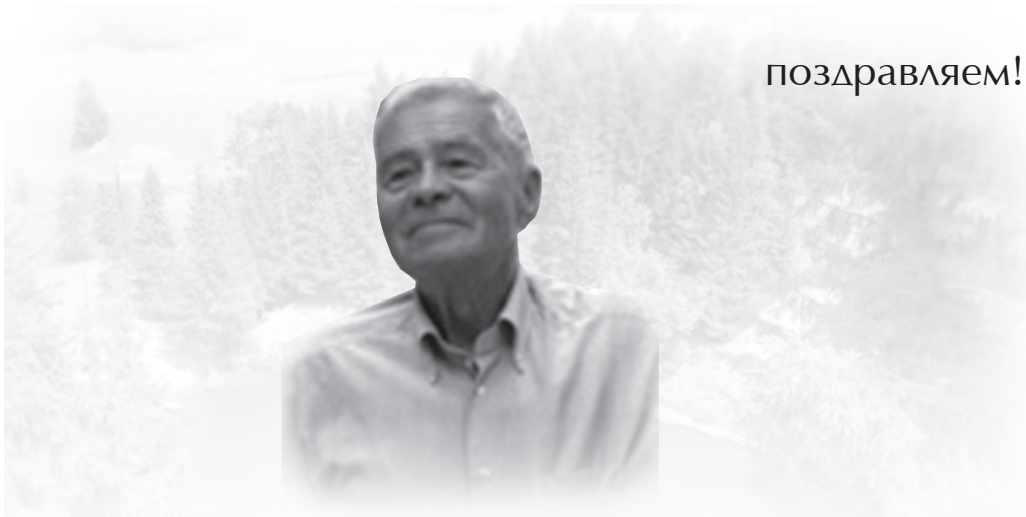
А Катя все равно придет. Усядется рядом – рыжая, счастливая, горячая. И когда я захочу дотронуться, поднесет палец к губам и жарко, и бесшумно – как всегда – прошепчет:

– Т-с-с-с... Погоди. Рано еще. Я скажу, когда можно, обязательно, слышишь? Ты не думай ни о чем, ложись на меня, ведь это так просто. Я почувствую твою боль. Приду и положу руку тебе на грудь. И не все ли равно – что потом, даже если впереди вечность...

И я никуда не уйду, а буду сторожить ее сон – ведь она так не любит просыпаться одна. Значит – так тому и быть.

Так тому и быть.

Так тому и...

поздравляем!

ПОЛЕТ ДУШИ¹

Справедливо принято считать, что процесс зачастую важнее и значительнее, чем минутный результат, т. к. развивается во времени и отражает многие изменения ему сопутствующие. Результат же – как бы ни был своеобразен и весом! – непременно отражает лишь одно из мгновений процесса. И если этот процесс – творчество, то результат является лишь неким отдельным «кадром», этапом, ступенью творческого пути.

Вся поэзия Олега Георгиевича Бордовского – красноречивый образец творческого процесса, процесса постоянного самосовершенствования, поиска нового в формах и образах отражения мира, процесса постижений закономерностей поэзии.

Наша привычка отмечать так называемые «круглые» и «полукруглые» даты человеческой жизни и деятельности весьма условна. Разумеется, «десятичные» даты с давних пор придуманы нами самими. Но ведь без всяких дат в свой срок распускаются листья и расцветают деревья, в свой час земля покрывается снегом, не знают сроков и дат многовековые горные склоны, цветущие луга и необъятная синь небес. А вот этапы человеческой жизни и деятельности испокон веков отмечаются людьми, подводятся некие итоги, осмыслиется пройденное, прогнозируется будущее.

Олегу Георгиевичу Бордовскому – 85! Эта цифра весьма значительна и весома. Но, к счастью, многопланово определяя многое иное, она никак не сказывается на непрерывной устремленности духа Олега Георгиевича к преодолению новых и новых ступеней его жизни и творчества, на его энергетическом заряде и темпоритме жизни, чему может позавидовать любой тридцатилетний. Придя в поэзию уже вполне зрелым человеком, Бордовский не только находится в непрерывном поиске, но отличается редкостной мобильностью. Непременный участник и лауреат многих поэтических конкурсов и фестивалей, автор нескольких сборников стихотворений, коллега и соратник многих поэтов-бардов – Олег Георгиевич много ездит, общается с поэтами других стран.

Пытаясь обозначить границы и особенности, основные черты поэтического мира О. Бордовского, убеждаешься еще раз, что многие свойства поэзии – как и музыки – ускользают от возможности описать их набором слов, фраз, эпитетов, скорее они поддаются эмоциональному восприятию. Тем не менее, попытаюсь это сделать.

Поэзия О. Бордовского лишена внешней, привычной и поверхностной описательности. В его стихах четко ощущается стремление осмыслить суть образа и явления и передать его поэтическим языком. Опираясь на высокие поэтические традиции, Олег Георгиевич выстраивает свои стихи вне ложной «затуманенности» смысла, вне «модных» усложнений стиля, вне вычурности. В его строках первична правда чувства и мироощущения. Заземленному и банальному в его стихах попросту нет места. В наш непростой век, век господства «пустоты духа», творчество Бордовского исполнено некой «старомодной» сегодня правильностью, высокой романтикой, взлетом духа.

Стоит сказать и о том, что основная профессия инженера обусловила такую особенность

¹ 29 мая 2015 г. исполнилось 85 лет со дня рождения О. Г. Бордовского.

таланта О. Г. Бордовского, как его умение КОНСТРУИРОВАТЬ. Конструировать форму, стилистику, конструировать систему отражения действительности. Диалектика двух начал – чувства и разума – пронизывает каждое его стихотворение. Автором движет потребность распознать и образность мира, и поэтические закономерности. И Олег Георгиевич смело экспериментирует с конструкцией поэтического воплощения образности, он детально изучает различные жанры и формы поэтического творчества, всякий раз тщательно шлифуя произведение избранного жанра, его образность, его форму, обдумывая содержание, соответствующее жанру. Отточив свое мастерство на различных комбинациях сонетов, рондо, стансов, О. Г. Бордовский ищет новые формы поэтического повествования. Он смело и оригинально излагает в поэтической форме известнейшие сказки Г.-Х. Андерсена, решительно обращается к их притчевой повествовательности. И по сути, это не просто пересказ в поэтической форме, а своеобразная попытка облачить знакомый сюжет в новый «наряд» и придать ему в чем-то иное, не совсем привычное, толкование. Олег Георгиевич пылливо ищет свой путь в постижении мира, иных поэтических форм, стараясь наполнить их новой образностью и содержанием. Во многих его опубликованных сборниках наблюдается синтез процесса непрерывного изучения мира и сиюминутного авторского «резюме». Стоит отметить, что резюме это – не прямолинейное назидание, а конгломерат основополагающих аспектов поэзии Олега Георгиевича. Оно («резюме») неизменно образно, вызывает целый ряд живых ассоциаций, выпукло и динамично. И что особенно существенно – оно неизменно несет заряд молодости духа, соединенный с глубокой умудренностью.

Важнейшим свойством творческой природы О. Г. Бордовского является стремление и умение воспринимать и понимать творчество своих коллег. Как часто на поэтических встречах мы становимся свидетелями того, что десятки «мэтров», откровенно скучают, когда звучат стихотворения других поэтов, и с нетерпеливым упоением ожидают момента, когда можно будет «огласить» свои строчки. Все, что не является плодом их личного творчества, не представляет для них интереса. Нет, Олег Георгиевич – совсем иной и по складу духа, и по устремленности. Занятно наблюдать, КАК он слушает поэтические выступления. Внешне спокойный, совершенно невозмутимый, он погружен в восприятие. А потом, уже по окончании поэтической встречи, Бордовский удивительно точно и четко подмечает и смысл прочитанного, и суть образности, и – что весьма существенно! – особенности поэтической техники, рифмовки, размера, формы. Стоит заметить, что никогда в его оценках нет и следа стремления «поучать», высокомерного лжепревосходства – напротив, его высказывания предельно корректны, истинно интеллигентны и отмечены желанием подчеркнуть достоинства поэзии собеседника.

И, пожалуй, Самое удивительное и значимое свойство поэзии Олега Георгиевича Бордовского – доверительность и искренность, которые «живут» в твердой конструктивной оболочке разных жанровых построений, свет и доброта, излучаемые в мир и, несомненно, стремление взглянуть на многие явления нашей жизни светлым жизнеутверждающим взглядом. А тонкая ирония, иногда проявляющаяся на многих островках этого архипелага – ещё больше оттеняет гармонию и оптимизм, сопутствующие непрерывному поиску автором неких важных и незыблемых основ.

Недавний юбилейный прием 31 мая 2015 года собрал множество друзей Олега Георгиевича и превратился в большой импровизированный концерт: звучали прекрасные слова в адрес юбиляра, высказывались пожелания здоровья и вдохновения на долгие годы, звучали бардовские песни, классические вокальные приветствия. Такое количество добрых друзей – бесценное сокровище и еще одно неоспоримое свидетельство широты души Олега Георгиевича, его человеческого обаяния, мудрости и оптимизма. И пусть его светлый талант и высокие человеческие качества еще долго будут радовать наши души, заставляя их каждый раз в чем-то по-иному всмотреться в окружающий мир, и увидеть в нем неизменность истинной красоты!

Андрей СЛОНИМ,
режиссер-постановщик ГАБТ им. А. Навои,
Заслуженный работник культуры Узбекистана.

Редакция и общественный совет журнала «Звезда Востока» с удовольствием присоединяются к юбилейным поздравлениям и пожеланиям О. Г. Бордовскому, известному ташкентскому поэту, неизменному участнику всех столичных литературных мероприятий.

мир глазами детей

Олег БОРДОВСКИЙ

Родился в 1930 г. в Ташкенте. В 1955 г. окончил ТШШМСХа. Проектировал объекты промышленного и гражданского назначения. Отмечен правительственными наградами. Часто публикуется в периодике Узбекистана, четырежды лауреат международных фестивалей авторской песни и поэзии в номинации «Поэзия».

Гадкий утенок

Поэма

*Пытливый мальчуган с недетским зорким взглядом,
С фантазией творца мог видеть даже то,
Что многим не дано, будь то вдали иль рядом,
В предметах вокруг нас заметить волшебство.
Заметить и развить своим воображеньем
Задуманный сюжет – фантазий торжество.
Так ангела крыла познав прикосновенье,
Рождает сказку Андерсен, чаруя мастерством...*

Природа летняя – отрадная картина,
Рожь начинает зреть и бурно колоситься.
Высиживать птенцов – удел семей утиных,
Чтобы на Божий свет они могли явиться
Из заточения, скорлупки пробивая...
На фоне леса, по соседству с водоемом
Стояла древняя усадьба одиноко,
Виднелись: ива, камыши с густой осокой
И стадо, что паслось там на лугу зеленом.
А дале – от воды до самого строенья
Произрастал лопух сплошной, такой высокий,
Что детки малые без всякого сомненья
Там под репейником, под дивной его сенью,
Вполне могли стоять во весь свой малый рост.
А в чаше лопуха так тихо и так глухо,
Словно в лесу густом, там и сидела утка
На яйцах, их согревая нежным пухом
И к треску скорлупы прислушиваясь чутко.
Дежурство утке то хотя и надоело,
Но покидать свой пост ей совесть не велела.
И вот стали трещать под уточкой скорлупки,
И клювиком вперед на свет лезут утята,
И радостно детей встречает мама-утка.
Комочки желтые – утиные ребята.
Пернатые мальки уже совсем на воле
Из плена скорлупы скорей освободившись,
Еще не осознав своей удачной доли,
Свой самый первый шаг по жизни совершивши,
Вдруг маму-уточку увидели свою.
Итак, вся малышня уж выбралась на волю,

Стараясь не шуметь, разглядывают зелень,
Еще не видя, где лопух растет, где ревень,
Не зная многого, не зная своей роли
В утином обществе, всего остерегаясь,
И к мамочке своей поближе быть пытаюсь.
– Какой огромный мир! – тревожно пропищали.
– Вы не внимательны, хочу, чтоб обещали
Мне, что будете понятливей и зорче.
Ужель подумали вы, глупые ребята,
Что тут и есть весь мир? Да нет же, он огромный.
Через репейник путь по суше и путь водный,
Поплывать будет где и наиграться в прятки,
Кому как нравится, – сказала мама важно.
– Чтобы окрестности подробнее освоить:
Сад, озерцо, канал – была я там однажды –
А за усадьбой луг, плыть далее не стоит!
Ну выбрались-то все? – став на ноги, спросила.
Увидев, что не все – одно яйцо осталось
Недвижимым в гнезде – к нему вновь поспешила
Досиживать, судьба такая ей досталась.
Сквозь чашу лопуха просунула головку
С вопросом: «Как дела?» соседка кряква-утка
(Она была умна, свой опыт и споровку
Передавала всем в свободную минутку).
– Потомство тут не все, одно яйцо осталось, –
Сказала утка-мать, – замучилась с ним я.
Слишком большим оно и твердым оказалось,
Пополнится когда ж еще моя семья?
А те, что здесь уже, скажу, прелесть какие!
В папашу видно все, а он-то где гуляет?
Не навелит меня, прохвост, ни разу даже,
Мол, очень занят был, потом, наверно, скажет.
– Мой выводок красив, и писк его чудесный
Ласкает нежно слух и сердцу дарит радость.
Как примет малышей утиный двор наш местный?
Но вот один птенец опаздывает малость.
Бессрочно на яйце сидеть уже нет мочи,
Без отдыха и сна, вот так все дни и ночи.
Соседка: «Дай взглянуть мне на яйцо большое,
Не индюшачье ли? Ну так и есть, конечно,
Что не твое оно, уверена – чужое.
Однажды подвела меня моя беспечность:
В гнездо мне подложил чужие яйца кто-то,
Кому-то пошутить тогда была охота.
– Да где ж твои глаза, ты отупела что-то? –
Твердили мне вокруг. Не слушала их мнений.
Считала, мол, сама ума палата.
Не дождалась утят, явились индюшата.
А сколько у меня потом было мучений:
Ведь не хотели те детишки плавать даже.
Попыток всех не счесть моих и ухищрений,
Как приучить к воде и быть всегда на страже
Здоровья деточкам, я так всегда желала.
Как показала жизнь, все тщетным оказалось.
А ну еще взгляну – индюшкино творенье.

Подсунул кто его? Какое невезенье!
И чем сидеть тут зря, учила бы детишек
И плавать, и нырять, искать получше пищу,
Быть осторожными и не набить чтоб шишек,
И водоемы знать, водичка где почише».
Но утка: «Посижу», – сказала молодая.
Ответила: «Ну что ж», – ей кряква пожилая.
Пришла видно пора – внезапно затрещала
Скорлупка крепкая, и что-то запишало
Под маминым брюшком: на свет вдруг появился
Уродливый птенец, ужасный, просто гадкий.
Растерянности миг прошел – недолго длился.
– Позор какой! – взглянув на птенчика украдкой,
Мамаша с горечью сказала: «Не в папашу!
Но плавать будет он, не станет – сброшу силой».
На следующий день – в прекрасную погоду
Утиная семья вся двинулась к канаве,
Стопы свои туда и помыслы направив,
С собою прихватив утеночка-урода.
Придя на берег – прыг, бултых, скорее в воду.
И в первый раз, боясь, птенцы без исключения
Отважно и стремглав нырнули друг за другом,
С восторгом крякая, не глядя на течение,
Победу одержав впервые над испугом.
– Не индюшонок, нет, я вижу – это сын мой,
Как лапками гребет, как держится он прямо,
И как справляется с течением, с волною,
Он правильно плывет, – сказала утка-мама.
– И не дурен совсем, каким казался прежде,
Смотрю, ведь на воде пока не самый худший.
Не стоит мне терять, я думаю, надежды,
Что скоро мой птенец намного будет лучше.
Теперь же поспешим на птичий двор
Встрянитесь, поживей поставьте прямо ножки
И крякните скорей, и поклонитесь утке
Той самой, пожилой, что хохлится немножко.
Она тут всех знатней – испанская порода,
На лапке ее есть заметный лоскут красный,
Отличья ясный знак, но вовсе то не мода,
Ее издалека заметен облик ясный.
Так ставьте поскорей красиво ножки-лапки,
Никак не вместе их – носочками наружу,
Воспитанность всегда ценилась и порядок,
А неуклюжие «садились часто в лужу».
И повторите «кряк» как можно поучтивей.
Утята сделали, а взрослые особы
С издевкою в ответ, как можно поглумливей,
Как будто бы они совсем другой породы,
Затараторили все сразу очень громко:
– Ну вот, еще пришла к нам целая орава,
Нет, наша не для них прекрасная сторонка!
Урода приводить с собой кто дал им право?
И сразу тут одна зло клюнула беднягу.
И от обиды он заплакал и от боли:
«За что такое зло, за что досталась доля

Прийти на белый свет уродом-бедолагой?»
Но стала защищать утенка мама-утка:
– Чем не по нраву вам сыночек мой, малютка?
Родился он таким, но очень, очень добрым.
Спокойный, робкий он, что прицепились вы?
Для птичьего двора пусть вырастет пригодным,
Ведь не боится он, как индюки, воды.
Утята радостно исследовали двор –
Все новое вокруг, всего не перечесать.
Как много детвора не знала до сих пор,
И лишь один урод – несчастен и уныл.
Его толкают все, жестоко все клюют.
Для всех противен он, и никому не мил,
И на него орут, и на него плюют.
Не знал утенок, где и как ему скрываться,
Как избежать всеобщего презренья,
Как на глаза «двору» не попадаться,
Иль у него смочь вымолить прошенья?
Вот так он день провел, и стало еще хуже,
Прогнали от себя его сестрицы, братья,
Да, видно никому такой урод не нужен,
И дальше ждет его судьбины злой проклятье.
Не выдержал птенец и побежал к забору,
Помчался из всех сил, как будто шмель ужалил,
Свои как только мог он крылышки расправил,
Был слаб еще тогда – в далекую ту пору,
Но на забор сумел все ж кое-как взобраться,
Перевалился он и на колючий куст
Упал, чтоб навсегда с таким двором расстаться.
От напряжения чуть не лишился чувств.

• • •

На озере утенок просидел два дня,
На третий день пришли к нему два гусака.
Они удивлены, чуть крылья приподняв,
К уродцу отнеслись вначале свысока,
Затем помягче все ж: «Мол, слушай-ка, дружище,
Какой нескладный ты, какой же ты чудной,
Такого нет нигде, такого и не сыщешь.
Коли подружимся – возьмем тебя с собой,
Поблизости здесь есть еще одно болото,
Там утки-барышни живут, и мы к ним часто
Летаем и, заметь, летаем не напрасно.
Но коль пока взлететь не можешь, то пешочком,
И по воде, земле, а где-то и по кочкам
Пройдя, ты явишься, а мы, конечно, встретим,
Представим барышням, и будешь на примете
У них, сомнений нет, там ждет тебя успех.
Но вдруг стрельба вокруг, и дикий грохот страшный,
И те два гусака – любители утех –
Упали замертво. Еще один упавший,
Еще один, еще. Стрелки со всех сторон
Ведут огонь, и цвет воды от крови красный,
Свист пуль и дроби треск, и диких уток стон,
Собаки в камышах, их грозный лай ужасный
Страшней всего. Ни жив ни мертв утенок гадкий

Хотел бы убежать скорее без оглядки,
Но страх его к земле прижал, не отпуская.
На землю тишина тревожно опустилась.
Утенок долго ждал, в затишье притаившись,
Осмелился привстать затем и осторожно,
Страх отгоняя прочь, бежать всё же решившись,
Скорей из этих мест, скорей как только можно
Пустился наутек, пути не разбирая.
Все обошлось тогда, и приютила бедолагу
Хозяйка птичьего двора.
Старушка думала, что перед нею утка,
Что будет приносить ей яйца без конца,
Они ж, наверняка, полезны для желудка.
Летели день за днем, яиц все нет и нет,
Их не дожидаться ей, как видно, никогда,
Утенок как-то раз нахохлившись в углу
Сидел, и ветер, дверь внезапно распахнув,
Внес запахи озер и сена на лугу,
Внезапно разбудил желание быть на воле,
Купаться и нырять, резвиться на просторе
И даже подпевать в утином громком хоре.
– А может мне уйти куда глаза глядят? –
Пролепетал птенец. – Ведь огорчаю всех
Ошибками, которые я допускал сто крат
И он ушел, найдя на озере возможность
И плавать, и нырять, осваивая сложность
В воде движений, и совсем не обращая
Вниманья своего на смех, дразнящих вечно
Утенка бедного из-за его уродства,
Летели дни стремглав, о, время быстротечно!
Осенняя пора из ласковой вначале.
В ненастье превратилась в одночасье.
И однажды увидел он под солнцем заходящим
Прекрасных белых птиц – скопление волшебства –
И группами, и врозь словно по льду скользящих,
Божественных на вид – полета торжество.
Таких красивых птиц он раньше и не видел,
То были лебеди. Их крик, что звуки труб.
Особенно красив был их вожак, их лидер,
Для отдыха в ночи он выбрал здешний луг,
С которого с утра поднялись птицы ввысь и к цели полетели
В знакомый теплый край, подальше от метелей,
А он смотрел на них, не мог глаз оторвать,
Их силуэты уж заметны еле-еле,
И тут возникла грусть неясная опять
С глухим предчувствием беды.
Душой стремясь вослед тем птицам в небеса,
И как же их зовут, летят они куда?
Не знал, но полюбил их сердцем навсегда.

• • •

Бежало время, и становилось холодней,
Короче стали дни, а ночи все длинней,
И вот пришла зима, вступив в свои права.
Снега с морозами – суровая пора.
Покрылся ранним льдом спокойный водоем,

Утенок полынью бьет лапкой и крылом,
Бессменно бороздя и поперек и вдоль,
И с ветром злым борясь, превозмогая боль.
А потом уже без сил, окоченевший,
Примерз ко льду, почти что бездыханный,
И все же миг настал спасенья долгожданный:
Тем утром ранним там прошел домой крестьянин
Он птицу увидал, примерзшую ко льду,
И сердобольным будучи, как многие селяне,
Из плена ее спас – смог отвести беду,
И полумертвую принес к себе домой.
Там, отогреть сумев, с ней поиграть решили
Детишки, радуясь возможности такой,
Забавы прочие на время отложили.
Боявшийся всего птенец решил: теперь
Побьют его за то, что вид его ужасный,
Что в этот теплый дом он принесен напрасно,
И так как он урод, то выбросят за дверь.
Метнувшись, угодил в подойник с молоком,
И полностью разлил его, потом,
Шарахнувшись, попал он в кадку с маслом,
Оттуда – в чан с мукой, что было еще хуже,
И счастье, что тогда открыта дверь была.
Вдоль стенок проскользнув, смог прыгнуть за порог,
По тропке побежал, что к зарослям вела.
И долго пролежал в снегу почти без чувств.
Как зиму перенес – всех бед не перечеть,
Становится теплей – весны благая весть,
И стал звучать хор птиц в лесу и в чистом поле,
Птенец повеселел – он холод пережил,
Почувствовав мощь в крыльях, тот час по своей воле
Взлетел, и красоту полета ощутил.
И сверху видит он три белоснежных чуда –
Там трое лебедей по озеру плывут.
Решил, коль он урод, и изгоняем всюду,
То пусть накажут тут и здесь же заключут.
Уж лучше жизнь терять от птицы благородной,
Чем получать пинки от кур и индюков.
И робко подлетев к тем птицам белоснежным,
Их сразу попросил: «Убейте же меня!»
И голову склонил, но, приоткрыв чуть вежды,
Он отражение увидел: «Это я?!»
Оторопев от счастья, что свалилось
На голову ему, вскричал: «За что ж такая милость,
Что стал из гадких он вдруг лебедем прекрасным?
Как видно прежние мученья не напрасны!
Три лебеда, и к ним приплыл еще один,
Как сказка наяву, и как небес посланье,
Он оказался вдруг сравнимым с совершенством.
И тройка лебедей, признав его главенство,
Изяшно головы склонила перед ним.
И тут смутился он – теперь он всеми чтим,
Ведь раньше гадким был, повсюду нетерпим.
Напасти в прошлом все, он их преодолел,
О счастье таковом он и мечтать не смел...

философия искусства

ВОЗДУШНЫЕ МОСТЫ БАХОДИРА ДЖАЛОЛОВА

*«Для меня нет разницы – Восток или Запад,
кругом одни и те же законы...»*

Баходир Джалолов

Петербург – Ленинград – Петербург. Академия художеств – Академия трёх знатнейших художеств – Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.

Перед зданием Академии художеств по сторонам изяшной гранитной пристани на берегу Невы установлены два египетских сфинкса, – фантастические существа, хранители царской власти, некогда украшавшие резиденцию фараона и глядевшие в непроницаемые глаза Аменофиса III. Теперь они с надменным безразличием взирают поверх холодных вод Невы туда, где золотой купол Адмиралтейства мерцает, как натянутый лук со стрелой, нацеленной в набухшее дождём балтийское небо.

Мосты, соединившие когда-то левый и правый берега Невы, как невидимые струны, притянули сюда, к педагогам Петербургской Академии художеств Мыльникову и Королёву, молодого художника из Ташкента Баходира Джалола после учёбы у замечательных Узбекстанских художников – Чингиза Ахмарова, Рузи Чарыева и Абдулхака Абдуллаева.

Здесь, в Петербурге, в залах Эрмитажа он по невидимым мостам переносился в далёкие века, в город, на одном из холмов которого стояла и стерегла время Капитолийская Волчица. Свет, исходящий от работ великих мастеров итальянского Возрождения, как оставленный ими на будущее фонарь, освещал ему пути к тайнам мастерства, отразившимся позднее в работе «Откровение. Данте и Беатриче»... Vita Nova... Vita Nova... А бескрайняя серая плоскость холста звала в город, освящённый Паоло Пазолини – «Мата Рома» – в город «Капитолийской волчицы». Ему казалось, что тайно проступают на полотнах старых мастеров потаённые города, где господствовали над временем Леонардо да Винчи, Рафаэль де Сантис Урбинский, Микеланджело Буонаротти. Города с узкими, как шпага, и запутанными, как лабиринт, улицами, где всё дышит столетиями; города с улицами, истоптанными сапогами крестоносцев, воспетые менестрелями эпохи Возрождения; города, где по сию пору чувствуется дыхание когда-то живших здесь людей. И кажется, что они незримо проходят вдоль домов, пьют в тавернах старое вино, грея ноги у жаркого очага. Потрескивают восковые свечи. При свете колеблющегося пламени мудрецы читают только им понятные манускрипты и временами, приближая лицо к невидимому окну, всматриваются в нас, ещё растворённых в воздухе и не умеющих просыпаться по

Елена ПАГИЕВА

Родилась в 1946 г. в Красноярске.

Окончила художественно-графический факультет ТГПУ им. Низами, работала преподавателем, дизайнером, художником.

Публиковалась в республиканских журналах, литературных альманахах и газетах.

утрам от грохота раннего трамвая за окном и задыхаться от запаха выхлопных газов тяжёлых автобусов. Они всматриваются в недоступное для них время. А бесплотные стражники ночным дозором проходят по улицам, оберегая ускользящую тишь.

**Оглянувшись назад, день сегодняшний стал днем вчерашним.
Смотрят гордо в закат силуэты замшелые башен.
И в дремучих кустах виноградной лозы ствол отважный и гибкий,
Как оставленный флаг, бьется с ветром один в поединке.
Бой курантов ночных затаенного времени спором
Будит верных своих, будит страхи ночного дозора,
Обрывает концы разговоров дневных и нелепых,
Поднимает мосты... и скрипят заржавелые цепи....**

**Без огня фонарей и беззвучно, шагами столетий,
Ходят стражники дней или мест не таких и не этих.
И, приветствуя час и смертельной не чувствуя боли,
Тени тех, кто угас, в тишине выкликают пароли.
Их невнятен язык, словно шелест листвы придорожной,
Распознать этот крик, разобрать их имен невозможно.
Их влечет за собой застарелая к жизни привычка,
Словно воздух ночной, сохранивший времен переключку,
За небесный порог уводящий земные таланты...
Но кончается срок, и рассвет предрекают куранты –
Их настойчивый звон над стеною, над замком, над лесом
Прокричал петухом, разогнав темноту поднебесья¹.**

Но художник – властелин времени. И Баходир Джалол, прекрасно ориентируясь в этом клубящемся тумане загадок, разглядел огни диоскуров и улыбку Джоконды, прорицания зороастрийцев-огнепоклонников и караваны на путях средневекового Востока, мир, закрученный спиралью Архимеда, бегущий из эпохи в эпоху в забытые или полузабытые нерасшифрованные письма человечества, и даже в те времена, когда, осваивая невнятный геологический период, хищный и костлявый крылатый ящер превращался в прекрасную птицу. Нет конкретной среды действия. Оно происходит в отвлеченном пространстве, где по оси композиции переплетаются древность и современность, проступают топографические черты городов Европы и Азии и лики людей великого прошлого нашей Земли, людей, которыми гордится Цивилизация.

А где-то миражи колышут сожжённые зноем пустыни, и пески, смешанные с солью, пересыпаются тягучей волной, как непрерывная, навевающая сон музыка. В воздухе, синем и золотом, посланцами неба мельтешат степные жаворонки. Медлительные верблюды осторожно снимают с золотого песка куцию поросль зеленоватой травы. И оазисы, как чаши, наполнены запахом трав, обещающим огненный мёд полдня.

**В пути давно базаров шум забыт, ни облачка вдали, ни родника;
Не знают губы свежести воды в горячем скрипе вечного песка.
В оставленный у бездорожья век пустыня стелет желтые ковры...
Над пересошим руслом бывших рек песок изнемогает от жары.
Зенит, не зная меры, солнцем пьян. И кружит, кружит тень у самых ног.
Дымком задернул дышащий бархан коварный дар готовящий песок.**

**В безлюдье опрокинут горизонт, сон разума колышет миражи:
Пропавший караван опять бредет, река сквозь пыль мерцает и дрожит,
Как чей-то неопознанный расклад в руках, пересыпающих песок...
И ветер раскрывает двери в ад, кидаясь в беззащитное лицо...
Смешались в вихре запад и восток, но вновь и вновь, наперекор судьбе
Виденья рассыпаются в песок... и время возвращается к себе.**

¹ Здесь и далее стихи автора статьи Елены Пагиевой.

Эти пески и оазисы, эти долины помнят Амира Темура, скрип его повозок, цокот копыт его конницы. И где-то здесь, в этих краях, в Хорезме, что в переводе означает «Солнечная земля», родился Зороастра.

Это ему, сыну Солнца, несут свои дары огнепоклонники – люди и животные, и всякая земная тварь, найдя своё воплощение в таких произведениях Баходира Джалола, как гобелены «Танец с масками» и «На празднике». Музыка и танец – душа народа, когда барабан своей возбуждающей дрожью зажигает глаза и напрягает тела у вереницы танцующих, а раскалённый смычок порхает над струнами древнейшей скрипки. Пляска колдует и опьяняет. Кажется, что в этом танце душа сражается сама с собой. Наконец танец угасает. И застывает на месте с поднятыми вверх к небу руками танцовщик в маске быка, возглавлявший эту мистическую таинственную процессию, посвящённую Наврузу. Не случайно праздник возглавляет бык. Бык – зороастрийский символ бога огня, т. е. Солнца.

Ночь весеннего равноденствия – Навруз – проводы уходящего года и Первый день Нового года. В эту ночь начала Нового года (по-персидски «Нового дня»), перед избранными является священный Бык, символ вечной счастливой новой жизни. Vita Nova...

Полотно «Легенда о Наврузе» – это жизнь, созданная по законам добра и красоты. В ней отклики многих, взращённых веками, национальных верований, представлений, образов и форм.

В тишине, в которой соперничают краски и сгустки лунного света, является крылатый Бык, не отбрасывающий тени – Единотворный Бык, созданный из космической пыли. Бык с золотыми крыльями, грудью и рогами... Бык с серебряными ногами. Тело его неизъяснимо глубокого синего цвета, цвета высокого весеннего азиатского неба, цвета бессмертия. В его глазах переливы весенней воды, невидимой, неузнаваемой, пока луна не бросит в нее блески серебра. Та самая луна, которую везёт священный Бык в эфемерной, состоящей из прозрачных колец, повозке, излучающей свет покоящейся в ней луны.

На короткий миг является это чудо людям, специально выходящим из дома в ночь Навруза, чтобы увидеть священного Быка, символ счастья в Новом году. И каждый, кто видел его, и даже тот, кто не видел, клянутся всем, что им дорого, вплоть до серебряных копыт священного Быка, что именно ему являлось это видение. И люди провожают его взглядом, полным сожаления оттого, что нельзя этим мигом владеть вечно. И не случайно художник повторяет тему Навруза в различных ракурсах и вариантах. Кажется, что этими повторами он надеется вернуть видение, закрепить его кистью как момент истины, как путь в вечность...

«Я сегодня проснулся, открыл глаза и провёл линию в вечность, объединяя день с ночью и с четырьмя стихиями...» – эти слова художника – стремление к познанию вечности, а возможно, и потустороннего мира. Что там, за этим порогом? Встретят ли там те, кого когда-то проводили?

***Встречай меня, встречай, когда-нибудь встречай:
пусть ветер прошуршит листом прошальным клена.
И лишь туман и дождь в глухой проводят край,
да стая верных псов полночной Персифоны.
Встречай меня, встречай в толпе родных теней,
где берег отделен моста шелястым краем, –
Кольцом лихих времен, вкраплением светлых дней...
И мы узнаем все...
Ах, если все узнаем...***

Линия в вечность – путь в иные миры. Но не древнегреческий властитель подземного царства со своим верным созвездием Псов увлекает его в неведомое. Подобное когда-то испытал Данте Алигьери. Бесшумно струились воды сонного Стикса. От берега живых к берегу иного мира скользила барка, управляемая Хароном, этим бессменным перевозчиком умерших душ. Там, среди призрачных теней, выделялось живое лицо Данте, который описал иной мир по воле своего пера, пера поэта.

В иную жизнь провожает своих любимых, своих родителей в картине «Проводы» Баходир Джалол.

Но их не сопровождает Персифона, не перевозит по мрачным водам Стикса барка неумолимого Харона. Они переходят в иной новый мир, как по мосту, по тонкой, как волос, линии – линии уводящей в вечность.

Там, на фоне неведомых нам райских куш, ветер неслышно раскачивает чаши Божественных Весов – мерило добра и зла. Но приветливо встречает переходящих Удод – птица Всевышнего, символ неземной мудрости – и Соловей – символ музыки и песни. А Весы правосудия стали Весами милосердия. Так пожелало сердце художника, такова воля его кисти... Vita Nova...

В творчестве Джалола начало и юность нового стиля, вобравшие всего Сальватора Дали, выглядят как гипотеза о строении космоса, воплощённого в некие осязаемые образы. Кисть художника ликует, отталкиваясь от реальности окружающего его мира, и балансирует между реальностью и фантазией «Союз неба и Земли» как творение безвестного космического архитектора.

Масштабы деталей, цветовой строй – всё как во сне или в воспоминаниях подчиняется только образной логике, а не трезво-прозаическим правилам обыденного. Всё переходит в область поэтического воображения, новой художественной реальности: фантастические астрономические конструкции, устремлённые к небу, и человек, несмотря на грандиозные масштабы созданного им, чувствующий не только полную уместность, но и необходимость своего присутствия в этой среде.

***Мы странники мира и небо нам – шит.
Звезда моя Сириус – дом мой в ночи.
Ни ближе, ни дальше – в межзвёзды – роса –
Сверкающей Альфой в созвездии Пса.
Над временем нашим, над миром хмельным,
Под звездною чашей над пленом земным,
Где бредит куражась предел суеты –
Четвертая стража забытой Судьбы.
Над безднами мира блуждают лучи.
Звезда моя Сириус – путь мой в глуши.
И дело, и отдых сквозь тайны ночи
Разгадывать звёзды – веселье души.***

А «Движение в направлении гармонии» позволяет пребывать в воображаемом зрителем пространстве, напоминая детские мозаичные конструкции. Это возвращение к началу начал. И тут необходимо умение не только восхищаться им, но и расшифровывать его. На миг остановлено время. Нет тяжелого дыхания моторов, нет скрипа и скрежета взаимодействия движущихся механизмов суровой действительности. Есть цветная дорожка-конвейер, превращающийся в дорогу, текущую как вода. И если ступить на неё, она сама несёт тебя, играя красками; проходит в конструкцию в виде ворот, ворот, ведущих в жизнь похожую на детство, когда человек только познаёт и осваивает пространство, пространство будущих возможностей. Это возвращение в родную, утраченную после детства реальность. Vita Nova...

В работах Джалола много непредвиденного и непривычного. Это своеобразное переплетение общественных, психологических и вкусовых причин, от которых зависит изменение «Розы ветров» художественной сферы. И эта «Роза ветров» периодически возвращает его в Петербург – Ленинград – Петербург...

Баходир Джалол – изготовитель пространств. Он рождает новые отношения с миром, с культурой, создаёт какие-то новые измерения. Используя современное сочетание живописи с компьютерной технологией, исследует и покоряет «Тайны белой ночи» – Петербургские тайны – тайны людей когда-то глядевших в это балтийское небо. Дух у них был силён, но тело, живое тело – немощно. Материальные телесные формы не выдерживали их стремления к небу. Материальное таяло, как воск крыльев Икара. Но остались яркие, светлые тени этих людей, желавших больше, чем они могли достичь. И эти тени, насыщенные прошлой энергией, стремлением к восхождению, застыли цветными силуэтами, по-прежнему глядящими в небо.

Тайны... Петербургские тайны, более трёхсот лет влекущие к себе художников и поэтов... И одна из этих тайн воссоздана Баходиром Джалолом – тайна преобразования, несущего смерть взгляда дуэльного пистолета Дантеса в чёрную дыру дула винтовки с оптическим прицелом – винтовки киллера; киллера в современной экипировке, взявшего на прицел... кого? – Нас?!

Это тоже своего рода дантесы, не признающие ни рода, ни племени.

Жест такого «дантеса» – жест поднявшего винтовку зомби, робота. И не случайно художник не показывает нам его лица – у киллера не может быть лица.

«Война и мир»...

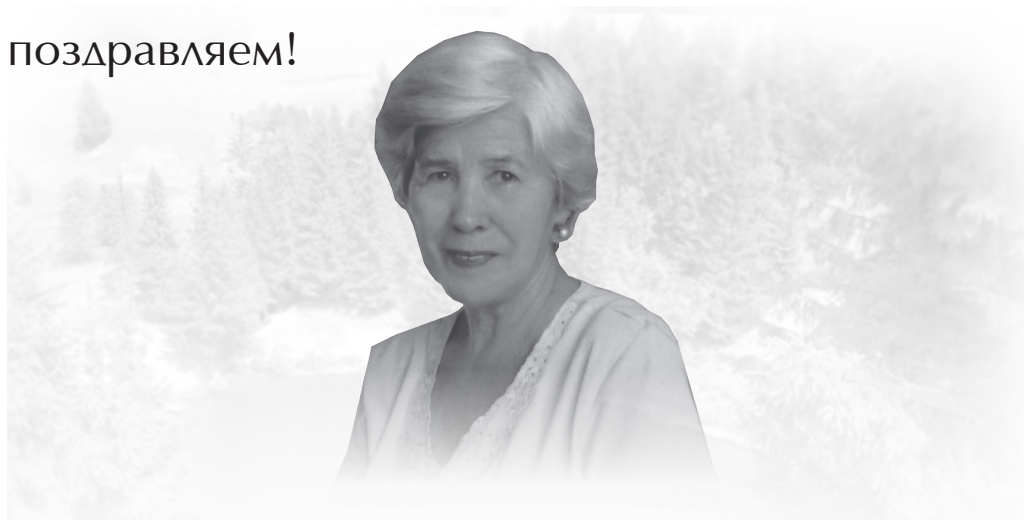
Всё это трансформация чувств, трансформация памяти, – «Контакт», когда, казалось бы, лишённые образа обрывки туманностей представляются как зарождение мощной, ещё не оформившейся реальности, реальности, в которой жизнь, постоянно меняя форму, ни на минуту не останавливаясь, напоминает бесконечный танец. И кто-то невидимый медленно пересыпает из ладони в ладонь песок времени.

Путешествия в пространстве, путешествия во времени меняют лишь небо, но не меняют душу. А душа позволяет видеть не только то, что есть, но и то, чего нет, что только может быть.

*Тускло светит ночник.
В открытые окна доносятся с улицы звуки.
Свет от фары машины
ускользает по темным силуэтам предметов
в ночное дыханье деревьев
вслед за ушедшим днем,
в черную бездну памяти.
Но яркие неповторимости отблесков дня
лишают покоя глаза,
ночные виденья срывая с насиженных мест...
И движет миром таких полуснов
эхо скользящего времени...*

И несётся ночью по улицам и мостам времени неслышным галопом гонец, несущий ещё не высказанные вести. И от копыт его коня искры осколками вечности рассыпаются по поверхности холста, парящего в воздухе, складываясь в созвездие... VITA NOVA

поздравляем!

ТРИ ВСТРЕЧИ С МАРСИАНКОЙ И СТО ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКОВ¹

Где-то во второй половине прошлого, XX века, в один из знойных июльских дней, я, будучи главным редактором одной из газет для детей и юношества, пребывал в своем кабинете в ожидании коллеги. Подступал обеденный час, и я уже аккуратно складывал в стопку прочитанные статьи, подготовленные сотрудниками в очередной номер. Между тем на улице хозяйничал распалившийся саратон – самые жаркие дни лета – тщетно пытаюсь прорваться в газетный корпус. Армия вентиляторов – тогда еще кондиционеры только входили в моду – отчаянно отбивалась от огнедышащего налетчика. Они оберегали микроклимат на всех этажах. А над моим столом под потолком работал большой вентилятор, меланхолично размахивая широкими лопастями, старательно разгонял горячий воздух, проникавший в оконные щели.

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

Деликатный стук в дверь, которая скрипнув, отчего-то закрылась еще плотнее, так мне показалось.

– Да заходи же, чего торчать за дверью, – крикнул я, задвигая ящик рабочего стола. Подняв голову, замер. Глазам моим предстала стройная, светловолосая миловидная молодая женщина. – Пожалуйста, проходите, если вы ко мне, – с легким унынием произнес я, поняв, что обед мой под угрозой срыва: от любого автора, тем более женщины, просто так не вырваться.

– А разве кроме вас еще кто-то есть здесь? – она с улыбкой оглядела кабинет.

– С этой минуты я и вы... Да проходите же, устраивайтесь, – жестом я показал ей на стул с противоположной стороны рабочего стола. – Ну... рассказывайте, показывайте свои творения... Что у вас? Десять минут вам хватит?.. Извините... обеденный час. Прошу вас... Я жду.

Гостья редакции оживилась.

– Вы сказали «обеденный час», так это даже очень кстати, – озадачив меня таким заявлением, она суетливо покопалась в дорожной сумке, вытянула из нее гастрономический пакет, ловким движением развернула его и положила на стол. – Вот мое творенье. Угощайтесь на здоровье... фирменные пирожки с грибами, картошкой, рисом, джемом абрикосовым... Еще теплые...

Я обескуражено глянул на посетительницу:

– Так это рекламная продукция «Дома выпечки»? И вы, надо понимать, распространитель... Так?

¹ 16 июля 2015 г. исполнилось 75 лет со дня рождения детской поэтессы, члена СП Узбекистана Софии Файзиевой.

– Так, да не совсем. Просто у меня сегодня день рождения, и я в честь нашего с вами знакомства решила вас угостить. В этот день я угощаю всех близких друзей. И вас угощаю независимо от вашей оценки...

– Я еще таких не пробовал, хотя пахнут аппетитно...

– Я имела ввиду свои стихи, – с этими словами она достала из сумки плотно набитую конторскую папку, шлепнула по ней ладонью и развязала тесемки, – а вы не тратьте зря обеденное время. Берите первый пирожок и задумывайте желание... Если с грибами, стихи мои примутся в вашей газете, – она сосредоточенно начала перебирать в своей папке странички стихов. – Ага, вот послушайте, пожалуйста. Можно сказать, автобиографическое:

***Шафран на клумбе золотится,
Ромашки рядом бархатисты.
Мне хочется перед людьми
Раскрасить мной открытый мир.
Зачем я льну душой к созвездьям,
Как будто на земле проездом?
От звезд небесного Ковша
Опять зажглась моя душа...***

Гостья моя оторвалась от текста, вопросительно на меня взглянула:

– Ну, как вам?..

– Вкусно...

– Я про стихи...

– На слух вполне приемлемо.

– Спасибо... А на вкус... то есть я хотела сказать, вообще...

– А вообще с интересом прочитаю ваши стихи, передам в литотдел и лучшие из них опубликуем, – договорить я не успел, внезапно открылась дверь, просунулась голова коллеги. Увидев меня, жуящего пирожок, он на мгновение замер, затем прошептал:

– Прошу прощения... Ну, дела-а... – дверь захлопнулась, из коридора донеслось: – Чудеса!.. Да он стишки превращает в пирожки...

Мы с гостьей переглянулись.

– Кажется по вашей милости я могу попасть в книгу Гиннеса, – хмыкнул я.

– Буду рада, если только с моими стихами, – поддержала она шутку.

– С вашими стихами? – спросил я с притворным удивлением. – Мы уже четверть часа беседуем, а вы даже не назвали имя автора и ни слова о себе... Кто вы, признайтесь, откуда, по чьей рекомендации?.. Одним словом, выдайте мне творческую объективку. Ну? Признавайтесь...

– По гороскопу?

– Как вам легче...

Гостья моя выпрямилась, вздохнула, секунду поразмышляла, сунула недочитанный лист в папку, пододвинула ее к стопке статей, подготовленных в очередной номер, и сказала:

– По гороскопу я РАК, иначе бы родилась не в июле. Мой символ – одна из стихий – вода. Планета, влияющая на мою карму, Марс...

– Случайно не пообщались с Аэлитой в прошлых жизнях?

– Пообщалась, к вашему сведению, в школьной библиотеке с помощью классика...

– Пятерка за ответ. Судя по вашему озорному нраву, у вас и стихи для детей могут...

– У меня несколько детских книжек... А что касается, как вы выразились, «озорного нрава», мой девиз по тому же гороскопу ИРОНИЯ.

– Но имя свое вы назовете наконец?..

– София...

– Красивое. Наверное, в честь столицы Болгарии? В переводе, как я где-то прочитал, означает мудрая.

– Мне этого родители не говорили. Скорее всего назвали меня так в честь одной из прабабушек и переводится мое имя как ЛЮБОМУДРАЯ, более того, ударение на первом

слоге... Прошу учесть.

– Учту, когда опубликуем подборку ваших стихов.

– Благодарю, вы меня обнадежили.

– Скажите, у вас, София, как и у всех авторов были же и есть наставники?..

– Были любимые наставники. Первый из них, старейший русский поэт, сейчас ему исполнилось бы сто двенадцать лет... Добрый, отзывчивый, всегда задумчивый... Мне приятно с чувством благодарности произносить его имя – Андрей Митрофанович Иванов. А еще я хочу назвать имя замечательного литератора, очень популярного среди молодого поколения авторов, да и старших писателей и многочисленных читателей в разных регионах страны, удивительно доброго человека – Зои Тумановой. Она мне постоянно советовала: «Пиши, пиши, София, для детей. У тебя в каждом стихотворении хитринки, будто искорки сияют. Старайся, у тебя должно получиться».

Зоя Туманова, словно заботливая клушка, «подкармливала» интересными идеями своих учеников и защищала их от сердитой критики, как бесстрашная львица...

– Конечно, я могла бы рассказать и о своем старшем друге Галине Цодиковой, известном детском прозаике, и о напутствиях популярного поэта – Риммы Казаковой... У нее есть чудесное стихотворение, посвященное узбекским танцовщицам, «Танец рук», – вдохновенно продолжила она.

В коридоре раздались шаги возвращающихся после обеда сотрудников редакции.

– Я могла бы рассказать и о старейшем литературном объединении, которым руководил очень интересный, жизнерадостный поэт Виталий Качаев, сотрудник редакции солидного литературного журнала «Звезда Востока», но если у вас хватит терпения...

– У вас будет возможность рассказать о всех замечательных людях в ваших мемуарах.

Спасибо за приятный визит и увлекательную беседу.

Мы с Софией Файзиевой одновременно поднялись со своих мест. Договорились о встрече через неделю. Проводив ее до дверей, я не сдержался и признался:

– Спасибо за угощение, пирожки – мастер-класс.

– Надеюсь, стихи мои тоже заслужат достойную оценку.

– Будем верить.

Она улыбнулась и ушла.

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

Дежурный по редакции принес из типографии пачку свежих номеров и тут же сотрудники расхватили по одной газете для личных подшивков. Я тоже вытянул три экземпляра – один себе и два обещанных для Софии Файзиевой. Не успел я поудобнее устроиться в рабочем кресле, чтобы просмотреть нарядные полосы, и особенно четвертую, литературную страницу, с вышедшими в свет стихами дебютантки выпуска, как раздался нетерпеливый телефонный звонок. Судя по характерным трелям, звонили по внутренней линии, а точнее из вестибюля газетного корпуса. Я поднял трубку.

– Вы меня слышите? – голос по телефону был незнаком, но по тону я догадался, кто мне звонит. Конечно же София. – Здравствуйте. Мы идем к вам.

Я пригласил ее подняться в редакцию, заинтригованный словами «Мы идем»... Кого, интересно, ведет ко мне новорожденный автор. Я намеревался скоренько торжественно вручить Софии экземпляры, распрощаться до новых встреч и подготовиться к летучке.

– А мы уже здесь... Можно к вам?.. – на пороге стояли две очаровательные женщины, словно появившиеся с картины Ренуара, и дверной косяк выглядел рамой к чудесному видению. Обе дамы почти одного роста, только спутница Софии смуглолицая с фигурой фотомодели.

– Это моя сестра, Зухра... Мы, кажется, не вовремя?..

– Конечно же... Проходите, – пришел я в себя, не спуская глаз с Зухры, хотя говорила София. – Так вы обе, значит, марсианки... – попробовал я шутить.

– Вот и не угадали, – рассмеялась София, моя сестренка с Венеры. Ее имя в переводе означает название утренней звезды... А вообще она стюардесса на международной линии...

– Гордитесь, София, все стюардессы красавицы, и ваша сестра вне всякого конкурса...

Зухра, подавив смущение, сказала:

– А вы покажете газету, где стихи Софы?..

Я схватил со стола приготовленные экземпляры и вручил каждой по газете. Сестра чинно устроилась у длинного стола для заседаний и зашелестела страницами.

– Вся газета про мою сестру? – восхищенно спросила Зухра.

– Ой, это уж слишком было бы, – отмахнулась София, – для дебюта вся литературная страница – здорово. Я очень, очень рада. Спасибо редактору и всей редакции. Рисунки к стихам получились веселыми.

– Я хочу купить в вашем киоске все экземпляры, – заявила мне Зухра, – и по пути в городе во всех других киосках...

– Зачем вам так много? – поинтересовался я.

– Раздарю всем знакомым в Ташкенте, подругам по лайнеру и конечно же в Канаде...

– В Канаде? – удивился я.

– Ну да. Там живет мой друг... Уговорил меня перебраться в Монреаль.

– Романтично звучит. И на каком же языке вы общаетесь со своим другом?

За сестру ответила София, подмигнув мне:

– Само собой, на языке любви.

– В Канаде люди общаются на трех языках: английском, французском, русском и даже на языке индейцев и эскимосов, вот эти две народности и есть коренные жители Канады, – уточнила Зухра.

– А стихи Софии, любопытно, на каком языке прозвучат в ваших устах?

Зухра задумалась, потом весело ответила:

– Ну... ну, прочту русским друзьям на русском с демонстрацией вашей интересной газеты, англичанам – в своем переводе, французам – в своем пересказе... Ну а индейцам и эскимосам... изобразю несколько сюжетов, описанных моей сестрой.

– Прекрасный выход, – похвалил я. Сестры обнялись в приливе благодушия, а я мельком глянул на часы. До летучки оставалось несколько минут, и вот-вот к двери начнут подтягиваться члены редколлегии и корреспонденты. Мы дружески распрошались, и Зухра пригласила меня погостить в Монреале.

– Но лучше будет, Зухра, если вы организуете подборку стихов и рассказов детей индейцев и эскимосов, мы с удовольствием опубликуем и уж потом полетим к вам в гости с сюрпризами.

– Я постараюсь, – пообещала симпатичная стюардесса.

Они исчезли, а кабинет тотчас заполнили сотрудники редакции.

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ

Время летит стремительно, годы мчатся экспрессом, а дни мелькают, словно искринки на ветру. Не успели оглянуться, а уж двадцать первый век доверительно раскрывает нам новые идеи с увлекательными делами. Естественно, новая жизнь отражается в произведениях писателей, драматургов, художников и, непременно, журналистов. А София Файзиева вошла в новый век с новыми книжками для детей и взрослых и, разумеется, накопленным опытом писателя и работника издательства, не говоря уже о ее общественной деятельности и как заместителя председателя Совета по русскоязычной литературе, и, так сказать, нашего «представителя и посланника по литературным связям в странах СНГ» – к примеру в России, Татарстане, Прибалтике и других городах и селениях.

Помню, она вернулась в Ташкент из очередной творческой командировки и навестила меня – уже работника аппарата Союза писателей.

Стоял один из живописнейших осенних дней, о котором невольно воскликнешь словами поэта: «Очей очарованье...» Вахтер проводил ее до моего кабинета, услужливо впустил ее в комнату, предварительно сообщив мне с загадочной улыбочкой: – А к вам пришли... – и вежливо прикрыл дверь.

София предстала в длинном легком плаще, в красивых туфельках. По плечам рассыпаны пряди русых волос.

Конечно же я вышел из-за стола с приветственными словами:

– Из дальних странствий возвратясь, нас снова навестила София.

Она наградила меня в ответ светлой улыбкой. Внимательно взглянув на меня заметила:

– Что-то не очень весело прозвучали твои слова. Ты в порядке?

Время частых дружеских общений в творческой сфере незаметно, как это случается, перевело нас на «ты». Я устроил ее в кресле сам подсел в соседнем и постарался небрежно ответить:

– Да, так... чуть-чуть прижало... Магнитка разгулялась... Не обращай внимание. Какие новости, надеюсь готовишь для газеты путевые заметки?..

Но София пропустила мои слова мимо ушей:

– Сердце болит?

– Вроде нет...

Она взяла мою левую руку, двумя пальцами прижала сосуд на запястье:

– Шестьдесят три удара, – озабоченно произнесла она.

Поднявшись с кресла, София деловито стянула с себя плаш, бросила на спинку кресла, обошла мое кресло и положила ладони мне на плечи.

– Так. Сиди спокойно... Расслабься, прикрой глаза, думай о хорошем... Можешь вспомнить мою любимую сестричку Зухру, она передает тебе привет. Если кто-то заглянет, не реагируй, я отвечу...

Кончики ее пальцев принялись массажировать мою шею вдоль шейных позвонков, затем по нижней черепной линии, до висков профессионально так, если бы это делал сам доктор Брэгг. Потом она помяла мою голову со всех сторон, вдавила свой большой палец на точку в моем лбу – в месте третьего глаза – постучала ребрами ладоней по плечевой линии от шеи до рук. Медленно обойдя мое кресло, заглянула мне в лицо.

– Порозовел, будто утреннее солнышко. Ну, и как теперь?..

– Спасибо, доктор София. Отпустила магнитка. Твои предки очень метко называли тебя София – Любомудрая. Я бы хотел, чтобы у всех наших писателей был такой личный врач...

Надевая плаш, София с гордостью призналась:

– Моя бабушка была известной знахаркой, а дедушка, между прочим, был работником российского посольства в одной из восточных стран.

София рассказала несколько случаев, когда смогла помочь больным людям.

– Да, ты наша Джуна, – искренне похвалил я.

– Джуна пусть остается Джуной, а я, София, сама по себе...

– Жить тебе София любомудрая сто лет и больше того – произнес я с благодарностью, ощущая бодрость в теле после ее магической мануальной терапии.

– Только вместе с вами, хорошими писателями, и вообще желаю дружить со всеми добрыми людьми, – она, что-то вспомнив, покопалась в своей сумочке. – Вот, кстати, возьми это и не теряй, носи с собой везде, – в ее руке лежал маленький коричневый карандаш с заостренным кончиком. – Если сердце начнет дергаться не в лад или побаливать, так ты вот этим карандашиком покалывай указательный палец. Тут и триголен на разных травах не помешает.

Из этой же сумочки она извлекла очередной поэтический сборник:

– Жаль времени не осталось, хотела сама почитать тебе.

Она протянула его мне и, быстро распрошавшись, ушла. А я с интересом принялся читать новые стихи Софии Файзиевой.

СТО ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКОВ ДОБРЫМ КРИТИКАМ И НИ ОДНОГО ЗВОНКА – СЕРДИТОМУ...

Психологи давно пришли к выводу – да и мы с вами, – что даже опытным людям в работе нужны советники, наставники, мудрые друзья, критики, редакторы. Они-то как раз безошибочно подмечают слабенькие места в произведении, подскажут чем заменить неубедительный абзац в прозе, неудачную строку в поэзии.

София Файзиева выработала, надо согласиться, верный метод для определения состоятельности своего произведения, когда стихотворение еще горячее – «прямо из печки» – читаешь по телефону многим своим друзьям – братьям, сестрам по перу – и чем больше совпадает мнений, тем точнее оценка. И только после такого фронтального опроса можно обращаться к «сердитому», неумолимо-бескомпромиссному критику.

Ему и звонить не надо и даже далеко идти не придется – совсем рядом в двух шагах, в соседней комнате, среди книг, как закоренелый библиоман, военный человек, опытный педагог и наставник молодых армейцев и, самое главное, верный друг и супруг Софии Файзиевой. Так вот, после ста (символично) звонков, значительная часть которых бодрящие, и придающие автору смелости подсесть на диван и протянуть страницы спутнику жизни со словами:

– Многим понравилось...

– А остальным? – похоже вопрос на засыпку.

Поскольку в гороскопе Софии указано ИРОНИЯ, она не медлит с ответом:

– Остальные?... – пожалала плечами. – Еще спят...

Рафаэль, так зовут супруга, молча просмотрит страницы, с помощью карандаша отметит все удачные и неловкие строки, скрупулезно расставит забытые знаки препинания, сделает заметки на полях и, не страдая излишним многословием, выдаст вердикт:

– Неплохо, неплохо, дорогая... Но есть еще над чем поработать. Действуй, задумка обязывает...

– Так много замечаний? – слабо возражает София.

– Так это не только мои замечания, но и тех твоих друзей, которые еще спят...

– Но...

– Но не зависимо от того, завтрак наш не должен томиться на кухне и время утренней прогулки не отменяется.

В поисках утешения София звонит мне. Трели застают меня во время утренней зарядки.

– Алло...

– Это ты?..

– Но уж точно не двойник.

– Понятно... Я София. Чем занят?

– Общаюсь с массажером.

– Полезное занятие... Оторвись на три минуты и послушай...

Она прочитала стих, перечислила все замечания Рафаэля и спросила:

– Ты согласен?

– Согласен со всеми знаками препинания. Ну, сама подумай, как без них?... – затем я осторожно заметил: – Что касается пометок на полях, гм... это же легко исправить... Посиди, посоображай, покопайся в словарях синонимов, фразеологии, неизменного нашего помощника – Ожегова... Работа с ними – одно удовольствие. Кстати, напомню тебе, классики сдают свои произведения в издательства и после четырех правок, и после восьми. А Лев Толстой, бывало, переписывал свои рассказы и по двадцать раз. А тебе-то лично часок-другой покорпеть. Рафаэль прав, стоит поработать...

– Ну, ладно... Утешил. Извинись за меня перед массажером. Пока...

Я уверен был, София после нашего телефонного разговора пошла пересказывать его слово в слово супругу: ведь он в ее творческой мастерской, так сказать, бесценный подручный. Между прочим, и всюду сопровождает ее, даже в дни заседаний творческого совета писателей. Он терпеливо, в раздумье фланирует по коридору в ожидании. Кто-то однажды пошутил, назвав его преданным телохранителем. Я поправил товарища, сказав, что Рафаэль телохранитель скорее не Софии, а ее музы, с которой она не желает расставаться во все времена.

* * *

И в заключение этих воспоминаний хочу заверить вас, что факты, изложенные в тексте, достоверны. Единственное, я взял на себя смелость собрать их в одно время, то есть в этот самый час, дабы у вас была возможность познакомиться с некоторыми интересными, на мой взгляд, моментами из жизни и творчества Софии Файзиевой. Но если у кого-то закрадутся сомнения, или читатель пожелает узнать о ней побольше, так почитайте ее сборники, позвоните ей.

Якуб ХОДЖАЕВ

Редакция и общественный совет журнала поздравляют юбиляра со славной датой, желают доброго здоровья, творческого вдохновения.

мир глазами детей

София ФАЙЗИЕВА

Родилась в 1940 г. в Тульской области РФ. Окончила Казанский госуниверситет. Автор более десяти поэтических сборников и книг для детей. Член Союза писателей Узбекистана. Живет в Ташкенте.

К солнцу тянется подсолнух...

Шиповник

Как подарок, молодой и ранний,
На виду у всех среди двора
Островком заманчивым, желанным
Цвел шиповник с самого утра.

В полдень солнце раскалилось,
Медом пахнет – аромат сильней,
Кто не прячет доброту и силу,
Тот друзьями окружен вдвойне.

И опять стрекозки прошуршали,
Легким роем, не боясь шипов.
А шиповник никого не жалит,
Раз цветет – настроен на любовь.

Подсолнух

К солнцу тянется подсолнух,
Чтоб скорее зацвести.
И стрекозки, пчелки видят,
Золотые лепестки.

А пока он копит силы,
Чтобы солнце удивить,
Стать высоким и красивым,
Кудри вовремя завить.

Все оранжевого цвета,
Все в движенье, на лету.
Начиная от рассвета,
И стрекозка на посту.

Вот картина, есть вопросы:
– По тропинке кто ползет?
– Муравей пыльцу уносит,
Он ведь тоже любит мед.

Любопытный птенец

Малышу никак нейдет,
Он у мамы под крылом
Расшалился перед сном,
Хочет он узнать про солнце.

– Мне не надо зернышка,
Мне бы крылья-перышки.
Улететь бы далеко,
В ту страну, что высоко,
И узнать, где солнце спит,
Вот бы с ним поговорить!

Улыбнулась мама вдруг:
– Солнце в небе – мудрый друг.
Солнце лаской окрыляет,
Добротою удивляет.

И птенцам послушным очень
Пожелает доброй ночи.
Спи, малыш, приснится сказка,
Закрывай скорее глазки!

Не мигают уж ресницы,
Птенчик спит и мама-птица.
Звезды высоко горят,
Охраняя сон птенчат.

Рыжик и пчелка

Под цветущей липой Рыжик –
Кот – веселый друг.
Ароматом нежным дышит.
Пчелку видит вдруг.

Он подпрыгнул, пчелка липнет
К рыжему хвосту.
Хвост же – не цветочек липы,
Видно за версту.

Кот мурлычет тихо песню.
Хвост его дрожит.
Пчелке стало интересно,
Веселей жужжит.

Спасся от нее кот лихо,
Шмыг – стрелой в сарай.
Целый час сидел он тихо,
С пчелкой – не играй!

Рустам и Мурзик

Рустам увидел зимний сад,
На вишне снег пушистый.
В платочке белом виноград,
Айва стоит, искрится.

Как пшенка, падал с неба снег
На яблони и сливы.
От лап кота остался след,
Попрыгал, он счастливый.

Рустам собрался аж домой,
Котенка обнял нежно,
А тот вертел все головой,
Пушистой, белоснежной.

В саду кругом белым-бело,
Не сахар – снег, не сладкий.
А Мурзик лижет, как назло,
Как приучить к порядку?

Рустам смотрел ему в глаза,
Шептал на ушко важно:
– Мурзилка! Снег лизать нельзя,
Об этом знает каждый!

Кому что снится...

Мурзику снилась мама.
«Мяу!» – звал он упрямо.
Снились сестренке шляпки,
Платья, ленты, булавки.
Картинки любит она,
И в свой букварь влюблена.

А мне приснились глаза
Мамины, как бирюза.
Вижу я сны цветные,
Значит, расту отныне.

Рисунки я накоплю,
Братишке все подарю.
Краской я нарисую
Сад и траву густую.

А для сестренки – цветок,
Все разукрасить я смог!
Каждой ее реснице
Мамина сказка снится.
Вот улыбнулась она,
Не оторвется от сна.

переводы

Джаббар ХАЛИЛ

Родился в 1937 г. в Шахрисабзе. В 1966 г. окончил Каршинский государственный университет. Автор нескольких романов и множества публикаций в периодической печати. Член СП Узбекистана.

ТРЕНЕР*Рассказ**(Перевод с узбекского Инны Матич¹)*

Спортсмены выехали на стрельбище. Из трех пуль, выпущенных новичком Али Касымовым, ни одна не попала в цель.

Тренер рассердился и взял его винтовку:

– Следи за мной внимательно, – сказал он и нажал на курок.

Пуля со свистом пролетела мимо цели.

Тренер несколько смутился, долго смотрел на своего ученика и тихо сказал:

– Если ты будешь так же стрелять, твоя пуля никогда не достигнет цели. Понял?

– ...

Тренер прицелился и выстрелил снова. Но... и на этот раз пуля пролетела мимо цели.

– Учти, – сказал он, – если так будешь целиться, конечно, никогда не попадешь.

Тренер сердито зыркнул на своего ученика. Потом долго пристраивался на земле, старательно целился. Наконец, третья пуля, свистнув, вонзилась в самый край мишени – в «молоко».

– Вот видишь! – радостно воскликнул тренер. – Вот как надо стрелять!

ЯЩЕРИЦА И ЗМЕЯ*Рассказ*

Каждый день после уроков, наспех пообедав, мы садились на своих ишаков и отправлялись косить траву.

Кишлак наш большой и красивый. Мы и сами не знаем, где его начало и где конец. Но прекрасно знаем, что самое красивое, зеленое и богатое место – это наш кишлак Хазара. Здесь можно встретить все, что хочешь. Вот сейчас жаркое лето. Земля раскалена. Мы, одноклассники Зариф, Шоли, Тура, Гани, Вася, Вали, Нурали и я возбужденно переговариваясь, едем вдоль кишлака. Пыльная дорога. Опустевшие плодовые деревья и шелковица грустно шелестят листвою. Вода чистая и прозрачная.

– Смотрите! Смотрите! – неожиданно вскричал Нурали.

– Тр-р-р! – скомандовали мы своей живой технике.

Послушные животные выполнили приказ. Что же случилось, а ну-ка посмотрим. Неподалеку от нас, на самой середине дороги, идет беспощадный поединок между ящерицей и змеей. Змея длиной около полутора метров. Ящерица гораздо короче, круглая, толстая, брюхатая, но шустрая. Бой идет жесточенный. Вокруг – никого. Противники кидаются друг на друга, и слышится звук укусов «кирт-кирт». Посмотришь – диву даешься! Оба страшно шипят, издают устрашающие звуки и как настоящие бойцы, иногда остановив сражение, отдыхают. Отдышавшись, вновь кидаются в беспощадную битву.

Но наше внимание привлекло непонятное поведение ящерицы. В перерывах между «раундами» она миглом куда-то бежит, а возвратившись, вновь яростно кидается на противника. Это повторяется несколько раз. Заметно стало, что ящерица начинает побеждать. Змея изнемогала, силы покидали ее.

Нам, конечно, неизвестно, как они договариваются между собой.

¹ Родилась в 1983 г. Окончила факультет иностранных языков ТОГПИ, работает в школе. Живёт в Ташкенте.

Некоторое время, приостановив бой, противники обессиленно лежат на раскаленной зноем земле, не отрывая глаз друг от друга.

Вдруг ящерица резко прыгнула и обхватила голову змеи. Змея сопротивлялась, извивалась и, изловчившись, укусила ящерицу за спину. Та закричала не своим голосом. Обе замерли. Ящерица мигом побежала туда, куда бегала раньше.

– Подождите, друзья, – воскликнул Якуб. – Здесь, по-моему, есть какой-то секрет.

– Да, ты прав. Что-то здесь не так, – поддержали мы его и пошли следом.

Мы не поверили своим глазам. Ящерица лечила себя. Забравшись в зеленую лечебную гармалу, она терлась об нее пораженными окровавленными местами и с новыми силами кидалась в бой.

– Нет, дорогая. Это не честно, – сказал Ахат и быстро вырвал с корнями растение. Мы с нетерпением ждали продолжения событий.

Прошло еще какое-то время. Ящерица снова примчалась полечиться, но лечебной травы не было. Она металась, кричала страшным голосом, потом затихла, истекая кровью, печально прощаясь с жизнью.

УЖАС

Рассказ

– Как вы думаете, кто страшнее, Змея или Лиса?

Это событие произошло давным-давно, когда я был таким, как вы сейчас: прыгал и шумел в школьном дворе.

Однажды нас, школьников, позвали в колхозный сад на хашар. Прекрасный сад: зелень, плодовые деревья, бескрайние виноградники, стройные тополя, поющие птицы, ясная погода.

С одной стороны, бурля и пенясь, катит свои воды река Танхоз. Издалека виднеется Гиссарский хребет. Смотришь и удивляешься, кажется, эти горы – божественная крепость старого исторического города Кеш (теперь зеленого Шахрисабза) – оплот власти великого полководца Амира Темура. Почти вся долина окружена высокими горами. На вершинах зеркальное сияние снега. А внизу, где находимся мы, лето. О-о-о, какая красота! Ни один искусный живописец не сумеет нарисовать то, что создала природа.

– Ребята! Мы приехали сюда помочь садоводам. Я надеюсь, вы оправдаете мои надежды, – сказал классный руководитель.

– Да! Джавлон Алиевич! Ваше доверие оправдаем, – послышались голоса.

– Обязательно! – воскликнул Саид.

– Точно, Джавлон Алиевич, – поддержала класском Хадича.

Обрадованный Саид продолжил:

– Вы бы каждый день приводили нас сюда, Джавлон Алиевич.

Поднялся смех. Классный руководитель Джавлон Алиевич широко улыбнулся:

– Конечно, вам нравится в такой красоте с девочками гулять!

Смех стал громче. Класс любил Джавлона Алиевича. Он никогда не ругал нас, если кто провинится, публично не отчитывал, а отдельно беседовал по-дружески. Среди учителей не было более остроумного педагога. О-о-о, а как он выразительно читал стихи, лучше артиста...

В тот день мы отлично поработали: Хадича, Халима, Ахат, Ахмат на одном дереве, Гульнора с Гульсарой и Рустам с Якубом на другом. Кто-то собирал черешню, кто-то носил, кто-то сортировал. Работали задорно, с огоньком, около пяти тонн собрали.

Мальчики загрузили ящики в машину, а садовник Салим-бобо решил наградить каждого сборщика мешочком черешни.

Разбирая кульки, мы услышали крик Рузи:

– Ужас! Ребята, сюда, сюда, быстрее!

Мы ринулись к нему.

– Смотрите, ужас! – побледневший и испуганный Рузи стеклянными глазами смотрел под большое дерево метрах в пятидесяти от него.

Там действительно «Ужас»: две змеи сражались с лисой. Одна огромная, толще моей руки, метра два длиннее. Вторая чуть меньше. Обе приподняли головы с горящими глазами и раскачивались из стороны в сторону.

Неожиданно лиса кинулась и оторвала голову большой змее. Голова запрыгала по земле отдельно от тела, залитого багровой кровью.

Вторая змея по-прежнему напротив лисы качается и издает страшное шипение.

Мы плотным кольцом отступили сражавшихся забыв страх, зорко наблюдали за ужасной игрой. Противники не отрывали глаз друг от друга. Змея надувается, утолщается, шипит, лиса напряженно наблюдает. Потом резким движением лиса оторвала ей голову, быстро собрала лежавшие на земле куски тела погибших змей, взяла их в рот и исчезла.

– Вот так. Хитрая лиса!

Мы ошарашенные остались стоять на месте битвы.

переводы

Эркин ВАХИДОВ

Герой Узбекистана,
Народный поэт
Узбекистана.
Поэт, переводчик.
Родился в 1936 г.
в Ферганской об-
ласти. Автор много-
численных поэти-
ческих сборников
(«Дыхание зари»,
«Вам мои песни»,
«Сердце и разум»,
«Живые планеты»,
«Послание
потомкам»,
«Бессонница»).

Шути с умом...*(Перевод с узбекского Николая Ильина¹)***Не говорите, что поэт умолк**

Не говорите, что поэт умолк,
Что лишь в политике теперь он видит прок,

И что его холодный жесткий ветер
Переломил, как трепетный росток.

О вы, в глубинах ищущие свет,
Он так соскучился по вам за столько лет.

Не говорите, что умолк поэт,
Что нет поэм и что газелей нет:
Ведь если так – то значит, конь из досок
Ему уже подставил свой хребет.

Печаль иглы

Иголка как будто бы нам говорит:
Откройте глаза, оцените меня –
Ведь мною едва ли ни мир весь обшит,
Сама же нагою оставлена я.

Но в том ли вопрос, что иглолка гола?
Хоть все же есть повод печалиться, ибо
И самая скромная даже игла
Имеет ушко, чтоб расслышать «Спасибо!»

Закрыв лицо руками...

Стремясь увидеть свет любимых глаз,
Поэты прошлого рыдали столько раз.
Теперь иные времена и пери:
Не то кокетство и не тот экстаз.

И если б некий классик ожил вновь,
Иную песнь сложил бы про любовь,
Скорей всего, закрыв лицо руками,
Он в дальний век свой убежал без слов.

Непостижимая тайна

Над женщиной смеяться – это грех,
А спорить с ней – уже и грех, и смех.
Нет, в споре женщину ты одолеть не сможешь,
И лишь любовь к ней принесет успех.

¹ Поэт, литературовед, переводчик. Доцент, автор научных публикаций, поэтических сборников. Редактор журнала «Преподавание языка и литературы»..

Шутки

В древние времена иранский шах
Над миром простер свою длань,
Греция сто золотых яиц
Платила ему как дань.

Но царь Александр, взойдя на трон,
Воскликнул: «Дань не платить!
Наши несучки все сдохли вдруг,
Что делать и как тут быть?»

С шутки такой началась война,
И греки повергли Иран.
А царь Александр легко, шутя,
Присвоил полсотни стран.

История древности многих острот
Свидетельницей была,
Но все же есть шутки, в которых добро,
А есть от греха и от зла.

«Вот с массагетами шутки плохи», –
Сказал Александр с тревогой,
И с берега Окса, прервав свой поход,
Вернулся, раненый в ногу.

О том, как мошен Сахибкиран,
Все страны мира знали,
И самые грозные из вояк
Шутить с ним не дерзали.

Наполеон над Россией решил
Сыграть как-то злую шутку,
Под хохот ветра назад в Париж
Пригнал его холод жуткий.

А через сто тридцать лет другой
Подлый шутник явился,
Катюши, снарядами грохоча,
Смеялись, что «он дошутился».

О том, что не всякая шутка к добру,
В народе не зря твердят;

И если берешься шутить, шутя,
Шути с умом, – говорят.

С правителем явно не стоит шутить –
При нем ведь советников тьма.
Что волк для ягненка? – изрядный шутник,
И лев остроумен весьма.

Удав для зайчонка не меньший друг –
Все хочет его обнять,
И кошка с мышкой готова подчас
Шутя в «Кошки-мышки» сыграть.

Немало есть у меня друзей,
Что ходят ко мне домой,
Они, как сотня болезненных стрел,
Готовы шутить надо мной.

Но что я такое? – простой человек,
Что стоит мое невезение:
От шуток бывало не просто людей,
Но султанатов падение.

Великий Союз развалился и пал,
Но зря Горбачева не тронь:
По этой твердыне Райкин еще
Сатирой открыл огонь.

«Армянское радио» с ним заодно
Добавило в чашу острот,
И то, чего НАТО сломить не могло,
Разрушил простой анекдот.

Так что не всякая шутка – игра:
В ней может быть важный намек;
И, ставши крылатым, иное слово
Нешуточных действий предлог.

Живи, друг, в веселии на земле,
Шути, если хочешь, – ладно,
Но помни: иными вещами шутить
Бывает подчас накладно.

литературоведение. литературная критика

Гульноза ОДИЛОВА

Родилась в 1984 г. в Карши. Доцент кафедры «Теория перевода и сравнительной лингвистики» факультета зарубежной филологии НУУз. Автор многочисленных литературоведческих статей и учебного пособия по проблемам русско-узбекского перевода.

ВОССОЗДАНИЕ ОБРАЗНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

В настоящее время в Узбекистане уделяется большое внимание проблемам перевода произведений современной узбекской литературы на иностранные языки как профессионалами, так и только вступившими в эту сферу деятельности молодыми переводчиками.

В художественном переводе считаются важными факторами не только лингвистические, но и фоновые знания, в связи с тем, что знание экстралингвистических сведений языка оригинала, географических условий развития этого языка, культуры, обычаев, традиций обуславливают точность перевода. Не владея этими знаниями, переводчик может упустить какие-то идеи автора.

Точность перевода делает его неощутимым, сливаясь с писательским почерком. Во всяком литературном языке есть только ему присущие образы и понимание того, с какой целью использует автор эти образы, способствует воссозданию идеи произведения в переводе. В художественном переводе воссоздание образных значений является сложнейшей задачей, поскольку сохранить эмоциональную экспрессивность, символику оригинала весьма трудно.

Проанализируем некоторые переводы, осуществленные за последние годы с узбекского языка на русский. В журнале «Звезда Востока» № 1 за 2014 год опубликован перевод стихотворения известного узбекского поэта Мухаммада Юсуфа «Тюльпанчик мой любимый»:

*Что от меня останется: двустиише,
Два сундука книг да куча земли
После меня люди пусть говорят, что хотят,
О тебе беспокоюсь больше, чем о себе –
Лола, лолажомим, лолакизгалдоқ. (Дословный перевод)*

*Мендан нима қолар: икки мисра шеър,
Икки сандиқ китоб, бир уюм тупроқ
Одамлар ортимдан нима деса дер,
Мен сени ўйлайман ўзимдан кўпроқ –
Лола, лолажомим, лолақизгалдоқ! (Мухаммад Юсуф)*

Это стихотворение посвящено памяти узбекского поэта Шавката Рахмона. И звучит как предсмертное завешание мужчины, прощающегося со своей супругой. Переводчица Роза Казакбаева мастерски перевела стихотворение на русский язык:

**Что уйдя, оставлю?
Томик небольшой,
Книжек пару сундуков,
Холмик земляной.
Мне вослед что скажут –
Только звук пустой,
Ну а ты, родная,
Что будет с тобой?**

Однако строчка Лола, лолажомим, лолакизгалдок, переведена на русский язык, как:

**Тюльпанчик мой любимый,
Алый мак степной.
Тюльпанчик мой любимый,
Алый мак степной.**

Что полностью изменило поэтический дух произведения. Во первых «лола» – это не цветок, а женщина. В узбекском языке есть даже женское имя собственное Лола. В стихотворении же речь идет не о женщине по имени Лола, а о страдающей после смерти мужа женщине. С экспрессивной целью поэт здесь использует эту единицу три раза в трех разных формах. Так, Лола (имя женщины), лолажомим (лола + жон (суффикс ласкательности)), лолакизгалдок – в этом случае поэтическая изобразительность усиливается. «Кизгалдок», являясь синонимом слова лола в узбекском языке, ассоциируется со значениями беспомощная, страдающая.

Следует отметить, что здесь подразумевается на самом деле не тюльпан, а лолакизгалдок (мак). Однако переводчик для сохранения рифмы и мелодики использует слово тюльпан. Добавление уменьшительно-ласкательного суффикса «чик» к данной единице не оправдано. Дело в том, что лолажомим (лола + жон (суффикс ласкательности) + им (притяжательное местоимение)) использовано не для сокращения имени, а для усиления значения «жонимдан хам азиз»(дороже, чем жизнь) в этом предмете. Если б в оригинале было «лолача», тогда была бы адекватной форма «тюльпанчик». Лола-ча встречается в узбекском фольклоре и передает особый оттенок:

**Лолачага ишим бор,
Хей Лола!
Кистамда кишмишим бор,
Хей лола!
Кишмиш бўлса майлига,
Хей лолаей,
Қиз болада ишим бор,
Хей лола.(из фольклорный песни)**

**(Дословный перевод)
У меня дело к тюльпанчику,
Эй, тюльпанчик,
У меня кишмиш в кармане, эй, тюльпанчик,
Ну и что же, что кишмиш в кармане
Эх, тюльпанчик,
У меня дело к девушке,
Эй, тюльпанчик.**

В фольклорных песнях тюльпан как озорной степной цветок сравнивался с девственницей. Мухаммад Юсуф многократно повторяет образ «лола» и в качестве страдающей женщины и цветка несчастной любви, и сердца, обливающегося кровью. В современной узбекской поэзии «лола» означает именно эти понятия. «Тюльпанчик» же русскоязычного перевода становится причиной исчезновения художественности и духа оригинала. При переводе есть ещё один лингвогеографический аспект: тюльпан, учитывая климатические

условия Узбекистана, считается цветком, выращиваемым в домашних условиях. Узбекские читатели лексему «лола» воспринимают не как «тюльпан», редко встречающийся в горах или выращенный в парниковых условиях, а как «лолакизгалдок», который вырастает весной в степях. Каждую весну узбекские семьи выходят на народные гуляния в степь, собирают эти цветы и устраивают пикники.

Слезы одинокой женщины, проливаемые после смерти мужа на его могиле, сравниваются с маком, прорастающим весной на могиле:

**В моем сердце всегда
Ты, любовь, была
Над могилой моей
Будешь ты одна. (перевод Р. К.)**

В климатических условиях Узбекистана весной на кладбищах прорастают не тюльпаны, а маки, т. е. «лола». При воссоздании мотива стихотворения подбор к слову «лола» эквивалента «тюльпан» является неуместным.

С целью воссоздания исчезнувшей идеи и мелодики стихотворения необходимо было дать объяснение слову тюльпан в сноске:

Например:

Тюльпан¹, мой любимый

Алый мак степной.

Мак, мой любимый, алый мак степной,

был бы более адекватным по мелодичности переводом. Причем в оригинале есть аллитерация + ассонанс, созданный поэтом повторением звуков «л» и «о», которые создают уменьшительный эффект:

Лола, лолажомим, лолакизгалдок.

А сохранение мелодичности в поэтическом переводе является не менее важным фактором, чем передача самого смысла произведения.

В заключение следует подчеркнуть важность правильного использования оригинала стихотворений и художественных произведений на другой язык, фитонимов в переводах с одного языка на другой, что требует осведомленности в географических, климатических условиях страны оригинала, ее культуре и традициях, знание того, какими символами они являются в литературе оригинала, какие ассоциации они вызывают у читателей оригинала.

В противном случае при переводе утрачиваются образность, скрытая в образах-символах, использованных поэтом или писателем, тайный глубокий смысл, даже идея и дух произведения.

Слова и дела великих поражают Нас величием простоты!

Нет двух мнений об Истине!

Лучше недооценить себя, чем других!

¹ Тюльпан – в узбекской поэзии символ страдающей женщины (чаще одинокой).

караван истории

ПЕРВОПРОХОДЦЫ**ДИПЛОМАТ, ЭТНОГРАФ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ**

Возникновение печати и журналистики в Средней Азии берут свое начало в 1870 году. Именно тогда в Ташкенте на русском языке был издан первый номер краевой газеты «Туркестанские ведомости». Вслед за тем, через несколько месяцев, начала свою деятельность «Туркистон вилояти газетаси», издание, выходившее в свет на узбекском и казахском языках. Первым редактором газеты был назначен лишь недавно поселившийся в Ташкенте Шахимардан Ибрагимов. Хочется думать, что причудливая и необычная судьба этого незаурядного человека, оставившего яркий след в нашей истории, будет небезынтересна сегодняшнему читателю...

Родился Шахимардан Ибрагимов в 1841 году в казахской степи, в одном из уездов тогдашней Оренбургской губернии. Национальность Ибрагимова до сих пор точно не установлена. Известный востоковед Н. И. Веселовский называл его «соотечественником Валиханова», т. е. казахом. Так же считал и М. И. Фетисов в книге «Зарождение казахской публицистики» (1961). Узбекские ученые Т. Э. Эрназаров и А. И. Акбаров в книге «История печати Туркестана» называли Ш. М. Ибрагимова татаринном. Э. А. Масанов, ссылаясь на «целый ряд документов», но не называя их, категорически утверждал, что он «башкир по национальности». Возможно, Масанов имел в виду примечание редакции к статье Ибрагимова в «Записках» Императорского Российского географического общества, где он назван «образованным башкиром», что, однако, тоже не может служить основанием для окончательного суждения о его национальности.

Воспитывался Ш. Ибрагимов в Сибирском кадетском корпусе, затем в Омском полубатальоне военных кантонистов-переводчиков с татарского языка. Получив среднее специальное образование, в 1864 году начал свою службу в качестве переводчика в Омске. Вскоре Ш. Ибрагимов был переведен в Петропавловск на должность столоначальника городского управления. В 1870 году начинается ташкентский период его биографии: Шахимардан становится переводчиком с персидского и татарского языков при канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. Он обратил на себя внимание несомненными способностями, общей культурой и кругозором, хорошим знанием языков, и 24 ноября 1870 года его перевели на должность переводчика с «манджурского и татарского языка», вместо П. И. Пашино – питомца восточного факультета Петербургского университета, работника с большой специальной подготовкой. О высокой оценке его деятельности говорит пожалование ему чина действительного статского советника:

Г. Ташкент,

24 ноября 1870 года, № 202.

«Столоначальник Петропавловского городского полицейского управления, коллежский секретарь Ибрагимов определяется в мое распоряжение, по званию Туркестанского генерал-губернатора, с назначением переводчиком Сыр-Дарьинского областного правления.

Туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман».

Рубен НАЗАРЬЯН

Родился в 1947 г.

Автор многочисленных научных, научно-популярных и художественных произведений. Преподаватель Самаркандского государственного университета. Участник и лауреат международных конференций и конкурсов.

Для облегчения произношения его имени и отчества по-русски Ибрагимов нарекли Иваном Ивановичем. Отсюда его инициалы И. И. в газетах того времени в подписи под публикациями. Скоро этот скромный чиновник, свободно владевший русским, татарским, казахским, персидским и арабским языками, легко освоил и узбекский язык. Своими разносторонними познаниями Ибрагимов привлек к себе внимание генерал-губернатора края и был назначен редактором первой национальной газеты. Для ее издания необходим был арабский шрифт и специалисты печатного дела из числа лиц местных национальностей. В Ташкенте тогда существовала единственная небольшая русская типография, основанная частным предпринимателем. Арабского шрифта в ней, естественно, не было.

Тогда генерал-губернатор отправил в Петербург специальное предписание с просьбой прислать в его распоряжение арабский шрифт и наборщиков для издания газеты на местном языке. Через 6-7 месяцев в Ташкент прибыл на верблюдах (тогда еще не было железной дороги) ценный груз с арабским шрифтом, который сопровождали наборщики-татары. Ш. Ибрагимов участвовал в комиссии по приему этого шрифта для типографии Военно-народного управления. Газета на своих страницах публиковала произведения Пушкина, Гоголя, Толстого, Лермонтова и других русских писателей и поэтов в переводе на узбекский язык. Некоторое время переводчиком в редакции газеты служил известный кокандский поэт Фуркат.

С 1871 года газета выходила в качестве приложения к «Туркестанским ведомостям» и печаталась на листах малого формата (четверть листа) четыре раза в месяц: два раза на узбекском и два на казахском языках. Она издавалась на средства «Туркестанских ведомостей» и находилась в ведении редактора русской газеты. Работа в газете позволяла Ш. Ибрагимову общаться с передовыми людьми Туркестана, с учеными-востоковедами, знакомиться с рукописными и печатными изданиями, посвященными Средней Азии, совершать поездки по краю, позволяющие непосредственно наблюдать жизнь и быт коренного населения, вступать с ним в контакт. В этот период Ибрагимов проявил себя как вдумчивый этнограф и историк.

Выходец из казахской степи собрал и опубликовал свод казахских пословиц и поговорок, издал в газетах Ташкента и Петербурга цикл статей о деятельности мусульманских священнослужителей в степном крае, несколько этнографических очерков, которые открыли для русскоязычного читателя особенности жизни и быта казахских племен и родов, и до сих пор не потеряли своего научного значения. Уникальным и, пожалуй, единственным в своем роде остается красочное описание Ибрагимовым массовых народных празднеств в Коканде. Многогранная деятельность Шахимардана Мирясовича была по достоинству оценена Туркестанским отделом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, принявшего Ибрагимова в ряды своих членов.

Кроме редакторских обязанностей, Ибрагимов осуществлял многочисленные переводы с русского языка на узбекский. Особой заслугой Ш. Ибрагимова было составление и издание «Календаря на 1871 год». Это было первое в Средней Азии типографское издание книги на узбекском языке. Календарь содержал разнообразные сведения из истории Российского государства, о торговых отношениях между Россией, Бухарой и Кокандом, географические, медицинские и другие данные. Такие же календари были выпущены им в 1872 и 1873 годах. Восемь лет редактировал Ш. Ибрагимов эту краевую газету, а затем, с 1 июля 1878 года, став старшим чиновником по дипломатической части при генерал-губернаторе Туркестана, выполнял различные поручения туркестанской администрации по связям с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Уже год спустя ему довелось побывать в Европе.

Фактически Ибрагимов возглавлял дипломатическое ведомство генерал-губернаторской канцелярии, дважды – в 1880 и 1881 годах – возглавлял русские посольства в Бухарское ханство и был известен как «дельный дипломат». За дипломатические заслуги он был награжден орденами России и Персии и получил чин действительного статского советника. В 1881 году он возглавлял комиссию для окончательной редакции переводов на местные языки законодательных документов.

В 1885 году был зачислен сверхштатным чиновником канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. Теперь власти решили использовать его знания и опыт на службе в системе министерства народного просвещения. Однако продвижение Ибрагимова по служебной лестнице встревожило одного из влиятельных в правительственных кругах востоковеда и просветителя Н. И. Ильминского, который направил пространное письмо на имя обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева, возражая против его назначения на высокую должность.

По словам Ильминского, Ибрагимов известен «как отличный знаток азиатских языков и дельный дипломат, отлично знавший всю подноготную мусульманских стран, народов и

правительств», «блестяше владеет русским говором и изложением, идеями прогрессивными, даже, когда нужно, либеральными, обращением и манерами совершенно светскими, смелостью и умением держать себя с достоинством перед кем угодно», но он, по словам Ильминского, слишком «тонкий инструмент», и привлечение его к ведомству просвещения дело рискованное, ибо он «наших мешковатых духовных может стусевать». Назначение Ш. Ибрагимова так и не состоялось. Однако его выдающиеся личные качества обратили на себя внимание, и в 1886 году он был отправлен в Петербург, где состоял чиновником при Путевой канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. А в 1890-м году его, первого представителя национальной интеллигенции Средней Азии, назначили генеральным консулом Российской империи в Джидде (ныне Саудовская Аравия).

В 1891 году Ш. М. Ибрагимов, будучи мусульманином по вероисповеданию, решил совершить хадж в Мекку. Он был первым официальным лицом России, получившим разрешение и субсидию правительства на совершение хаджа. В это время в тех местах свирепствовала холера, но это не остановило его. Вместе с двумя спутниками и врачом египетской службы он отправился в путь. Однако вскоре почувствовал недомогание со всеми признаками холеры. Спустя некоторое время Ибрагимов скончался. По официальной версии консул умер от холеры. Однако холера, по утверждению медиков, не дает такого скоротечного смертельного исхода. Учитывая наличие большого количества дельцов, которым Ибрагимов мешал обогащаться на незнании российскими паломниками местных условий, и таинственное исчезновение врача сразу после смерти консула, можно предположить, что он был отравлен. Это произошло летом 1891 года на пути в Джидду.

Так закончился жизненный путь дипломата, ученого-этнографа и общественного деятеля Шахимардана Мирясовича Ибрагимова.

ЮРИСТ, КРАЕВЕД, ПЕРЕВОДЧИК, УЧИТЕЛЬ...

После завершения обучения в ташкентском медресе «Шукур-хан» 20-летний Саттархан Абдулгаффаров был назначен муфтием Чимкента. В это время город был уже занят русскими войсками. На первых порах молодой священнослужитель, как и большинство его соплеменников, чурался общения с иноверцами. Однако вскоре случай свел его с артиллерийским офицером русской армии Еныкеевым, татарин, строго соблюдавшим нормы ислама и шариата. Первоначально юный муфтий просто не понимал, как можно одновременно быть офицером христианской армии и исповедовать мусульманскую религию. Но постепенно его недоумение рассеялось, и под влиянием своего нового знакомого любознательный Абдас Саттарходжи, как уважительно именовали муфтия горожане, стал проявлять интерес к России и ее истории. Еныкеев взялся обучить его русскому языку, а взамен брал у Саттархана уроки языка персидского.

Вскоре Абдулгаффаров был назначен казием – судьей города Чимкента, но пробыв в этой должности менее года: справедливый и честный Саттархан пришелся не ко двору. Как свидетельствовал позднее экс-казий в своих воспоминаниях, на этом посту он получил «немало огорчений...от влиятельных и богатых мусульман. Последние привыкли использовать казю, чтобы держать в зависимости меньшую братию, и манипулировали правосудием...

Оставшись без работы и лишившись средств к существованию, Саттархан был вынужден обратиться к русским властям с просьбой о помощи. Прощение возымело действие, и довольно скоро его назначили учителем в одну из чимкентских школ, где он стал преподавать «мусульманскую грамоту». Пробыв здесь два года и заслужив уважение администрации школы, коллег, родителей и учеников, Абдулгаффаров был вновь востребован в мусульманском мире. Теперь его перевели на должность казю в Коканд. Прослужив там несколько лет и обогатив с помощью русского языка свой кругозор достижениями европейской судебной системы, Саттархан побывал в крупнейших городах России.

После чего жизнь в провинциальном уездном Коканде стала тяготить его. Оставив рутинную службу, он переселяется в столицу края – Ташкент и становится переводчиком в «Туркестанской туземной газете». Несколько позднее он был принят на эту же должность в штат Сырдарьинского областного правления. Одновременно Абдулгаффаров вел занятия по узбекскому и персидскому языкам в Туркестанской учительской семинарии.

Услугами толкового и весьма квалифицированного переводчика пользовались не только должностные лица администрации края, но и известные русские ученые-туркестановеды. Так, один из них, А. Н. Самойлович, опубликовавший немало сочинений местных авторов, признавался, что «перевод и некоторые объяснения к переводу» песни о кокандском правителе Худоярхане, сложенной неким муллою Садыком, были сделаны «при помощи Саттархана

Абдулгаффарова, бывшего кокандского казия». Еще одну песню о Худоярхане, принадлежавшую перу поэта Фурката, он помогал переводить редактору «Туркестанской туземной газеты» Н. П. Остроумову.

Весьма значительным было участие Саттархана в редактировании и комментариях к переводу на русский язык юридического трактата XII века по мусульманскому законоданию «Ал-Хидая». Хорошо разбираясь в тонкостях арабского языка, он сумел адекватно передать по-русски сложнейшие обороты подлинника. А в 1884 году он перевел с русского языка на узбекский рукопись ориенталиста Н. Ф. Петровского «Необходимые для торговцев мусульман сведения о статьях (правилах товарооборота) договора России с Китаем».

Помимо юридической и переводческой деятельности, Абдулгаффаров получил известность и в области краеведения. Перу этого разносторонне талантливого человека принадлежит исторический труд под названием «Краткий очерк внутреннего состояния Кокандского ханства», весьма высоко оцененный современниками и до сих пор не потерявший своей значимости, а также целый ряд публицистических статей, среди которых можно выделить «Заметки о народном самоуправлении и ишанах в Туркестане», «Овладение знаниями» и «Мусульманские ишаны».

Нелишне будет отметить еще одну страницу в биографии Саттархана. В 1876 году в Петербургском университете проводился международный конгресс ориенталистов, в котором принимали участие выдающиеся российские и зарубежные востоковеды той поры. Оргкомитет конгресса настоял на том, что приоритетом его будут регионы Востока, малоизвестные в Европе: Сибирь, Кавказ и Средняя Азия. В дни работы конгресса участники имели возможность познакомиться с экспонатами выставок, посвященных прошлому и настоящему народов этих восточных стран, их религии, жизни и быту.

По настоянию ряда виднейших востоковедов России на конгресс ориенталистов была приглашена большая группа представителей коренного населения Туркестанского края – узбеки, таджики и казахи. Главой этой делегации был Саттархан Абдулгаффаров, которому поручили выступить на форуме с речью от имени своих соплеменников. Саттархан решил сказать несколько слов о необходимости преодолеть обособленность жизни и отчужденность от европейских народов туркестанских мусульман, необходимости участия в общечеловеческой жизни и научном прогрессе. Краткая и взволнованная речь туркестанца понравилась участникам съезда.

Известный востоковед России профессор В. Д. Смирнов десять лет спустя писал ташкентским коллегам, что восточный факультет Петербургского университета очень нуждается в лекторе-преподавателе среднеазиатского (тюркского) наречия, и высказывал желание, чтобы им стал именно Абдулгаффаров – «тот самый, что был на конгрессе ориенталистов, красивый и очень толковый узбек»...

В самом конце 1883 года в Ташкенте состоялось совещание учителей городских училищ Туркестанского края, на котором среди других вопросов обсуждалась возможность обучения в русских школах мусульманских детей. Единственным представителем коренного населения края на этом совещании был Саттархан, он убедительно доказал, что притоку местных детей в русские школы препятствуют религиозные предрассудки и вековое недоверие к людям иной веры. Выход он видел в том, чтобы мусульманские дети в русской школе наряду с общеобразовательными предметами обучались своему родному языку и азам ислама. В ответ на возражения противников такого обучения он спокойно и смело парировал: «От проявления религиозной нетерпимости не свободно ни одно вероучение, но эта нетерпимость встречается в наши дни разве только в наиболее темных и фанатичных слоях населения, и это не может служить доводом против предложения».

В 1893 году Саттархан вернулся в Чимкент вновь на место казия. Есть сведения о том, что шесть лет спустя он покинул этот город и снова перебрался на жительство в Ташкент. О последних годах его жизни почти ничего не известно. Однако в 1938 году на одном из кладбищ в Чимкенте обнаружили надгробную мраморную плиту, позволившую идентифицировать могилу. Витиеватая надпись на этой плите весьма заинтересовала известного востоковеда академика И. Ю. Крачковского, который перевел ее с арабского на русский и опубликовал текст в научном журнале. Так стало известно, что Саттархан скончался в 1902 году в 57-летнем возрасте...

караван истории

**РОЛЬ СОГДИЙЦЕВ В РЕТРАНСЛЯЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИДЕЙ ВРЕМЕНИ**

Центральная Азия – это не только древнейший регион орошаемой земледельческой культуры с богатейшим опытом устройства искусственных ирригационных сооружений, но и один из очагов культуры и цивилизации.

Здесь издревле вдоль Великого шелкового пути жили разные народности и племена. Несмотря на огромное количество исследований, история и этногенез этих народов остаются не до конца выясненными, являются объектом дискуссий.

Одной из проблемных страниц историографии Средней Азии являются загадочность исчезновения согдийцев и появление на исторической арене «сартов». Как известно, искусство Согда знаменито всемирно известными произведениями монументальной живописи (росписи Пенджикента, Варахши, Афрасиаба), выдающимися памятниками, поражающими своей монументальностью (руины Варахшинского дворца), свидетельствующими о достижениях художественных школ и зодчества древнего Согда.

В 1965 году после выхода «Истории искусств Узбекистана» Г. А. Пугаченковой, Л. И. Ремпель развернулась дискуссия вокруг правомерности создания истории искусств отдельно взятой республики этого региона, в данном случае истории искусств Узбекистана, а затем и «Искусства Туркменистана» Г. А. Пугаченковой.

Б. Я. Ставиский отмечал: «...обе эти работы, содержащие немало ценных сведений и заключений о древнем искусстве Средней Азии, не дают, в силу их территориальной ограниченности, четкого представления не только об искусстве всей древней Средней Азии в целом, но и отдельных древних историко-культурных областей, земли которых в настоящее время входят в состав разных среднеазиатских республик»¹.

Но Л. И. Ремпель обосновал правомерность такого подхода к рассмотрению истории искусств этого региона, поскольку культурно-историческая общность Среднего Востока складывалась веками. Действительно, если подойти к этой проблеме с точки зрения Б. Я. Ставиского, рассмотрение истории искусств этого региона только в границах бывшего Союза является тоже неправомерным, ведь за его границами остался Хорасан. Но В. В. Бартольд, в результате длительных исследований истории Средней Азии и Ирана пришел к выводу, что «Хорасан в древности и в средние века экономиче-

Наргиза ХАСАНОВА

Родилась в 1981 г.
в Ташкенте.

Окончила Национальный институт искусств и дизайна им. К. Бехзода.

В настоящее время работает над докторской диссертацией.
Живет в Ташкенте.

¹ Ставиский Б. Я. Искусство Средней Азии. – М.: Искусство, 1974. – С. 6.

ски, политически и культурно больше был связан со Средней Азией, чем с Персией»¹.

Эта дискуссия, в которой приняла участие Г. А. Пугаченкова, актуализировала проблему изучения истории государственности в контексте социокультурных и художественных составляющих.

Парадоксально то, что такие дискуссии возникают на фоне некоторых неясностей и одностороннего подхода к проблеме изучения истории искусств Узбекистана, без учета процесса этнических популяций народностей этого региона. Загадочность исчезновения согдийцев и появления на исторической арене «сартов» обусловила разрыв цепи этногенеза узбеков.

По многочисленным источникам известно, что согдийцы славились достижениями в области материальной культуры и способностями в торговле. Э. Пуллибленк в статье, посвященной согдийским колониям на территории, позднее получившей название Внутренняя Монголия, о согдийцах пишет: «Выдающиеся торговцы, а также носители искусств, ремесел и новых религий»², подчеркивая их роль в распространении на Восток – искусств, ремесел, новых религий, политической роли, в частности в становлении Китая.

Уместно также привести слова Л. И. Ремпеля, о роли согдийцев в распространении художественных школ: «Среднюю Азию иногда называют ретранслятором буддизма на восток. В такой же мере можно назвать её и ретранслятором позднеантичного наследия, переданного из Бактрии и Согда еще в эпоху Кушан в оазисы Восточного Туркестана. Росписи Мирана (III–IV вв. н. э.) в долине Тарима можно рассматривать как зеркало, в котором нашли отражение художественные идеи эллинизма, вынесенные из Средней Азии»³.

В связи с этим Б. Г. Гафуров пишет: «Интересны и убедительны наблюдения итальянского ученого М. Буссалли, который пошел дальше в разработке вопроса о влиянии среднеазиатского искусства на восточно-туркестанское (шире – центрально-азиатское). Однако следует признать, что к этой интереснейшей и благородной теме исследователи только лишь прикоснулись; здесь открывается огромное поле деятельности»⁴. И он прав. Позже М. Буссалли, рассуждая о центрально-азиатской живописи, приводит сообщения историков китайского искусства о влиянии Согда на китайское изобразительное искусство. Существующие исследования по истории искусств этого региона не достаточно полно раскрывают историю этногенеза автохтонных согдийцев.

По какой причине согдийцы исчезли с исторической арены, и кто же, если не автохтонные сарты, стали их преемниками. В первой узбекской энциклопедии указывается: «Сарты – этническое название узбекского населения городов и сел древнего земледелия Узбекистана». В. В. Радлов пишет: сартхалаха, или сокращенно – сарт, в переводе с санскрита означает «водитель караванов», «купец»⁵. Это наталкивает на мысль, что сарт – это характеристика определенной группы людей, отличающихся в торговле, в период династии Кушан и распространения буддизма, т. е. те, кого буддийские монахи-миссионеры из-за способностей в торговле прозвали «сартами». Затем, став тюркоязычными, они как сарты в начале XX века вошли в состав узбекского народа как важное этническое слагаемое. Процесс языковой тюркизации согдийцев описан Махмудом Кашгари в его труде «Диван лугат ат-тюрк». В монографии «Таджики» Б. Г. Гафуров приводит его слова: «...во времена Махмуда Кашгарского (XI в.) жители городов Семиречья, в частности Баласагуна, «приняли одежду и нравы тюрков», причем, говорили они и по-согдийски, и по-тюркски и не было людей, которые говорили бы только по-согдийски (тоже самое – жители Тараза и Исфиджаба).

¹ Якубовский А. Ю. Предисловие. История народов Узбекистана/ Под. ред. С. П. Толстов, – Т.: 1950. – С. 14.

² Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. – Новосибирск.: Наука, 1983. – С. 245.

³ Там же.

⁴ Гафуров Б. Г. Таджики. – Душанбе.: Ирфон, 1989. – С. 290.

⁵ Узбек с. энциклопедияси. УзСЭ, т-9. 1977. – С. 535

Как писал Л. И. Ремпель, культура Согда заключала в себе еще и значительный пласт степных культур: искусство былого античного Кангюя (пока еще слабо изученного), а также современное раннефеодальному Согду искусство оседлых тюрков. Все эти элементы составили единый сплав – согдийско-тюркский¹.

Период, зафиксированный в «Диван лугат ат-тюрк», можно считать началом процесса языковой тюркизации согдийского населения, которая приобрела необратимый характер. Таким образом, одиннадцатый век можно считать значительной вехой и сделать следующие выводы:

1. Сарт – это название согдийского населения, впоследствии ставшее названием жителей городов и сел древнего земледельческого региона.

2. Время возникновения этого термина – период распространения буддизма в Центральной Азии.

3. Билингвизм (зуллисонайн), сохранившийся и по настоящее время в отдельных регионах страны, – характерная особенность периода кристаллизации народа.

4. Отсутствие в языке сартского слоя узбеков сингармонизма, в отличие от говоров остальных тюркских народов, обилие согдийских слов, выражений, пословиц и поговорок свидетельствует о происхождении узбеков.

И еще об одном факторе этой проблемы – искусствоведческой! В последнее время модно говорить о тюрко-согдийском симбиозе культур: «В этих предметах, с более статичными изображениями, обретшими роль знаков-символов, в полной мере проявляются черты взаимодействия согдийской и тюркской художественной манеры, возникшей в результате сочетания условного согдийского стиля и тюркской тематики. Как результат – симбиоз тюрко-согдийских черт в искусстве² – отмечает А. А. Хакимов. «Тюрко-согдийский симбиоз, основанный на этнокультурном взаимовлиянии, начинает испытывать воздействие политико-конфессионального фактора, также нацеленного на интеграционные задачи, но в гораздо большем географическом масштабе»³.

Как свидетельствует Бабурнаме, «В Кабульской области живут различные племена. В городе и в некоторых (окрестных) деревнях живут сарты, в других деревнях и вилаятах обитают таджики, пашаи, параджи, бирки и афгани»⁴, начиная где-то с XI века, согдийцам был свойственно двуязычие, которое сохранилось впоследствии.

Как завешание молодому поколению искусствоведов звучат слова Л. И. Ремпеля: «В Средней Азии перед наукой об искусстве стоят огромные, еще не затронутые ею задачи. Иные из них выходят за пределы проблем Средней Азии и всего Среднего Востока. Это и понятно, поскольку в прошлом культурно-историческая общность Среднего Востока складывалась веками»⁵. В свете возражений Б. Я. Ставискому, о неправомочности рассмотрения истории искусства Центральной Азии лишь в рамках современных государственных образований, А. А. Хакимов подчеркивает: дискуссии о происхождении искусств актуализировали проблему изучения истории государственности в контексте социокультурных и художественных составляющих.

¹ Ремпель Л. И. Проблема канона. В древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. – М.: Наука, 1973. – С. 154.

² Гюль Э. Диалог культур в искусстве Узбекистана/ Античность и средневековье – Т.: PRINT-S, 2005. – 208 с.

³ Хакимов А. Искусство Узбекистана: история и современность. – Т.: Санъат, 2010. – С. 9.

⁴ Бабурнаме. – Т.: Глав. ред. энциклопедий, 1992. – С. 145.

⁵ Ремпель Л. И. Искусство Среднего Востока и задачи его изучения на новом этапе/ Изобразительное и прикладное искусства. Тем. сб. – Т.: Фан, 1990. – С. 256.

ПОЭЗИЯ

Марта Ким

Родилась в 1949 г. в Ташкентской области. Окончила ТашГУ (ныне НУУз) в 1972 г. Автор многочисленных поэтических сборников. Публиковалась в журналах Южной Кореи, Казахстана, Прибалтики. Член СП Узбекистана. Живет в Ташкенте.

Я хочу, чтоб музыка звучала...

* * *

Не говори никому вслух
О заветном.
Разнесёт, как тополиный пух
Ветром.

Поделись с ночной тишиной
Или с деревьями,
С подплывающей новой зарёй
Нежно-сиреневой.

* * *

Следы мои запомнит небо,
Песок и ветер...
Но время превратит их в небыль,
Как всё на свете.

Останется печаль моих стихов
В глубинах океана.
Но если я услышу зов,
Вернусь к землянам.

* * *

Мы множим счастье, возвращаясь
К родным местам, –
Где солнце предвешало радость
И обещало сбыться снам.

Были открыты все дороги,
Еще не пройдены пути.
Душа наивна и в восторге
Над бездной времени летит.

* * *

Зачем так грубо? – Почти жестоко
Вы оттолкнули от себя...
А я ведь женщина Востока –
Не брошу гневные слова.

И, затаив обиду в сердце,
Я скроюсь вновь среди чинар.
Но их теплом мне не согреться,
Лишь у любви волшебный дар.

* * *

Станет ли ветка мощной,
Состарившись с деревом,
Или под снегом, дождём
Сломается первая?

Кто выйдет из этой схватки
Жизни и смерти? –
Тайна вечной загадки
Миллиардолетие.

* * *

Я душила любовью своей,
Желаньем помочь, –
Пока хлопнули дверью
И не выгнали прочь.

С той поры я совсем одна,
Друзей не ищу.
Любуюсь, как падает снег,
И лишь иногда грушу.

* * *

Шла за тобою тенью
Послушно-тиха.
Надо – плыла по течению
На расстоянья весла.

Всюду была неразлучна.
Спрашивается, зачем?
Ведь мне ничего не нужно,
Я мечты своей тень.

* * *

Всё в прошлом – недруги, друзья,
Любовь, коварство и измены.
Приходит мудрая пора –
Надёжны лишь родные стены.

* * *

Настанет час, когда приму
Обет молчания,
Когда однажды вдруг пойму
Суть мироздания.

* * *

Сердце моё изношено
От бессонниц, утрат.
Все пути запылены:
Ни вперёд ни назад.

Я живу сиюминутным
В замкнутом кругу.
Прошайте, случайный путник,
Переступивший черту.

* * *

Я придумала тебя,
Всё придумала:
Как несла меня река,
Ночь баюкала.

И горел костёр в степи
Дымно-горький
Из сухой полынь-травы
Эти строки.

* * *

Из грядущих дней пусть будет один,
Который напомнит,
Как я рисовала небесную синь,
Солнце держа в ладонях.

* * *

Скорее грустно, чем смешно
Мечтать о том, чего не будет.
И потому из грез ночных я
Обратно возвращаюсь к людям.

* * *

Не знаю, каким будет завтра.
Что заставит меня оступиться?
Чья-то измена или злорадство?
Под маской, скрывающей лица.

* * *

Сердце моё изношено
От бессонниц, утрат.
Все пути запылены:
Ни вперёд ни назад.

Я живу сиюминутным
В замкнутом кругу.
Прошайте, случайный путник,
Переступивший черту.

* * *

Завтра может не быть –
Надо сказать сегодня:
Не получилось тебя забыть,
Как прежде летать свободно.
Это не жалость и не любовь,
А что-то другое...
Я слышу ночами твой зов
Всплесками моря.

* * *

Я хочу, чтоб музыка звучала,
Нежностью дышали лепестки.
На берегу пустынного причала
Новые рождались бы стихи.

мир глазами детей

Лариса ЮСУПОВА

Окончила режиссерское отделение Ташкентского института культуры. Автор интересных детских книг «Мамин праздник», «Находка», «Непослушайка», «Мамин выходной», «Про нельзя» и др., переводов стихов Тураба Тулы, Айдын Ходжиевой, Кутби Носировой, Кавсар Турдиевой и др. Совместно с композитором Алиёй Тахтагановой был создан цикл песен на фарси.

Ведь надо же когда-нибудь жениться...

Котофей

Кошечка-красавица
Котофею нравится,
Лапу кот ей подает,
Чинно к лавочке ведёт,
За столы сажает,
Чаем угощает,
Потчует сметаной,
Рыбкой океанной.

– Вы простите, но в пруду
Год уж рыбы не найду.
Эту рыбку, киска Зина,
Я принес из магазина.
Через моря и океаны
Приплыла селедка прянна,
Не побрезгуйте, кузина,
Рыбка только с магазина.

– Ой! – сказала киска Зинка, –
Я сама хожу в «Корзинку»,
Рыбка там всегда со льда,
Ну, а талая вода...

– Всех полезней, понимаю,
В этом толк, конечно, знаю, –
Отвечает Тимофей,
Черно-белый котофей.

– Не хотите ли размяться,
За мышами пробежаться?
Я нашел одну нору,
Дырку круглую в полу.

– Ах, оставьте, право, мяу!
Я мышей не пониМЯУ!
Не того, простите, рода,
Не такого племени.
Я совсем иной породы
И другого времени.
Мы с подружкой кошкой Кэт
Любим только Кэтикет.

Кот смутился: – Да, да, да, да!
Мыши – это ерунда...
А прогулка на чердак?
Виден сверху Дендропарк,
Ветер свишет, красота!

– Эти игры для кота! –
Возмутилась кошка Зина
И хвостом махнула сильно.
Заметалась по квартире,
Распахнула глазки шире
И коту сказала сухо,
Наклонив немного ухо:
– Угошение на славу,
Очень мило, кот мой бравый!
Только в девять я ложусь,
Сбиться с графика боюсь,
А не то моя хозяйка
Назовет меня лентяйкой,
Я у ней в ногах мурчу,
Ревматизм её лечу.

Поразился Тимофей,
Черно-белый котофей,
– Неужели вы медичка?!
Доктор или же сестричка?
Уж совсем не думал, честно,
Ай-яй-яй, как интересно!
Чем могу вам угодить?
Разрешите проводить...

Проводил её до дома
Тропкой темной, незнакомой.
Дом богатый, хоть куда,
Кот вздохнул: – Вот это да! –
Помахал ей лапкой,
– Не по Сеньке шапка.
Нравится – не нравится,
Не про нас красавица.
Голову повесил
И ушел невесел...

Вышел в полночь на охоту,
У норы дежурит кто-то...
Что-то очень хвост знакомый,
Это что за кот бездомный?!
Пригляделся – кошка Зина!..
И мышей полна корзина.
Растерялся Тимофей.
Он-то кот был без затей.
– Непонятно! Ну дела-а!
Для чего ж она врала? –
Почесал затылок кот.
– Так, – подумал, – не пойдет.
Хороша красавица,
Но больше мне не нравится.

Бабака

Жила-была собака
По имени Бабака,
Был у нее хозяин,
Отличный господин,
И щедрый, и хороший,
И, кажется, блондин.
Он был приятный господин,
И не грустил, что жил один,
Вдвоём с Бабакой не скучал,
Хотя бывало и ворчал,
И зол бывал он на собаку,
И обзывал Бабаку бякой,
Ругался, конечно, за дело,
Она это молча терпела
И виновато уши жала,
И тихая в углу лежала,
Пока грозу переждала.

Хозяином наша Бабака гордилась
И никогда на него не сердилась.
Она любила с ним играть
И прятаться, и догонять,
И по шкафам его искать,
И тапочки в зубах таскать,
И дом любила сторожить,
Короче, преданно служить
Хозяину и господину,
Высокому и щедрому блондину.

А без него она вздыхала и скучала,
Скулила и тихонечко рычала,
И, терпеливая, весь день его ждала,
И без него не ела, не пила,
А с ним такой веселою была.

Но вдруг хозяин что-то загрустил,
С Бабакой не сражался, не шутил
И не кричал с дверей: Бабака, бокс,
И не таскал играючи за хвост,
Не бегал наперегонки...
Повесила Бабака нос,
Глаза её погасли от тоски.

Она ему и кость погрызть носила,
И танцевала, и служила,
И со спины кидалась из засады –
Нет ничего ему совсем не надо.
Катал мякиш в руке он вместо теста
И скучно говорил: Бабака, место.
Теперь часами он молчал,
Читал ночами и вздыхал.

Вот как-то раз Бабаку осенило:
 «Ну как же я из виду упустила!
 Не может больше Господин
 Жить на земле совсем один.
 Молчать весь вечер иль читать
 И до утра всю ночь вздыхать.
 Наверное, пришла пора влюбиться,
 Ведь надо же когда-нибудь жениться».

Села Бабака ушами водить,
 Стала мозгами она шевелить:
 «Видно, – думает, – что так тому и быть,
 Надо, – думает, – хозяина женить.
 Только как найти ему жену
 Что-то я, собака, не пойму.
 Женится еще на ком попало,
 И вся жизнь моя собачья запропала.
 Когда по-старому уже не можно жить,
 То думать поздно: «быть или не быть».
 Пора всё брать в свои собачьи лапы,
 Чтоб не ругать себя потом растяпой.
 Мда...Тяф, тяф, раз всё совсем запущено,
 Пора наверстывать скорее, что упущено».

Стала она с Господином хитрить
 И на прогулках его уводить
 Всё дальше и дальше от дома
 По улицам незнакомым.
 Всё было напрасно, как будто назло,
 И ни к чему её не привело.
 Видит Бабака – не получается,
 Видно, не так она как-то старается.

Тогда придумала Бабака: «Убегу
 И не вернусь, пока не помогу
 И пару Господину не найду.
 Тяф! Решено, сегодня же сбегу!»
 Она грустила целый вечер
 И вот ушла судьбе навстречу.

Пять дней одна по улицам бродила,
 Но никого нигде не находила,
 Не чуял ничего собачий нос,
 Она искала, поджимая хвост,
 Была грустна, тиха и голодна,
 А главное, одна, совсем одна.
 И ветер завывал, и дождик лил –
 Никто её не приютил
 И почему-то не искал.
 Хозяин будто бы пропал.
 Она читала объявленья
 И горько выла на луну,
 Хотелось ей без промедленья
 Найти Хозяину жену.

Но что собака ей расскажет,
 Как приведёт к себе домой
 И как хозяину докажет,
 Что убежала за судьбой?!
 «Как я глупа, – грустит Бабака, –
 Всего лишь навсего собака,
 А возомнила о себе,
 Что много значу я в судьбе
 Хозяина и Господина.
 Ведь я домашняя скотина,
 А тут лежу в грязи и саже,
 И он меня не ищет даже!
 Хозяин мне, наверное, не друг,
 Конечно же, полно собак вокруг!
 Жить Господин не сможет одинок,
 Вдруг у него давно живет шенок?!»

От ревности Бабака глухо взывала
 И повернула поскорее к дому,
 Она спешила, как она спешила!..
 По узеньким дорогам незнакомым,
 От грохота машин закладывало уши,
 Сухой язык нагрелся, как песок.
 «Скорей домой! Не время бить баклуши,
 Скорей домой! Вдруг там уже шенок!»
 Она примчалась – на дверях замок,
 Лишь слабо пах Хозяином порог.

Весь день потом она в дверях лежала
 И ослабела, и устала,
 Хотелось есть, хотелось пить
 И долго жалобно скулить
 В тоске о том, кого любила,
 Кому так преданно служила.
 Все планы прежние Бабака позабыла
 Еще всю ночь, еще весь день ждала,
 Чего – не знала и сама.

На третий день открылась сверху дверь,
 И на неё напал огромный зверь,
 Соседский пёс неведомой породы,
 Свирепый, весь трясушийся от злости.

Когда разняли их, водой разлили,
 Бабаку унесли, на землю опустили,
 Она лежала очень долго
 Совсем одна,
 И было звёзд на небе много,
 Полна луна,
 Затем пришел как будто кто-то,
 Принес попить.
 И будто тихо плакал кто-то,
 Хотелось выть.
 Затем учуял нос как будто
 Приятные духи.

Чуть навострилось и упало ухо,
Разодранное в лоскутки.
Потом её опять подняли и унесли,
И мазали, и промывали:
– Малыш, терпи...

Касались шерсти ласковые руки
И гладили, и облегчали муки.
Они лечили руки и кормили,
Потом шампунем осторожно мыли
И шерстку шелковистую сушили,
И были рядом, рядом с нею были.

Хозяйку новую Бабака признавала
И руки благодарно ей лизала,
Кряхтела и тихонечко скулила,
Когда та ненадолго отходила,
И визгом радостным уже её встречала,
И даже без неё слегка скулала.

А девушка смеялась и шутила:
– Ты – Рада. Я радость свою приютила,
Ты Радка! Радочка! Ты – Рада!
И смех её звучал отрадой.
И руки были так мягки,
Они лечили от тоски.

Бабака вскоре начала вставать,
Уже хотелось прыгать и играть,
Она почти освоилась, но вот
В судьбе свершился новый поворот...

Однажды заглянула к ним соседка,
Всё лето гулявшая с внуком в беседке,
И вдруг воскликнула: – Да это же, Бабака!
А наш сосед тогда ведь чуть не плакал,
Искал её, искал – и не нашёл,
А после на учения ушёл.
Так верил, что придёт она сама,
Переживал, что на носу зима,
А тут, гляди, к кому она зашла!

И тут Бабака взвизгнула: «Нашла!
Нашла я ту, которую искала!!!»
А девушка её не понимала
И лишь Бабаку крепко обнимала,
Не ведая, что в голове собачьей
Сложилась судьбы в счастье – не иначе
Что браки хоть вершат на небесах,
Но дело ещё и в собачьих носах!

И бабушка чудес не замечала,
Тихонько головою покачала,
И ну, журить шкодливую собаку:
– Бабака – бяка! Бяка ты, Бабака!
Ну! Нагулялась, егоза-гулёна?!

Бабака на окна глядела влюбленно,
Как две лохматые подушки,
Вдруг приподнялись резко уши
И сморщился собачий мокрый нос,
И бился, бился оземь хвост!
И сердце колотилось: Бам, бам, бам!
В такт четким уличным шагам.

Был этот миг совсем не прост,
Но чуял это только нос
Да сердце, да собачий хвост.
И тут послышалось: – Бабака-а! На! Бабака!
В прыжке застыла верная собака.

На миг все замерли, ушам своим не веря,
И кинулись втроём скорее к двери.
А свист звенел: – Бабака! Фьють, фьють, фьють!
Собака прыгнула к нему на грудь.

А девушка глядела на блондина
Собакиного Друга, Господина,
Хозяина Бабаки, то бишь Рады,
И счастью их была совсем не рада,
Не знала – ей смеяться или плакать?!
Решили слезы сами: «Надо капать...»

Хозяйка слёз ушла домой в печали,
К ней скоро осторожно постучали.
Она украдкой глянула в окно
И не открыла двери всё равно,
К стеклу прижалась мокрая шека,
И тихий голос произнёс: – Пока...

Она закрыла на шеколку дверь:
– Ну вот одна. Опять одна теперь...
Хозяйка убрала подстилку, миску
И села на пол очень к стулу близко.
Теперь жила с ней в доме тишина,
Наведывалась желтая луна,
И телефон с утра оповещал,
Что вновь опасен горный перевал,
Что ей давно пора пополнить счёт,
Что очень скоро праздник – Новый год
И прочее, и прочее, и прочее,
Где можно бы поставить многоточие.

Ей виден был в окно почти весь двор,
Площадка детская и низенький забор,
Чужие окна, фары, огоньки,
Мелькающие, словно светляки,
И слышен свист и смех, знакомый лай
Настойчивый, хоть уши затыкай.
Там человек гулял вдвоём с Бабакой,
Которая была её собакой.

Они уже встречались и не раз,
 Друг с друга обе не сводили глаз.
 Бабака лаяла, хвостом мела, скулила
 И взвизгивала, будто говорила,
 Хозяйка приносила кости вкусные
 И отвечала что-то бодро-грустное,
 Хозяин вроде не грубил,
 Но как-то был не очень мил:
 Он тут же начинал спешить,
 Бабаку звать и торопить,
 Держался сухо и устало,
 Бабака злилась и не понимала:

«Ну, хоть спросил бы номер телефона,
 В конце концов, они давно знакомы!
 Ей пахло суженой, женой и Госпожой.
 А запах – это довод. И большой!»
 Бабака знала: верен только нюх,
 Верней, чем самый острый слух!
 Собака свято верила в свой нос,
 Какой ещё тут может быть вопрос?!

«Сто тысяч книг понаписали люди,
 Пооткрывали брачные агентства,
 А правда – вот она! Пожалуйста, на блюде,
 Без хитрости и ложного кокетства!
 Ведь встречи не бывают просто так,
 Какой же всё же Господин простак!
 Молчит, как пень какой-то всё равно,
 Давно бы пригласил её в кино,
 Сам на неё, смотрите-ка, как смотрит,
 Как будто бы вот-вот её проглотит!
 Мдаа... Расторопен Господин не больно»,
 И им была Бабака не довольна.

Еще она сердилась на хозяйку:
 «Ну что за неумеха, растеряйка!
 Ну повиляла бы хвостом
 И пригласила парня в дом,
 Чайку б согрела, собрала на стол,
 Он поломался бы немного и зашёл!
 – Ох-Ах! – несла бы милый вздор,
 Глядишь, и завязался б разговор.
 А там бы пересели на диван
 И потихоньку начался б роман,
 Коли сама плывёт удача в руки –
 Хватай зубами, уцепись за брюки!

А этот?! Ну принёс бы ей цветов! –
 Бабака возмушалась: – Нету слов!
 Ведь сколько не скули, не вой, не лай –
 Все бес-по-лез-но! Господин лентяй!
 И солдафон!» – Бабака вся кипела.
 Она подумала и принялась за дело.

Когда луна к ним в окна заглянула,
 Бабака вдруг к хозяину прильнула,
 Легла на спину, громко заскулила
 И захрипела, и глаза закрыла.
 «Уф! Вроде помогло – он ишет тапки,
 Поднял меня, потрогал нос и лапки...
 Не вздумай только вызывать врачей,
 Неси к Хозяйке! Да! И только к ней!»
 Она тихонько глаз один открыла
 И снова задрожала, заскулила.

Хозяина, как будто проняло,
 С собакой на руках он выглянул в окно.
 «Ага! Подъезд Хозяйкин ишет!
 Ну, ну! Глазами так и рышет,
 Давай, не трусь!» – подумала собака
 И застонала жалобно и жалко.

Бабака хитрая конец изображала:
 Хрипела справно, мелко дрожала...
 Хозяин снова выглянул в окно
 И постоял, вздыхая тяжело,
 Потом оделся и поплёлся к двери.
 «Ну, наконец! Глазам своим не верю!
 Смелей! Смелей!» – гнала его Бабака
 А он почти бежал по улице с собакой,
 Высокий и растерянный Блондин,
 Бабакин друг, Хозяин, Господин.

Он постоял в подъезде. Долго мялся,
 Затем решился, тихо постучался
 И быстро, торопливо извинялся,
 В дверях топтался и не раздевался...

А дальше? Дальше всё пошло по маслу...
 Бабака всё продумала прекрасно!
 И пусть её лекарствами поили,
 Шприцом кололи, мяли, тормозили,
 Она еще не то от них терпела,
 Хоть и страдала, но зато за дело.

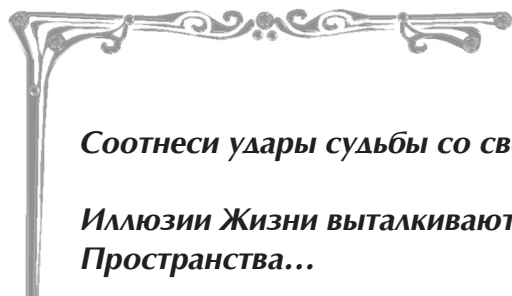
И всё ж терпению подходил конец.
 «Наверно, все? Итак, я молодец.
 Пожалуй, хватит боль изображать
 И потихоньку можно оживать.
 Теперь не грех уже и отдохнуть,
 И на диване в уголке вздремнуть.
 Она зевала вежливо от скуки
 И всё лизать пыталась людям руки,
 И сонные тарашила глаза:
 «Боюсь, что засыпать пока нельзя!
 Получится мой план, иль не получится?
 Или опять с хозяевами мучиться!»

А эти двое про неё забыли,
О чем-то всё друг другу говорили,
И времени совсем не замечая,
По десять чашек пили с медом чая.

Бабака засыпала и не раз
И изредка, не открывая глаз,
Водила носом, ухо поднимала
И снова безнадежно засыпала.

Потом проснулась. В лапы морду спрятала
«Похоже молодых-то я сосватала!
Добилась, наконец, чего хотела,
А дальше... не мое собачье дело!

Не маленькие, разберутся сами
Со всеми человеческими делами,
А впрочем, нет! За ними глаз да глаз
И видно не закончен мой рассказ.

Соотнеси удары судьбы со своими ошибками...

***Иллюзии Жизни выталкивают Нас из замкнутого
Пространства...***

На гребне славы не бросают весла!

***Глаза и уши не всегда одинаково судят об одном и том же
предмете...***

Доверься другу, как эху своему!

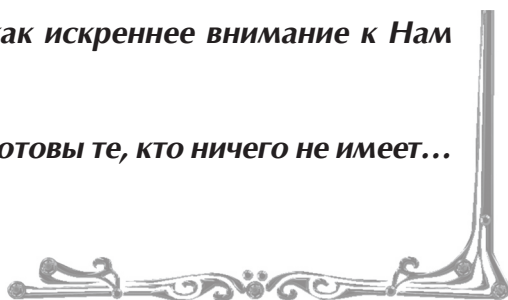
***Углубляясь в дебри рассуждений, выйди на просеку
прозрения!***

Право сильного – в защите слабых!

Капля росы отражает весь Мир!

***Ничто не радует Нас так, как искреннее внимание к Нам
окружающих!***

Обычно все отдать для Вас готовы те, кто ничего не имеет...

НОВЫЕ ИМЕНА

**Милана
ЕЛИЗАРОВА**

Родилась в 1984 г. Окончила филологический факультет ТОГПИ. Работала в школе, корреспондентом в газете. Живет в Ташкенте. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

ВОЗМОЖНОСТЬ НЕВОЗМОЖНОГО...

Рассказ

«Опять опаздываю... никогда не получается выйти вовремя, чтобы так не нестись... хоть бы жетон вчера купила, очередь какая... Зачем еще эти ботинки надела, каблуки ужасные...» – ругала себя Ольга, бегом спускаясь в метро. Недолго думая, не обращая внимания на очередь и недовольные возгласы возле кассы, она подбежала к окошку и купила жетон. Но, разворачиваясь, как в замедленном кадре Ольга видит лицо молодого человека – словно знакомую фотографию, отпечатавшуюся в сознании. Она бежит дальше, но уже на ступеньках ее останавливает возглас:

– Девушка, вы обронили!..

Обернувшись, видит то же лицо, все, словно снова в замедленной съемке. Причем не только у нее, но и у него...

Она берет протянутую перчатку и, очнувшись как ото сна, срывается с места:

– Поезд!

Оба бегут к последнему вагону, но прямо перед носом парня дверь закрылась. Обернувшись, она видит молодого человека, с досадой глядящего на нее с перрона, и одними губами беззвучно произносит:

– Спасибо...

В это время в дальнем конце вагона беседовали двое мужчин...

– И как это у тебя так получается, все время удивляюсь тому, как ты ловко проделываешь подобные трюки?! И почему ты не позволил ему попасть в поезд?

– Меня больше интересует другой вопрос, как у тебя получается все время не доделывать что-то до конца? А от парня нет тут уже никакого проку, она же здесь...

– Я все сделал, как положено. Разминул их пути, в этой ветке они ни раз не встречались, а прошлую я стер... Не смотри так на меня, я не знаю, почему в сознании у каждого из них отпечатался образ другого, я всего лишь Память, а не мозг. У меня к тебе тоже вопрос, почему она все же успела на этот поезд? Да и что он вообще в метро забыл, он же на машине?

– У него колесо спустило недалеко от метро, сам в шоке, а у нее со мной вечные проблемы, все время. Ха, смешная тавтология получается у нее со временем вечные проблемы все время... Когда не надо, она опаздывает, а когда надо опоздать – успевает. Даже он не смог помочь, и внезапное кровотечение из носа у кассира, создавшее очередь возле кассы... Помнишь... Ха, а я сегодня юморной, смешно, Память, ты помнишь... в прошлый раз что было?

– Она умудрилась успеть на этот поезд даже после того, как ее будильник прозвенел на полчаса позже, во всем доме вырубился свет. А в позапрошлый по дороге к метро ее обрызгала, кстати, его машина, и ей пришлось вернуться домой, чтобы переодеться. А он ведь даже не остановился тогда, только в окно посмотрел...

– Как романтично – их взгляды встретились и сфотографировали друг друга навечно для всех реальностей, эх...

– Слышь ты, романтик, не думал, что Время может быть столь романтичным, по мне, так оно безжалостно... – он пошелкал пальцами перед закотившим глаза приятелем. – ...Нет, вы посмотрите на него, замечтался он, надо думать, что делать дальше, мы потеряем ее через каких-то пятнадцать минут.

– Слушай, а давай мы их сведем, когда все хорошо закончится. Они так подходят друг другу...

– Эй, – толкнул Память в бок Время, – очнись, вернись ко мне, ты что не понимаешь сути происходящего, она может умереть вот уже через тринадцать минут, потому что, обрати внимание, девочка сидит возле первой двери, и шапка ее лежит рядом.

– Умеешь ты «вовремя» напомнить и сделать больно, помечтать не даешь, – скорчил рожу Время. – Знаю я и вижу... Попробуем... но если она останется в поезде, то девочка погибнет... Значит, надо задержать и девочку... Террористы уже в пути, скоро будут на месте... Какие у тебя предложения?

– Ты забыл... я всего лишь Память, могу только напомнить тебе, что было в прошлые разы.

– Ну да, конечно, я помню, зачем ты все время и везде рядом со мной... Опять все я, да я...

– Хорош ворчать... Ты бы поторопился, мы уже приближаемся к ее станции...

Дверь открылась, девочка встала со своего места и вышла из вагона, но забыла на сиденье шапку, что заметила Ольга, сидящая напротив. Она соскочила с места, схватила шапку, подбежала к двери... но та захлопнулась прямо перед ней. Девочка, очнувшись, обернулась к поезду, Оля махала ей, знаками показывая, что вернется со следующим поездом назад и просит ее подождать. Девочка, поняв знаки, села на скамейку.

– Есть! Ты сделал это, они обе задержаны на десять минут! – воскликнул Память и ударил в плечо Время. – Террористы будут на месте через пять минут, следовательно, они обе... ты понимаешь, обе... останутся живы!

– Спокойно, спокойно... – с невозмутимым лицом воскликнул Время и отряхнул свое плечо. – Не надо громких оваций!.. Нас могут услышать, компаньон!.. А так, если что цветы и подарки в угол... – с довольной ухмылкой на лице и гордо поднятой головой заявил он.

– Да, уж... Хм... Услышать... Ага... Услышать! Скажешь тоже, – ухмыльнулся Память. – Если б нас с тобой хоть иногда слышали и видели, многого можно было бы избежать... Они вечно куда-то торопятся, спешат, забывают хорошее, помнят плохое...

– Ладно, философ, нам с тобой скоро выходить и пересаживаться во встречный поезд. Он задерживается на одну минуту, что нам тоже на руку: чем дольше задержим их обоих... подстрахуемся, короче...

Ольга вышла из вагона и перешла на противоположную сторону перрона. Через минуту подошел поезд, она вошла в вагон. Следом за ней шли двое. Один из них был средних лет, высокого роста, худощавый, в идеально сидящем клетчатом твидовом костюме и белой сорочке с расстегнутой верхней пуговицей. На голове у него была кепка, а в руках трость, которой он то и дело покручивал в разные стороны. На ногах – до блеска начищенные шоколадного цвета в тон костюму ботинки из перфорированной кожи. И другой, идущий на шаг позади, невысокого роста, плотного телосложения, выглядящий как будто немного старше приятеля, в темно-сером, немного помятом плаще, джинсах и рубашке, рисунок которой напоминал разлитые на ткани разноцветные акварельные краски. Каких только оттенков там не было. Они перетекали один в другой, сливаясь и образуя новый цвет. Но в этом хаосе была одна закономерность: мрачные оттенки чередовались со светлыми и яркими. На рубашке не было ни единого места, где были бы только темные пятна... Они спешили один за другим – Время и Память, неизменно шествующие друг за другом...

Поезд подошел к нужной станции. Ольга вышла из него и подошла к сидящей на скамье девочке.

– Привет, растеряша!.. Вот. Держи. Кажется, это твое... – улыбаясь, она протянула ей шапку.

– Спасибо, тетя. Я все время что-нибудь где-то забываю и опаздываю. Вот и сейчас, например, опоздала в школу. Опять меня будут ругать... – девочка вздохнула, на глазах проступили слезы.

– Ну, не волнуйся ты так. Знаешь, мы с тобой чем-то похожи. Я тоже периодически что-нибудь забываю, из-за чего возвращаюсь, и, естественно, опаздываю. Или несусь, как сумасшедшая, как сегодня, но, судя по всему... – Ольга посмотрела на часы и вздохнула, – хоть и спешила, опять опоздала на работу. Мое начальство к этому уже привыкло. Так что пошли. Провожу, попробую объяснить твоей учительнице... в общем, что-нибудь придумаем... – и они направились в сторону эскалатора. – Меня, кстати, Олей зовут. И давай на ты, а то «тетя»...

– Ух ты, прикольно! – захихикала девочка. – И я Оля, но все зовут меня Лелей.

– И правда прикольно! – лучезарно улыбнулась Ольга. – И меня с детства все зовут Лелей, – они дружно засмеялись. – И в каком же ты классе, Оля-Леля?

– В четвертом. А ты где работаешь, Оля-Леля? – в тон ей повторила девочка.

– О-о-о! – Ольга многозначительно задумалась. – Я художник в рекламном агентстве.

– Кру-уто! Я тоже люблю рисовать. А когда вырасту буду художницей.

– Ну-у, для этого тебе надо много учиться.

– Да, я знаю... Мне мама тоже так говорит. Я даже хожу на занятия по рисованию. Вот! – горделиво подняв милую головку, сказала Леля.

– Ну, какие же они милашки, – вздохнул Время.

– А тебе не кажется, они кого-то напоминают?

– Ну и, опять издеваешься, Память из нас – ты, если не забыл...

– Да ты посмотри, они ж похожи, даже мимика, и Ольга в детстве тоже мечтала стать художницей! – воскликнул Память. – Эх! Добилась же своего, вопреки всему. Родители запирали ее дома, не покупали краски. А она тайком у бабушки занималась с преподавателем, хранила у нее все свои рисунки, и бабушка покупала ей все необходимое. Она готова была всю пенсию отдать за хорошие краски для внучки. А когда бабушка привела родителей на первую выставку Ольги, и они увидели ее картины... Как же они были ошеломлены. До сих пор вижу их лица с открытыми ртами. Выставка произвела фурор тогда. О юном даровании писали везде, предлагали гранты на обучение. Родители поняли свою ошибку и позволили ей учиться живописи. И вот сегодня она один из самых востребованных художников-оформителей не только в нашей стране.

– Вот, ты знаешь! Люблю тебя... – сделал наигранно влюбленное лицо Время, – иногда... когда не нудишь и рассказываешь всякие интересные штучки. Ходячая энциклопедия ты у меня... В моей голове ничего не задерживается... Завидую я тебе, дружище... – вздохнул он.

– Так, ладно. Я думаю, что на этот раз все идет, как надо. Бандиты уже у школы. Мы только выходим из метро. Следовательно, все в порядке?!

– Давай, не будем спешить, они еще не дошли, мало ли что...

Ольга с Лелей уже вышли из метро и приближались к школе. Еще издалека они увидели образовавшуюся возле ворот толпу. В здании слышались выстрелы. По возгласам в толпе стало понятно, что школа захвачена террористами, милицию уже вызвали. Ольга ошарашенно посмотрела на Лелю.

– Видишь... – испуганно, сбивающимся голосом проговорила девушка. – Иногда полезно опаздывать...

Они стояли возле школы в толпе и смотрели на окна, откуда слышались крики и выстрелы. Девочка, шокированная происходящим, стала пятиться назад.

– Эй! Стой! Не смей отходить!.. Там же дорога!.. И машины!.. – воскликнул Время, протягивая руку вперед, словно пытаясь ее остановить.

В этот момент из-за угла показался черный BMW, несшийся на большой скорости. Девочка сделала еще один шаг назад... и оказалась на пути у несущейся на нее смерти... Никто не успел среагировать... Визг колес!.. Застывший в горле крик... Ужас в глазах

Лели... Остановившееся на миг время... Все замерло... и тут же очнулось... Толпа окружила девочку... Водитель, шокированный, держась руками за голову, выскочил из машины и подбежал к лежащему на влажном после дождя асфальте ребенку. Кто-то трясушимися руками, не понимая, что делает, стал набирать номер скорой... но она уже была не нужна. Девочка не дышала... А рядом, стоя на коленях, рыдала Ольга...

– Да-а... злой рок... – хрипло прошептал потерявший голос Память. – Откуда он взялся, Время? Ты мне можешь объяснить?!

– Ночью прилетел из командировки. Утром поругался с женой. Опоздал на подписание важного контракта. Решил срезать здесь путь. У него зазвонил телефон. Он отвлекся. Машина вильнула ближе к тротуару... бам... и... – с горечью, как скороговорку, полупотом сбивчиво произнес шокированный Время, медленно опускаясь на траву на обочине и берясь за голову.

– Но... Как так?! Ведь... все же шло как по маслу... Все в этот раз было идеально... – сбивчиво дышал Память. – Ну, почему?! Зачем?! Скажи мне! Зачем ее понесло на эту дорогу... – Память сел рядом, склонил голову к коленям и обхватил ее руками.

Так они молча сидели некоторое время, словно боясь двинуться с места.

– Все! – поднял голову Время, глядя куда-то сквозь дома и пространство. – На этом и закончим... Время, как говорится, не безгранично. Я больше не могу. У них было три попытки на «Выжить». Но кто-то все же должен был у-ме-реть...

– Нет! – Память вскочил на ноги, размахивая руками. – Так нельзя!.. Мы должны пробовать еще! Ей всего десять!..

– Нет! Все! Это была ее смерть, – сдавленным голосом проговорил Время. – Просто Ольга постоянно вмешивалась в ее судьбу. И все! Я не хочу больше об этом говорить. Уходим. У нас еще куча дел, – он встал, поправил костюм и направился в сторону метро.

– Стой! – догнал и схватил его за локоть Память. – Еще одна попытка и basta!

Они остановились.

– Нет! И это мое последнее слово!

– Ну, Таймстик! Миленький! Последний раз! И что будет – то будет!

– Не смей меня называть уменьшительно-ласкательным производным от моего английского имени! А то я тебя Меморюсей буду величать. Или... Память – она моя, женский род, – ухмыльнулся Время.

– Я-то хоть женский, а ты вообще средний. Что-то среднее между... – с вызовом подбоченясь, произнес Память.

– Ха, ха, как смешно! Между прочим, среднего рода и солнце, и море, и сердце, и счастье, и...

– А женского – любовь, радость, тайна, сказка... – перебил Память.

– Да, да, да, а еще скука, тоска зе-ле-нАЯ... – дразнил Время своего оппонента, который уже замахнулся было на него кулаком.

– Какой ты порой бываешь вспыльчивый... – перехватывая на лету его руку, засмеялся Время. – Просто понимаешь... – улыбка сползла с его лица, – я уже не могу. Понимаешь ты! Не могу... смотреть на то, как они погибают... А я стою и ничего не могу с этим поделать...

– Можно подумать!.. Ты прямо-таки помнишь, как это происходит!.. Это у меня в голове все, как наяву. Мне тяжелее в этом плане. Ты сделал и забыл... Но, тем не менее, я хочу дать им еще один шанс.

– Да это ты, по ходу, забыл, что мы с тобой связаны!.. И я в любой момент могу залезть в твою голову и поковыряться там.

– А что ты тогда все время меня просишь: «вспомни... расскажи...», если сам можешь это узнать?! – уже почти кричал Память, нервно притопывая ногой и интенсивно жестикулируя.

– Ну-у... – Время сделал вид, будто задумался, и посмотрел в хмурое осеннее небо. – Ты же должен внести свою лепту в общее дело. Не все ж мне действовать...

– Ах, ты... – Память снова замахнулся, но его рука зависла в воздухе.

– Можно подумать, сделал для тебя какое-то открытие... Я делаю вид, что ничего не помню, а ты прекрасно мне в этом подыгрываешь. Можно сказать, понимаешь с полуслова, – он сделал паузу и продолжил деланным женским голосом, нарочито закатив

глаза, сложив губы в бантик и встав в женскую позу: – Мы могли бы создать прекрасную семью...

– Ненормальный, – ударил его в плечо Память и покрутил у виска пальцем. – У нас тут серьезный вопрос, а ты все шутишь. Что будем делать?

– А я и не шучу, – все тем же наигранным женским голосом обиженно сказал Время и отвернулся. Затем, откашлявшись, добавил: – Хорошо, последний, так последний! Только надо все обдумать. И я предупреждаю, что бы ни произошло, оставим как будет. Так, что там было у нас в прошлые разы, вспоминай!

– Ну ты опять?!. Сам же можешь посмотреть! – воскликнул Память.

– Надо произносить все, что было! Так легче будет понять, в чем ошиблись, и придумать, как поступить сейчас.

– Хорошо, – выдохнул Память. – Когда мы с ними познакомились, Ольга проспала. У нее в доме вырубился свет. Но она успела на этот поезд. Вышла за девочкой, проводила ее до школы и, загородив от направленного в ее сторону пистолета, погибла. В следующий раз, пытаясь не допустить смерти Ольги, мы свели ее с Максом, который на машине с ног до головы окатил ее грязной водой из лужи...

– Да, да, и при этом, засранец, так спешил, что лишь виновато посмотрел на нее, бедняжку, – перебил Время, меняя рассерженную интонацию в голосе на жалостливую – стоящую в своем новом белом пальто, всю мокрую, и даже не остановился.

– Если ты еще раз меня перебежешь, я не буду больше ничего рассказывать! – выходя из себя, воскликнул Память.

– Прости-прости... – сделал примирительный жест руками Время. – Я лишь воспроизвел вслух твои мысли, не удержался, – но не сдержав уже вырывающийся смех, расхохотался и, всхлипывая, произнес: – Ты такой сентиментальный, и так это скрываешь. Признайся, ты не собирался озвучивать то, что озвучил я?!

– Да ну, тебя... – махнул компаньон рукой и пошел прочь.

– Все-все... – догнал его Время, подавляя смех. – Я больше не буду. Я же обещал. Продолжай, пожалуйста...

– Ты порой просто выводишь меня из себя своими шутками, – возмущенно сказал Память и продолжил: – Но в тот день и девочка Леля тоже проспала, и у террористов спустило колесо и пришлось его менять. В итоге террористы и наши девочки столкнулись у ворот школы. И один из озлобленных шакалов выстрелил почти в упор в сердце возмущившейся тем, что ее оттолкнули, Ольги, а вторая пуля, отрекошетив от железного забора, попала в голову Леле... Ну и последний ты еще помнишь...

– Да... Получается, что погибает либо одна, либо другая, либо обе... В последний раз у нас почти все получилось... Но повторить то же самое, даже с немного измененными в конце событиями, мы не можем... Значит, надо задержать их обеих на достаточном от школы расстоянии, желательно бы и в безопасном месте... Нужен кто-то третий, кто был бы рядом в этот момент... Думай, Время, думай... – он почесал затылок. – Мне кажется, у меня есть одна идея. Давай, стирай у них память. Возвращаемся...

Ольга бегом спускалась в метро: опять прособиралась. «Лишь бы не опоздать. Если на этот поезд успею, как раз вовремя приеду!.. Шеф удивится... – она улыбнулась сама себе. – Ого, какая очередь возле кассы и кассира нет... Да, уж... купленный вчера лишний жетон пригодился. Подождите, подождите, я уже бегу!.. Ураа!.. Успела!.. Пряма за мной захлопнулась... Спасибо, добрый дяденька... как вас там?.. Машинист что ли?.. Или... А кто поезда в метро-то водит... Ладно, не знаю, не буду париться... В Гугле посмотрю... Ура! Ура! Мне сегодня везет... – припевала она про себя. – Хорошие все-таки ботинки я себе купила, удоб-ны-е, несмотря на каблук. И цвет красивый... Филалетовый... И мне теперь все филалетово... хотя, разве иначе когда-нибудь было?!. Хм... И вообще, я сегодня хорошенькая у себя получилась. Надо будет сегодня за это угостить себя пироженкой вечером и кофеёчком с коньячком... Заслужила Ольга Станиславна. Заслужила, Лелечка... О! Следующая станция моя!.. Ой! Девочка шапку свою забыла!.. Так! Подождите, я тоже выхожу-у!..» – и Ольга, схватив шапку, выскочила из вагона и окрикнула девочку:

– Эй! Растеряша!

Девочка, направившаяся было к эскалатору, обернулась, не понимая до конца к кому обращаются, и увидела позади себя махающую ее шапкой тетеньку, отчего-то очень счастливую.

– Вот держи! Кажется, это тебе принадлежит?..

– Ой! Да, это моя шапка! Спасибо, тетя. Блин, я все время что-то где-то забываю и опаздываю. Вот как сегодня, например, проспала и опоздала в школу. Еще и шапку чуть не потеряла. Вот бы досталось от мамы... Опять меня в школе будут ругать... – девочка выдохнула, на глазах проступили слезы.

– Да, ладно тебе. Это не так страшно. Я все свои тридцать лет почти опаздываю. Периодически что-нибудь забываю, из-за чего возвращаюсь назад и, естественно, опаздываю. Меня бабушка всегда успокаивала. «Главное, – говорит, – не опоздать на жизнь. А все остальное – не столь важно!» Во, как! Или несусь, как сумасшедшая, как сегодня, но, судя по всему, – Ольга глянула на часы, – ну, конечно, кто бы сомневался. Опоздала. Давай, я тебя провожу, а по ходу придумаю, как отмазать... Не дрейфь! Я в этом спец!

– А обманывать нехорошо! – заметила девочка. – Меня мама всегда ругает за это.

– А кто сказал, что мы будем обманывать!?. Мы просто немного не договорим по поводу того, что ты проспала. Скажем, что это я задержала тебя, потому что села на твою шапку. И пока ты в честном бою пыталась у меня ее забрать, не успела выйти вовремя на своей станции. Немного не договорим, немного приукрасим. Это же не обман! По рукам?! – Ольга протянула девочке руку.

– По рукам! – засмеялась девочка и ударила ладошкой по протянутой руке. Они стали подниматься на эскалаторе.

– А меня, кстати, Ольгой зовут. И давай на ты, а то «тетя»... – она скорчила недовольное лицо и, улыбаясь, подмигнула.

– Ух ты, прикольно! – захихикала девочка. – И я Оля, но все зовут меня Лелей.

– И правда прикольно! И меня с детства все звали Лелей. И в каком же ты классе, Оля-Леля?

– В четвертом. А ты где работаешь, Оля-Леля? – в тон ей спросила девочка.

– О-о-о! – Ольга многозначительно задумалась. – Я художник в рекламном агентстве.

– Кру-уто! Я тоже люблю рисовать. А когда вырасту, буду художницей.

– Ну-у, для этого тебе надо много учиться.

– Да, я знаю...

Они вышли из метро, и стали переходить дорогу. В этот момент изумрудного цвета Mercedes резко затормозил перед ними. Ольга, схватив Лелю, успела отскочить с ней в сторону. Из машины вышел молодой человек.

– Вы в порядке? – взволнованно спросил он.

Ольга отпустила девочку и присела рядом, глядя на нее:

– Ты как? Испугалась?!

– Кру-уть! Ты так!.. Так быстро меня схватила! – начала быстро лепетать девочка. – Что я даже не поняла, как на земле оказалась!.. И этот визг... ваше... круто. Шас всем в классе расскажу... Как ты... Как я...

– Ну! – выдохнула Ольга. – Раз, «Кру-уть!», значит, нормально все, – и повернулась к водителю.

– Вы ненормальный?! Чего так несетесь?! А если бы я не среагировала!?.

– Простите! Это не моя вина! Что-то с тормозами. Вчера, вроде, только в мастерской был, все нормально было. А сейчас не сработали сразу...

«Я его знаю?! Лицо такое знакомое... будто вчера где-то видела...» – промелькнуло в голове у Ольги.

– Ой! Ладно! Ремонтируйте свою машину, а нам идти надо! Итак уже опоздали! Тут еще вы! – уже спокойнее, но с недовольством сказала она.

– Простите, а мы не знакомы? – вдруг, внимательно разглядывая Ольгу, рассеянно спросил молодой человек.

– Почему вы спрашиваете?.. – удивилась она вопросу.

– Ваше лицо... Я где-то его уже видел...

– Вряд ли... – Ольга взяла за руку Лелю и повернула в сторону школы.

– Подождите! – воскликнул парень. – Я вас провожу. Эвакуатор вот только вызову. Нам с вами, кажется, в одну сторону, мне тут недалеко до работы.

– Да, дело ваше... – удивилась предложению Ольга. – Но мы спешим! Догоняйте! – кивнула она, а в голове молоточком стучало: «И ему тоже показалось знакомым мое лицо... Интересно... Почему... Я вроде бы его не знаю... но лицо... глаза... Странно...»

– Ну куда ж вы так быстро... Еле догнал, – прервал ее размышления парень. – Подождите! – остановил он их жестом руки. – А что там происходит возле школы. Толпа такая, и... стоп! Выстрелы внутри. Слышите хлопки. Ну-ка! Быстро вон туда за угол и пригнитесь лучше! – они, пригнувшись, забежали за угол книжного магазина недалеко от школы. – Так. Я вижу милиейские машины. Оставайтесь здесь и не выглядывайте даже из-за угла. А я пойду узнаю, что случилось.

Ольга крепко сжала руку Лели. Малышка дрожала.

– Оля, а что случилось? Мне страшно! – почти плакала она.

– Лелечка, все будет хорошо! – голос Ольги немного дрожал. – Ты, главное, не плачь! Ладно?!. Не бойся, я же рядом... – она присела и взяла за плечи заплакавшую Олю.

Молодой человек подошел к милиейским и, показав им какое-то удостоверение, стал расспрашивать.

– Оля... а ведь... если б я не проспала. Не забыла эту шапку, – всхлипывая, сквозь слезы стала медленно говорить девочка. – Если б не этот дяденька на своей машине. То я же была бы там... и ты может тоже... и меня убить же могли... раз там стреляют... – она заплакала еще сильнее.

– Так! Девчонки! Вам надо выбираться отсюда. По добру – по здорову. Школа захвачена. Я вас посажу в машину. А сам вернусь. Пошли!

– Да, подождите вы! – возмутилась Ольга. – Надо Олиной маме позвонить! Чтобы она ее забрала! Набирай номер, Лель!

– Я думал, это ваша дочь или сестренка?!

– Да, нет, мы несколько минут назад познакомились... В общем, неважно... Ты набрала номер? Дай мне, – Ольга выхватила телефон. – Алло... – она запнулась, не зная с чего начать, и зачастила: – Вы не пугайтесь только. Здесь, в школе произошло... короче, школу захватили... Не кричите! Успокойтесь!.. Как кто?! Террористы... Тише-тише, да, вот, ваша дочь рядом со мной!.. – она показала рукой на Лелю. – Да, да! Она в порядке... Нет, не в школе! Она опоздала... к счастью... Да! Скорей приезжайте!.. Нет-нет! Не в школу. Мы... – она пошарила глазами, пытаясь что-то сообщить, – мы тут, за углом книжного магазина, ну слева который... Уф... Все... Все хорошо, – отключила она телефон и присела на корточки возле девочки. – Все. Не плачь. Мы ждем маму... – Она тебя любит сильно, испугалась очень. Кричит, что всех убьет и порвет на мелкие кусочки... – нервно рассмеялась Ольга, – если случится с тобой что-то. Сейчас, сейчас она будет тут, – уговаривала она девочку. – Лелечка, ну не плачь! Все же обошлось. Сейчас тебя мама заберет домой.

– А ребята? Их что убьют всех?.. – и Леля расплакалась еще сильнее.

– Ребенок! Не переживай! – вмешался молодой человек. – Там милиция. Они всех спасут! И накажут этих гадов. Ой! Прости... нехороших дяденек!

– Я видела в кино. Когда террористы захватывают кого-то, – всхлипывая проговорила Леля. – Они могут и убить.

– Это же в кино... – пытался он успокоить девочку. – А здесь все будет хорошо.

Ольга обняла плачущую Лелю, у самой в горле стоял ком, она готова была разреветься, но сдерживалась. Начал покрапывать дождь. Выстрелы в школе затихли. Криков тоже не было слышно.

– А что вы за удостоверение показали милиции? – чтобы как-то отвлечься спросила Ольга. – Да, и сказали, что вам нужно вернуться назад?!

– Врача без границ. Ну, был в командировке в горячей точке, оттуда и удостоверение. Это не важно. А там. Вдруг помощь моя понадобится.

– А-а! Вы врач! А какой? Если не секрет? – стала немного успокаиваться Ольга. В ее объятиях всхлипывала Леля.

– Ну, какой тут секрет, – немного засмушавшись ответил молодой человек. – Нейрохирург я.

– Хорошая у вас профессия. Полезная. Уж точно важнее моей. Вы жизни спасаете.

– Да, ладно вам! Чем вы занимаетесь?

– Я художник-оформитель. Мне до вас далеко...

– Мама! Мама приехала! – закричала вдруг Лелька и побежала к дороге.

Высочившая из машины высокая женщина прижала к себе ребенка, поливая его слезами.

– Леля, Лелечка! Ну что, как ты? – ошупывала она ребенка.

– Мама, мне так было страшно... – всхлипывала девочка.

– Я с тобой, малышка.

К ним подошла Ольга:

– Ну. Я так понимаю – все в порядке, и я пойду тогда.

– Спасибо вам. А что там происходит?

– Школу захватили террористы. Мы сами толком не знаем. Милиция там. А вам, как и нам, лучше подальше отсюда уехать. И уже потом выяснять.

– Спасибо вам. Вы правы. Только как Лелька с вами оказалась? Как так получилось?

– Я думаю, Леля сама расскажет о своих приключениях, – Ольга посмотрела на девочку, подмигнула и улыбнулась ей.

Леля к тому моменту уже немного успокоилась в маминых объятиях.

– Ага... я тебе, мамочка, все расскажу. Поехали домой.

– Пока, Оля-Леля! – наклонилась к девочке Ольга и коснулась пальцем ее носика. – Была рада с тобой познакомиться! Вот, держи мой номер. Решишь серьезно заняться живописью – позвони, помогу. Я думаю, мама не будет против?

– Спасибо вам преогромное... А рисовать мы любим. Подождите, Ольга Красова?.. Я же была на ваших выставках! Вы художница! И известная! У нас дома картина ваша есть «Возможность невозможного», муж подарил мне на день рождения в прошлом году. Леля, – она обратилась к девочке, – в спальне нашей с папой висит вот эта картина, что на визитке. – Та заинтересовано закивала головой.

– Я очень рада знакомству с вами, – продолжила мама Лели. – И хочу вам сказать, что ваша картина – она волшебная. Когда я смотрю на нее, чувствую легкий теплый весенний ветерок, и мне становится так легко, свободно. Особенно, когда грустно, она, правда, очень мне помогает. И не только мне, мои подруги тоже чувствуют что-то хорошее, исходящее от нее.

– Спасибо за теплые слова, – смущаясь улыбнулась Ольга и обернулась на стоящего неподалеку нового знакомого, который, улыбаясь, внимательно слушал разговор. – Мне много говорят о моей живописи, но, если честно, вот так красиво еще не говорили.

– ...Я жду твоего звонка, Оля-Леля. Пока растеряша! Расскажи маме о наших приключениях, – Ольга послала воздушный поцелуй девочке. И они разошлись.

– Значит, вы у нас известная художница Ольга Красова. А вы говорите, что ваша профессия не столь важна. Видите, вы тоже врач... Целитель душ... Хотел бы я посмотреть на ваши картины, раз они такие волшебные, если позволите?..

– Если обещаете больше не наезжать на людей!

– Даю честное слово, – засмеялся он. – Меня, кстати, Максимом зовут.

– Жи-и-изнь не-е-возможно повернуть наза-а-ад. И вре-е-мя ни на ми-и-г не остано-о-овишь... Как прекра-а-асен этот ми-ир, посмотри-и-и, как прекра-а-а-асен этот ми-ир... – пел Вре-мя, голося на всю улицу. – У нас получилось, дружище, и ты посмотри, какая это прекрасная пара, – воскликнул он, оборачиваясь на стоящих молодых людей.

– А ты не хотел давать им еще один шанс.

– Я?!. Не помню такого. Не-е-е, я не мог...

проза

Евгений АБДУЛЛАЕВ
(Сухбат АФЛАТУНИ)

Родился в 1971 г. в Ташкенте. В 1993 г., окончил философский факультет ТашГУ (ныне НУУз). Поэт, переводчик, драматург, прозаик, главный редактор журнала «Восток свыше».

ПРОСНУТЬСЯ В ТАШКЕНТЕ

Рассказ¹

Нелепое желание. Совершенно нелепое желание. Идет дождь, я замотался в одеяло, оставив только небольшое отверстие для дыхания и еще рюмку, которую ишу губами в пододвинутом сумраке. Мне холодно. Я жадно пью. Я давлиюсь и долго с удовольствием кашляю, заглушая дождь, заглушая ненужные мысли.

Если бы это был фильм, сейчас поползли бы титры. Я бы кашлял, а они все ползли. Их было бы не очень много, белых строчек на фоне вздрагивающего одеяла. Или на фоне нежно заплывающего дождем окна. Фильм скорее всего короткометражный. Короткий, как их приезд. Как прощальный поцелуй в аэропорту. Куда я задевал эту рюмку?

Кажется, титры уже прошли. «В фильме использована музыка Шостаковича». Всё. Я выглядываю из щели в одеяле и жмурю глаза от яркого света.

Я стою, шурясь, возле аэропорта. Футболка, джинсы, листок в руках. Да, это я – теперь я себя узнал. Вечернее солнце впрыскивает последние инъекции света. Свечусь и потею. Встречаю тель-авивский рейс. Девятнадцать ноль-ноль. От часов на запястье мокрый след. Зачем в такую жару лететь в Ташкент? Мимо меня проходят влажные, прогретые люди. Встречают, провожают, исчезают. С хрустом пеленают пленкой чемоданы.

Я лениво стекаю по лестнице к залу прилета. Смуглыми мухами кружатся таксисты. Мужчина с мятым листком «Господин Шпильман». Мне стоило написать такой же. Смотрю на свою шпартгалку. «Zimnitski: Dan, Lea, Palme, Nava».

Зимнишкие:

Дан (папа: представляю себе что-то полное и жизнерадостное);

Леа (мама: тоже жизнерадостное и все в золоте);

Палме (сын-школьник, спортсмен, этакий семитский Маугли);

Хава...

Хава и была причиной их путешествия. Виновницей их пятичасового зависания на высоте десять тысяч метров. Температура за бортом минус шестьдесят три. Шелестя пластмассой, собирают стаканчики. Все ради Хавы.

Об этом я знал из переписки. Хотя, что я, собственно, знал?

С семьей Зимнишких меня свел Шишка.

С Шишкой мы дружим еще с ледникового периода. Вместе мылили одноклассниц, плевали с третьего этажа и ходили в кружок по выжиганию. Его мама до сих пор бережет кухонную дощечку, на которой ее вундеркинд выжег звезду Давида. Вообще таланты Шишки хлестали во все стороны, приводя в ужас

¹ Впервые опубликован в журнале «Октябрь» № 2 за 2008 г.

учителей. Шишка вечно бурлил, хватал нас за рукава, галстуки и толкал на разные экзистенциальные поступки вроде сбегаания с урока химии или нападения с поцелуями на сексапильную ябеду Нинку Дворянчикову. Борьба Шишки с системой советского школьного образования закончилась для него техникумом, где он год учился непонятно чему и отрашивал трогательные усы. Через год вся его семья вдруг обросла чемоданами и свалила в Израиль.

Из Израиля Шишка слал письма утопающего: «Хорошо хоть арабы что-то иногда устраивают, а то вообще сгниешь от скуки». После того, как это «что-то» прогремело совсем близко от него, жалобы на скуку временно прекратились. Потом письма от Шишки вообще иссякли и хлынули через год уже в электронном виде. Первое же письмо поразило неожиданной солидностью тона. Долго загружалась фотография: растолстевший Шишка по-хозяйски обнимал девушку, опершись своей голиафовой задницей о спортивный автомобиль. Шишка, его девушка и даже, кажется, автомобиль – все самоодовольно улыбались. Я высыпал школьные фотографии и долго сличал худенького мальчика, положившего свою руку-соломинку на мое плечо, с генетически модифицированным овощем на присланной фотке.

Через год он позвал меня в гости.

Мы шли по Иерусалиму; на ногах поскрипывали только что купленные сандалии. Шишка снова хватал меня за рукав и закидывал свою руку мне на плечо: «Смотри... смотри...» Я кивал и смотрел. Шишка женился, они ждали ребенка, хотя округлившееся шишкинское брюшко наводило на мысль, что ребенка ждет именно он, Шишка, а не его хрупкая Лена. Шишка успел обрасти загорелой уверенной плотью; я даже слегка сгибался под его рукой, весившей столько же, сколько сам Шишка в школьные годы.

Я слушал Шишку и медленно погружался в Иерусалим.

«Знаешь, он чем-то похож на Ташкент», – говорил я, глядя на пеструю, просвеченную солнцем толпу, протекавшую мимо. «Все города чем-то похожи на Ташкент», – замечал Шишка. «Да, кроме самого нынешнего Ташкента». Шишка хмыкал и начинал снова меня обрабатывать: «Смотри, почему тебе не переехать сюда?»

«Нужно помнить о своих еврейских корнях», – говорил Шишка, смотря на меня так, словно эти корни волочились за мной по асфальту. – Какой ты узбек... Вот сам скажи, ты узбек?» «Да». «Или ты еврей?». «Да», – кивал я. «Так нельзя, – морщился Шишка, – человек должен быть чем-то одним. Нельзя быть одновременно мужчиной и женщиной, христианином и буддистом...» «Элином и иудеем», – добавлял я. Шишка не слышал; Шишка давил на меня своей рукой, как статуя Командора, желавшего добра слабому и мнительному Дон-Жуану.

А я и сам не знал, кто я. То ли еврей, скрывающийся за узбекской фамилией, то ли узбек, скрывающийся за еврейской внешностью. Продукт советской межнациональной алхимии, шагающий теперь по нагретому от трения стольких религий городу. «Здесь даже деревья говорят по-еврейски, вот, закрой глаза и слушай», – убеждал Шишка. Я не спорил.

«Я где-то прочел, – авторитетно сказал он, – что полукровки попадают после смерти в один шеол с актерами, шутами и канатоходцами».

«А что такое шеол?»

«Шеол – это место, куда еврей уходит после смерти...»

Шишка стоял на коленях и что-то говорил на иврите в приоткрытый пупок Лены. Ему казалось, что через пупок эмбрион его лучше услышит. Лена улыбалась и, вероятно, ощущала себя акустическим приспособлением между Шишкой и его молчаливым собеседником. Я уходил на кухню и глотал ледяной апельсиновый сок.

Сойдя с трапа в Ташкенте, я поймал себя на том, что мне хочется поцеловать землю. Просто быстро наклониться и поцеловать. Пока выбирал место, толпа сзади занесла меня в автобус и, окропив незлобным матом, сдвинула сумками, чемоданами и сонными детьми. Поплыли квадраты аэропорта.

После поездки наша переписка как-то потускнела. Шишка присылал без комментариев фотки своего голенького первенца. Комментарии действительно были излишни. Это был маленький Шишка. Общение через пупок не прошло даром.

Наконец Шишка написал, что у него был нервный срыв, он лежал в клинике и потратил на это кучу денег. О последнем, кажется, упоминал с гордостью.

Я был так поражен, что даже случайно удалил это письмо.

«Помнишь, мы бродили по этому проклятому городу и слушали, как разговаривают деревья?» – спросил он в следующем письме.

«Помню», – ответил я.

И тогда он написал:

привет спасибо за трогательный письмец :-)) у нас жара пьем как бешеные вчера мой мелкий сам зажег минору хотя тебе мусульманину это ничего не говорит а жаль : (слушай у меня к тебе тут один баалшой просьба в Ташкент собрались мои знакомые Дан Зимницкий с семьей гостиницу не хотят просят организовать частный дом с психологически тонким хозяином и чтобы он же им показал Ташкент такие вот скромные запросы :) я сразу вспомнил что ты говорил у тебя хата пустует а психологической тонкости у тебя хоть вагонами отгружай я им так и сказал надеюсь ты согласен у них там только нюанс с дочерью они тебе сами о нем напишут соглашайся они заплатят у Дана здесь вилла Монплезир отдыхает короче ты согласен целую тебя презренный сарацин твой Shishka p.s. кстати я развожусь

Вечером пришло письмо от самих Зимниских, на английском, все светящееся от любви. Зимниские благодарили меня за согласие (?), за понимание в отношении их бедной Хавы (??) и спрашивали о цене.

Я ответил на своем ташкентском английском. Ввернул пару декоративных оборотов, наскоро добытых из словаря. Переспросил, действительно ли они согласны остановиться в моей *not very comfortable apartment*, а попросту говоря, халупе. Не лучше ли гостиницу, дорогие собратья по пятидесяти процентам моей крови?

Нажав на Send, откинулся на спинку стула и стал ожидать отказ.

Представить в своей однокомнатной на Бодомзаре почтенное туристическое семейство я не мог. После маминого отъезда квартира стояла пустой, накапливая пыль и счета за свет и воду, которые просовывали под дверь. Отец сублимировал мамино отсутствие трудовыми подвигами в родном Узавтотрансе, хата была ему по барабану. Мне – тем более: я как раз ходил в женихах у одной журналистки с собственной квартиркой и гибкими взглядами на добрачные отношения. То есть извечная проблема «где?» у меня была решена.

Хмыкнув, я стал писать Шишке. Надо было узнать, что за путешественников он насылал на мою голову...

Дописав, я поставил двадцать четыре прелюдии Шостаковича и стал обедаться виноградом, сплевывая косточки в открытое жаркое окно. Вспомнил, как мама наказывала за это в детстве, как тихо и неуверительно меня защишал отец. Закрыв глаза и растворился в Шостаковиче.

В это время папа и мама Зимниские в четыре руки писали мне ответ, что гостиница им не нужна и они надеются провести неделю в моей квартире, которую они уже как бы заочно любят.

О Хаве в этом письме не было уже ни слова.

Не написал о ней и Шишка. Вообще ни о чем не написал. Исчез. Только после одного моего письма, лохматого от вопросительных и восклицательных знаков, возник одной виноватой строкой: «прости нет сил борюсь за сына». И снова затих. На мои звонки брала трубку Лена, плохо меня узнавала и не давала Шишкин телефон. В трубке слышался детский смех: видимо, борьба за сына шла пока не в пользу Шишки.

Зато с Зимнискими у меня кипел настоящий почтовый роман. Они расспрашивали обо всем. О Ташкенте, обо мне, о моих родителях, особенно о маме. Я отвечал, что Ташкент – город хороший, что я – обыкновенный ташкентский раздолбай, верстальщик в одной местной газете; что мои многонациональные родители прожили счастливо двадцать девять лет, пока мама не уехала в Штаты поправлять наш семейный бюджет и теперь не спешит оттуда возвращаться... Для чего я это им писал, я не знаю, разве что мой письменный английский становился все лучше и лучше. Хотя каждый раз, когда я собирался спросить их о Хаве, мне его словно не хватало...

Потом они как-то стремительно взяли билеты, и вот теперь я растекаюсь по раскаленному асфальту возле зала прилета, так и не зная ничего про их золотую Хаву (может, у нее энурез?).

Самолет рыгнул расплавленным воздухом и коснулся земли. Все еще в судороге приземления он катился по посадочной полосе; закатное солнце хлестало в иллюминатор; где-то дежурно захлопали, благодаря за то, что их жизнь не окончилась среди обломков дымящегося железа и можно получать багаж и жить дальше.

– Хава, доченька, вот мы и в Ташкенте, ты довольна? – спросила на идиш женщина, склонившись к дочери. – Ты, наконец, довольна?

Дочь смотрела расширенными глазами в иллюминатор, не обращая внимания ни на царапающие лучи, ни на слова матери.

Пальме оказался высоким белобрысым гиперборейцем в мятых шортах. Узнав меня (я высылал им свою фотку), замахал и улыбнулся крупной, слегка лошадиной улыбкой.

Рядом в темных очках шла маленькая Леа.

Моя рука, поднятая для приветствия, замерла в воздухе.

Леа была почти копией моей мамы.

Те же тонкие губы, крупные уши, широкий торс и быстрые легкие ноги. «Когда мы перестаем думать о близких, небо посылает нам их двойников». Да, я уже месяц не звонил и не писал маме, боясь снова вызвать поток ее неуклюжих оправданий. А теперь я смотрю на эту чужую женщину и боюсь, что она снимет свои темные очки и я упрусь в серые, любимые до детского обморока глаза...

Леа уже энергично здоровалась, сжимая мою похолодевшую ладонь. Да, они прекрасно долетели. Да, да, спасибо. Да, Дан с Хавой сейчас выйдут, у Хавы закружилась голова. Нет, ничего страшного, легкое головокружение, девочка так волнуется... «Да нет, мама, Хава вела себя как молодец, – лез сверху белобрысы Пальме, играя ремнем рюкзака, – во время всей дороги, она молодец». Да, да...

Она резко сняла очки и посмотрела на меня.

– Такси, такси керай-ми, такси... – пели, клубясь вокруг нас, таксисты. Я мотал головой и пытался еще раз посмотреть в глаза Леи, чтобы успокоить себя их несходством с маминими...

Леа резко повернулась и что-то прокричала на иврите.

Ей ответил седоватый израильтянин и тоже помахал мне.

Другой рукой он обнимал и подталкивал девушку с коротко стриженными волосами.

Вначале исчезла толпа прибывающих и встречающих.

Растворились в последних ржавых лучах таксисты; исчезла группка бухарских евреев, выражавших свою терпкую, шумную радость. Исчезли горячие стекла аэропорта, исчез молодой человек в кепи...

Исчез Пальме, достающий из рюкзака кока-колу, подносящий ее к своим уже почти прозрачным, как сама бутылка, губам.

Последним исчез карий встревоженный взгляд Леи.

Одна Хава шла по шиколотку в пыли, прижимая к плоской груди медвежонка. Безумно худая, с выпирающими скулами.

Я протянул руку и назвал свое имя.

Она еще сильнее прижала медвежонка. Он был растрепанный и без одного глаза.

Только теперь я заметил, что она идет босиком.

Пройдя мимо, она вдруг остановилась и повернулась ко мне.

«Что это за музыка?»

Она молчала, но я услышал ее вопрос.

«Вот эта... Мне кажется, ее напелал у нас один надзиратель. Не думайте, это был добрый надзиратель, он многое нам позволял. Мне даже кажется, что он умер не от туберкулеза, а от доброты. Доброта приближает человека к смерти. Доброта и музыка. Эта музыка всегда звучит в Ташкенте? Когда меня вернут в лагерь, я буду ее тайно петь...»

Хава не дала мне договариваться с таксистами. Сама пошла к ним, вглядываясь в их потные лица. Водители переглядывались, улыбались.

Она выбрала маленького таксиста с носовым платком на голове: «Он нас не выдаст».

Я попробовал торговаться. Дан дал знак, что не нужно.

Стали загружаться в «Тику». Я заметил, что у них почти нет багажа.

– Это весь ваш багаж?

– Мы беженцы, – сказал Дан, глядя на Хаву.

Хава кивнула.

– Беженцы, – весело повторил Пальме и подмигнул мне.

Дверь хлопнула, пейзаж качнулся и поплыл, ускоряясь.

Хава сидела на переднем сиденье. Город втекал в ее зрачки: дома, треск трамвая, розовый от жары асфальт, беззащитный даже перед тонким женским каблуком... Потом, судя по тряске, пошла грунтовая дорога, грузовики с солдатами и техникой и какие-то люди с серыми, словно засвеченными лицами и костлявыми чемоданами в руках...

Таксист действительно не выдал. Довез, помог выгрузить чемодан.

– Девушка у них немного болеет, да? – спросил он у меня, когда я расплачивался.

Я кивнул.

– Я сразу понял. В глаз ей посмотрел и все понял. Мозгом болеет. Из Израиля прилетели?

Я снова кивнул и собрался уходить.

– Хорошо... У нас земля лечит. Солнце лечит. Вы ей лепешку давайте. Яблоки. У нас яблоки самые полезные в мире для здоровья. Виноград в этом году тоже сладкий получился. Виноград в мозг попадет – польза будет...

И сунул мне в руку клочок бумаги:

– Меня Шухрат зовут. Телефон простой. Если что от машины нужно – звоните, ая.

«Тика» проехала вперед, развернулась.

Хава замахала рукой.

Вся семья Зимницких замахала вслед за ней. Особенно старался Пальме: пару раз подпрыгнул и сбил с ветки чинары несколько пыльных листьев.

– Так, значит, ваш друг вам ничего не рассказал про Хаву?

– Нет, только то, что она... необычная.

Мы вышли с Даном покурить возле подъезда.

Как выяснилось, не курил ни я, ни он.

Зимницкие уже успели распаковаться и дружно одобрить квартиру. Перед их приездом я устроил два героических субботника, так что квартира словно помолодела и раздалась в размерах. Леа с Хавой разместились в комнате, Дан с Пальме – на бывшей кухне (кухня у нас вынесена на лоджию). Леа отправилась в ванную купать Хаву; Пальме восхитился моим доисторическим телевизором и принялся его изучать; мы с Даном тихо вышли.

Дан был одного роста со мной, седой, с круглым лицом и мягкими плечами. Я обратил внимание на его ухоженные ногти и быстро спрятал свои, вечно обкусанные. Седина ему шла, даже «бежала», как говорила в таких случаях моя бабушка.

Дан рассказывал.

Я понимал, что он рассказывает это уже в двадцатый, сотый раз. Люди сживаются со своим горем, как с соседом-алкашом; привыкают тихо и отстранено говорить о нем.

– Мы долго не придавали этому значения. Хава была впечатлительным ребенком. Мы думали, это игра. Мальчики играют в войну. Почему девочка не может играть в Холокост? Да, конечно, это странно, но у нас детям позволяет многое. Очень многое... Одна ее прабабка, с Леиной стороны, погибла в лагере, не помню уже в каком. Мы же не обязаны все помнить, правда? Вы были в Йад ва-Шем?

– Да.

– И вам понравился этот музей?

...Мы ходили с Шишкой по Йад ва-Шему. Шишка тоже был здесь первый раз и повторял: «Да, катарсиса у них тут маловато». Я молчал. Мимо ходила публика, чем-то похожая на ту, которая бывает на узбекских похоронах: большинство не знакомо с покойным и ходит с деловитой скорбью, приносиваясь к дымку поминального плова и поглядывая на часы...

Запомнился только маленький фильм перед началом осмотра.

Палимпсест кинохроники. Длинный, бесконечный дом. Века девятнадцатого. В каждом окне танцуют, играют, шьют, торгуют маленькими фигурами, вырезанные из еще каких-то кинохроник. «Это – довоенная Европа, – говорит Шишка; он еще со школы обожает все

комментировать. – А эти, в окнах...» «Я знаю – кто», – перебиваю я.

Окна медленно гаснут.

«Ты заметил, нигде ничего не сказано про Ташкент?» – спросил я Шишку, когда мы вышли из музея на солнце.

На балконе второго этажа зажегся свет; вышел Пальме в красной майке, потом Леа в банном халате, с чалмой из полотенца.

– ...Так Хава входила в роль заключенной концлагеря, – тихо продолжал Дан. – Вначале она отказалась есть то, что едим мы. Потом стала требовать, чтобы мы с ней говорили только на идиш. Не знаю, где она его успела выучить... Пришлось Лее записаться на курсы. Вообще мы решили вначале, что она нас просто шантажирует.

– Шантажирует?

– Да. Именно. С самого детства она требовала от нас непрерывной, ежесекундной любви. Мы ее и так с Леей обожали: первый ребенок, девочка, ангел. Но она – она просто как вампир высасывала из нас нежность и заботу. Уложив ее вечером спать, а она засыпала только с Леей, мы уже ничего не хотели друг от друга. Когда ей казалось, что мы ее не замечаем, она заявляла, что она – принцесса или, наоборот, ведьма и всех нас заколдует. Приходилось... заколдовываться. Хотя, конечно, мы тоже не всегда могли уделять ей время. Леа делала свой докторат, я вкалывал на фирме. Так продолжалось шесть лет до рождения Пальме. Вам понравился наш Пальме?

– Да...

– Он всем нравится. Наше семейное солнце. Другой бы на его месте давно хлопнул дверью и ушел. А он все терпит. И обожает Хаву. Испытывает вину перед ней.

Я снова посмотрел на балкон. Пальме ухватился за перекладину, которую когда-то приварил для меня отец, и стал быстро подтягиваться. Я почувствовал благодарность, что хотя бы один член этой странной семьи оказался точно таким, каким я его себе представлял.

– А Хава рождение Пальме восприняла как личное оскорбление. Потом вроде привыкла. А потом на нас обрушилось это богатство. Да, у меня умерла тетка в Штатах, о которой никто уже не помнил, и оставила огромное состояние. Во время войны сменила фамилию и каким-то чудом вырвалась в Штаты, там вышла замуж за будущего миллионера, а перед самой смертью разыскала нас и еще пару оставшихся дальних родственников. Правда, похоже на сказку?

– На голливудский фильм.

– Мы купили дом на побережье. И все обострилось. Хава окончательно переселилась в свой концлагерь. Откопала где-то арестантскую робу. Не окончила школу, стала возвращаться вся в грязи. Где была? «Нас погнали рыть противотанковые рвы». Что нам оставалось делать?

Дан смотрел на меня, ожидая ответа.

Я пожал плечами.

– Да, – сказал Дан, подняв голову и сощураясь, – они тоже пожимали плечами, все наши замечательные доктора. Они находили, что она психически нормальна, только нервы. Истощенная нервная система. Хотя, думаю, такой диагноз можно было поставить всей нашей семье. Конечно, мы положили ее в самую лучшую клинику. Там ее все любят. Оборудовали ей специальную палату, как в лагере, понимаете? Мы почти каждый день навешали ее. Кстати, там она и познакомилась с вашим другом, узнала, что он из Ташкента, стала спрашивать. Она еще до клиники нам что-то говорила про Ташкент... Что туда бежали какие-то наши родственники, что она за них спокойна, в Ташкенте много яблок и винограда, они прокормятся и выживут...

– Яблок и винограда? – переспросил я.

Когда я вернулся, папа все еще сидел на кухне.

– Тебе твоя Марина звонила.

Марина – моя невеста. Как бы невеста.

– Ну что там, как твои израильтяне?

– Все нормально, пап, встретил, завтра поеду Ташкент показывать.

Отец промолчал. Налил себе кипяченой воды, выпил.

– Пап, ты ужин приготовил?

Он посмотрел на меня.

– Что за привычка всегда обращаться на «ты»? Я разве приятель? В других узбекских семьях к родителям обращаются только на «вы»!

– Хорошо, если нужно, я буду обращаться на «вы».

– Мне ничего не нужно!

Встал, пошел в зал. Включил телек и стал яростно переключать каналы. «По сообщениям, поступающим из Ирака...»

– Пап, что-то на работе?

– На работе меня уважают, – ответил он, глядя в мелькание на экране.

Я лежал в своей комнате; сквозь полуоткрытую дверь вползал тяжелый, мучительный храп отца. В последнее время он храпел особенно сильно.

Ночь была душной, перед глазами вставали то Леа, то Хава, то снова Леа, почти сливающаяся с моей мамой, особенно в этих темных очках...

Я вышел в коридор. Осторожно, стараясь не зацепить за что-нибудь шнуром, вынес телефон на кухню. Порылся в бумажках, нашел мамин американский номер.

Шорох, медленные, неуверенные гудки.

«Hello, this is Ella Neiman's apartment. I'm unable to answer you right now...», – начал мамин голосом автоответчик.

Мама четко, как отличница, выговаривала каждую фразу.

Утро хлынуло в город, зашумело тысячько веников, открытых кранов, спускаемых унитазов, закипающих чайников. Город открыл свои глиняные веки и сощурился от яркого света. Солнце уже жгло всюду, блестя в шедро, с запасом политых дворах...

Хава стояла у окна. Внизу мели сухой двор, высекая веником серые летучие розы. Розы пахли глиной, счастьем и безразличием.

За ее спиной, сопя от удовольствия, доедал свой утренний йогурт Пальме. Он уже принял душ, потыкался губами в стареющие щеки родителей, желая доброго утра, и смазал волосы гелем. Волосы блестели, йогурт мягко входил в организм, обволакивая кишечник.

Мы ехали по городу, я рассказывал. За рулем был Шухрат, с которым я договорился еще вчера. Вчера мы разработали и план экскурсии. Экскурсии по пустоте. По несенному, исчезнувшему иудейскому Ташкенту.

Все ради Хавы.

Она выходила из машины, подходила к старым деревьям, к морщинистым одноэтажным домам, уцелевшим в эпидемии строительной чумы, охватившей город. Губы Хавы шевелятся. Она трогает кору, побелку, кирпич. Она разговаривает с ними?

– Она спрашивает, – сказала Леа.

– О ком?

– Кого-то ищет...

«А в это дерево переселилась душа Марка Злотникова. А вон в то, рядом, – душа маленькой Доры, которая не помнит своей фамилии. Она говорит, что ее эвакуировали со всем детдомом. А вот то дерево совсем пустое, в нем никого нет».

Тысячи испуганных, высосанных войной лиц плыли в Ташкент. Душным желтым облаком с детьми, чемоданами, фурункулами и гортанным ночным бредом.

Их было негде селить; когда они стали умирать, оказалось, что некуда пристроить и их души. Пришлось временно селить их в деревья. Многие там и остались. В Ташкенте не успели оборудовать шеол для такого наплыва... «Да, у каждого города есть свой шеол».

Мы уже осмотрели площадь Независимости, подышали возле фонтанов, побывали на площади Дружбы народов. Пальме приседал с фотокамерой, сбивал нас взмахом ладони в маленькое стадо, увековечивал. И снова мы отыскивали уцелевшие старые дома, откуда выбегали дети и смотрели на Хаву, а иногда выходила женщина и выплескивала ведро мыльной воды.

– Как тихо... Как будто нет войны.

– Ее действительно нет. Она закончилась много лет назад.

– Это все слухи. Думаете, я не вижу, как отец всем дает денег, чтобы они повторяли, что война закончилась? Он думает, что деньги его спасут. Он же член Юденрата, сотрудничает

с ними. Думает, что избежит газовой камеры...

Ночью – мама. «Одно ваше слово, я все брошу и приеду!» Я молчал в трубку. «У папы никто не появился? Я имею в виду...» «Мам, зачем ты это спрашиваешь?» «Мне так было бы легче, – сказала она, помолчав. – Что он там делает?» «Спит», – ответил я. Молчание. «Он всегда спал, – сказала мама, – все эти тридцать лет, даже меня заразил этим сном... Знаешь, я только здесь проснулась...» «Мама, сейчас час ночи, все спят». «Час ночи... Ладно. Так мне пока не возвращаться?»

Неверные мужья заражают жен триппером, верные мужа – зевотой. Отец был верным мужем. Мама была любящей женой. Я был их сыном.

...Отец вышел из спальни в своей доисторической пижаме. Стал смотреть, как я сижу на корточках возле телефона. Мамин голос уже исчез, стерся из трубки; вместо него в ней шумели волны Атлантического океана, поднимая со дна песок и обломки.

Отец хотел что-то сказать, но только сжал губы и ушел к себе.

Следующим утром, пока Зимнишкие собиралась, я обшался с Пальме. Он уже стоял готовый, улыбался и гладил ладонями шорты. Не помню, о чем говорили. Совершенно не помню. Нет ничего более ненормального, чем нормальный человек. Пальме улыбался и трогал свои ноги. Ему нравится в Ташкенте? Да, ему очень нравится.

Из комнаты вышла Хава в майке без рукавов. На левом предплечье у нее было вытатуировано: 7041. И корявая шестиконечная звезда.

Мы шли по Алайскому.

Базар шумел, как горизонтально растущее дерево, ветвился и трепетал бесконечными рядами. Пахло перцем, потными подмышками, синеглазыми коровьими головами с мясных рядов.

Три дня сижу я на Алайском рынке...

Пальме бегал между прилавков, пробовал белые слюнявые дыни, фотографировал. Прозрачные голубые купола бросали зеленоватые отсветы на лица и прилавки...

***Мне это место так же ненавистно,
Как всякое другое в этом мире,
И даже есть хорошая приятность
От голоса и выкриков базарных,
От беготни и толкотни унылой...
Здесь столько горя, что оно ничтожно;
Здесь столько масла, что оно всеильно.
Молочноликий, толстобрюхий мальчик
Спокойно умирает на виду.
Идут верблюды с тощими горбами,
Стрекочут белорусские еврейки,
Узбеки разговаривают тихо.
О, сонный разворот ташкентских дней!..***

– Чьи это стихи?

– Владимира Луговского. Он был здесь в эвакуации.

***Эвакуация, поляки в желтых бутсах,
Ночной приезд военных академий,
Трагические сводки по утрам,
Плеск арыков и тополиный лепет,
Тепло, тепло, усталое тепло...
Тоскливый полдень. Кубометры свеклы,
Коричневые голые лодыжки.
И запах перца, сна и нечистот.***

Хава разглядывает огромный юсуповский помидор. Трет его о впалую щеку. Не выпуская его, срывается с места. Бежит сквозь ветвящееся дерево базара. Бежит, как воронка,

сжимая податливое мясо помидора.

...Еле-еле уладили.

– Зачем ты это сделала, Хава?

Хава, вся залитая помидорным соком, смотрела на нас и молчала.

Потом мы бродили по другим базарам, шупали хан-атлас, пробовали глиняные свистульки, осторожно укладывали в сумку волшебный пучок исырка. Пальме торжественно нес свернутый чапан. Потом ходили по обмелевшей Тезиковке*, купили патефон, пластинки к нему, керосиновую лампу и старые открытки с видами города.

– Мы хотим оборудовать одну комнату в нашем доме под Ташкент, – говорит Дан.

Я стою в Хеседе, за дверью поет хор. Хор поет на идиш, песни все не кончаются. Я заглядываю, десять старческих лиц смотрят на меня. Я называю фамилию.

Ко мне медленно идет старуха. Ее ногти покрашены лаком морковного цвета.

Мы выходим, я знакомлю ее с Зимнишками. Хава медленно обрывает гроздь винограда.

Мы идем, поддерживая старуху за локоть. Она останавливается, поправляет крупные дешевые бусы.

– Я уже готова. Я начну.

Она хлопает в ладони и начинает петь.

За свою жизнь Люба Холоденко сочинила более тысячи песен. Пела обо всем, что видела. О войне, о рождении сына, о работе на Чкаловском заводе. Одни считали ее слегка чокнутой, другие приглашали на вечера: «Спой, Люба!» Люба хлопала в ладоши и начинала петь. Она пела о каждом из гостей, о накрытом столе с бордовой розой селедки под шубой и запотевшей «Столичной», о том, чтобы был мир и дети хорошо питались.

А началось это с войны, с эвакуации; они жили на Кашгарке дом в дом с одним известным певцом-акыном. Акын был стариком, целый день ходил с веточкой райхона за ухом и пел обо всем, что видел. Правда, далеко не все, что он видел-пел, устраивало начальство, поэтому в отличие от других более понятливых акынов, он не был обласкан и осыпан орденами. Но его не трогали. Люба подружилась с его детьми, которые тоже пели и играли на инструментах, с его женой, а потом и с самим акыном. Акын садился под старый тувовник во дворе и пел, глядя на Любу. «Я слишком стар, чтобы понять новую власть и ее прихоти, но, когда я вижу прекрасную пионерку Любу, я готов принять и Маркса, и Энгельса, и других неверных. Ее родинка, как фисташка, щеки – тюльпан, на устах – веселый смех». Люба не оставалась в долгу и тоже пела... О чем пела, она уже не могла вспомнить. Запомнились только хлопающие ладони и счастливые голодные лица.

Теперь она снова пела о войне; иногда она переходила на узбекский, и тогда стоявший рядом Шухрат начинал переводить. Она пела о том, как они долго ехали с Украины, как в пути умерла бабушка и пришлось платить казахам, чтобы они ее похоронили. «Только по-человечески! Только по-человечески!» – кричала ее мать с отъезжающего поезда, и казахи кивали и молчали, потому что были уже мертвецки пьяны. Она пела, как около Ташкентского вокзала стоял адский табор из беженцев, раненых, больных, пухнувших от голода, и все это издавало вонь и стоны, и никто к ним не проявлял интереса, кроме жирных ташкентских мух. Как потом появился сутулый ангел, парень с фурункулом на щеке, как он ходил среди всего этого и тихо спрашивал на идиш: «Евреи? Здесь есть евреи?» – и выводил за руку из ада. Как он привел их в большой двор, где женщина купала в железном корыте хулого, как скелет, мальчика; как парень усадил их, прочитал молитву и обещал похлопотать.

– А потом, а потом угостил каждого из нас кусочком редьки! Ах, какой был тот кусочек редьки...

Ночной разговор с отцом. Он сидит на моей кровати; я, поджав ноги, слушаю.

Отец:

– Они устроили себе государство, отняв землю у палестинцев, даже ООН это признает. А США? Они же там всем правят. И война в Ираке – их делишки. Они везде, везде у них капитал. Везде делают свои дела. А ты их защищаешь!

– Я никого не защищаю, папа. Что вдруг с тобой случилось?

– Со мной ничего не случилось, это со всем миром случилось. У них везде свои шу-

* Известный блошиный рынок в Ташкенте.

пальца, и Джордж Буш – тоже их человек. И перестройку они сделали, все эти Сахаровы, Гайдары. И премию мне тогда не выписали, был у нас Абрамсон, начальник главка такой, все только своим, теперь у себя в Израиле, я представляю, что там вытворяет! Я тогда смолчал, а надо было не смолчать. А сколько у меня друзей было, и Лешка этот, Рубин, ты его не помнишь, и Эдик. И все они теперь туда. Для чего тогда они здесь у нас жили – сразу бы родились там у себя и жили! И не нужно было мне их дружбы, и на деньрождения свои меня приглашать не нужно было! И книжки мне читать не нужно было давать, у меня дома тоже книжный шкаф был! А врачи их на тепленьких местечках во всех поликлиниках, чуть что – им конфеты, а то еще не так диагноз напишут, мне случай такой рассказывали. И где теперь они все, к кому я сейчас со своей язвой должен идти? А мне операция нужна, а им всем наплевать – уехали! Потому что им наплевать на нас было, и Элле наплевать...

– Маму не трогай только.

– А почему не трогай? Она точно такая же. Точно такая. Она с ними всеми заодно, потому что у них это в генах, притворство. Вот теперь она у себя в Штатах, и уже притворяться не нужно, там у нее уже истинное лицо!

– Пап, зачем ты так?!

– Не надо мне на «ты», сто раз говорил! – Он вскочил с кровати. – Я – вы, вы, уважение, мне уважение, а не это, вот умру, будешь «ты», а Эллочка даже на похороны не придет, у нее там бизнес, авто... твечик...

Я принес из кухни банку кипяченой воды. Отец лежал лицом вниз, только вздрагивала спина. Я погладил его по руке:

– На, выпей... Выпейте...

– Ты с ней вчера разговаривал? – спросил, не поворачиваясь.

– Да.

– Что она говорит?

– Сказала, что скоро придет.

– Когда, не сказала?

– Про тебя спрашивала. И что очень скучает.

Отец промолчал. Достал платок, выбил нос. Отглотнул из банки.

– Как ты думаешь, – посмотрел на меня, – тех денег, которые она там скопила, мне на операцию хватит?

– Хватит. А не хватит – ту квартиру продадим, все равно пустая.

– Э, нет! В этой квартире ты будешь жить, когда женишься. Только обещай мне одно – что только на узбечке. Тогда я спокойно умру. Обещаешь?

– Зачем ты... Вы... все о смерти говоришь?

– Я знаю, что говорю. Теперь надо только найти невесту... Невесту...

Он засыпал.

Я поднялся и тихо направился к двери.

– Слушай...

Я остановился.

– А эта твоя израильтянка, которая приехала? Как... ее дела?

– Она больная, папа, – сказал я, уловив направление его мыслей. – Тяжело больная.

– А, это хорошо... Бедная... Надо ей что-то подарить... Возьми набор для специй, он почти новый...

Хотя мы договаривались на десять, Зимнишкие еще спали.

Мне открыл Дан и тихо провел на кухню.

– Хава всю ночь не спала, – сказал он шепотом. – Кажется, она нашла ее.

– Кого?

– Свою подругу.

Минуту мы сидели молча.

– Поешьте виноград, Шухрат угостил. – Дан придвинул ко мне мокрую миску.

Я вежливо положил в рот пару ягод.

– Я пойду, – сказал я, вставая.

Дан тоже встал.

– Я думал, вы подружитесь с Пальме. У него столько друзей. Но все младше него.

– Ну мы с ним общались... – начал я, словно оправдываясь.

– Я понимаю, – сказал Дан. – Вам с ним неинтересно. Вы не знаете, какой Пальме. Очень талантливый, ранимый. И все прячет. Наперекор всему делает из себя нормально-го человека. Это у него теперь как религия. Быть нормальным. Честно сказать, я боюсь за него больше, чем за Хаву... Кстати, где у вас можно купить редьку?

– Летом ее не бывает.

– Жаль.

Вышла в халате Леа, снова поразила меня сходством с мамой. Сварила кофе, рассказала, как участвовала в археологических раскопках. Вышел, потягиваясь, Пальме; Леа ловко кинула ему упаковку йогурта. Дан уехал куда-то с Шухратом, мы с Пальме сели играть в шахматы. Играл он хорошо, еще больше меня поразило, как изменилось его лицо, как зажглись умным светом глаза. Или мне это просто казалось после разговора с Даном?

Хава вышла последней. Умытой, благоухающей чем-то. Увидев меня, улыбнулась.

– Вам мат! – объявил мне Пальме.

– Почему он мне сам ничего не сказал? – кричала вечером в трубке мама. – Почему я от тебя узнаю об этой операции? Я его сюда привезу, его здесь прооперируют... Ну не могу я сейчас здесь все бросить, милые мои, сладкие мои, не могу! Я столько сил вложила, а от вас же мне ничего не нужно, только понимание! Ну что он там делает?

– Из двери выглядывает.

– Дай ему трубку.

Словно почувствовав, отец сделал шаг вперед.

– Будешь с еврейкой разговаривать? – спросил я тихо.

Отец виновато улыбнулся, погрозил мне кулаком и потянулся к трубке.

– Алло, Элла? Эллочка?

Я ушел к себе, нырнул головой в наушники и врубил девятую симфонию...

...Отец заглянул ко мне в комнату. Я отлепил от уха один наушник.

– Тебя!

Выполз в коридор.

– Да, мам?

В трубке кто-то тяжело дышал. Потом раздался осторожный голос:

– Это... Слушай, это я, Шишка.

– Шишка? Блин! Ты где, тоже в Штатах?

– Нет... Какие Штаты? Здесь я. Короче, в Египте.

– Где?

– Тише. В Египте, или не знаю где. Короче, пустыня кругом, никаких знаков.

– Бли-ин! Да что ты там делаешь?

– Кочую. С бедуинами. Тише... Я мелкого своего у Ленки увез. Ну похитил, типа. Суд ей его оставил, я, типа, нервнобольной, а она, сучка, – здоровая. Все бабки на адвокатов спустил, конкретно без трусов остался. Ну и что мне было терять? Хорошо, один араб знакомый меня с этими ребятами свел, бедуинами, теперь по пескам ходим...

– Шишка, ты это что, серьезно?

– А думаешь, шучу? Я теперь все, вне закона. Сына, блин, родного похитил. Границу незаконно пересек. Так что дело точно в Интерпол пошло. Ничего, здесь меня ребята понимают, не выдадут. Мелкий мой уже немного по-арабски чешет, а один из них вообще когда-то у нас в Ташкенте учился, мне как отец родной, узбеком меня называет... Я уже корзины плести научился. Что, не веришь? Хочешь послушать, как песок гудит?

Шишка замолчал. С полминуты я слушал сухой шелест в трубке.

– Шишка...

– А?

– Приезжай в Ташкент! Мы здесь вас как-нибудь это...

– Да я уже думал сто раз об этом! Не получится. И не доеду я, мои данные уже в компьютере. Ничего, помогаюсь пока по пустыне. Главное, сын со мной, вот. А когда вырастет, пусть сам решает... Зимнишкие приезжали?

– Сейчас здесь, послезавтра уезжают. Мог бы, блин, предупредить насчет Хавы...

– А что?

Я коротко рассказал.

– А, ну это еще ничего. Она здесь и не такие выкидывала номера. А если честно... Знаешь, я, наверно, один человек, который знает ее секрет. Другой раз расскажу, тут у меня уже лимит на исходе... Короче, она не сумасшедшая. Вот. Ладно, пока.

– Шишка, не пропадай!

– Ладно, выкарабкаюсь. Главное – сын. Сын...

Гудки.

На следующий день мы собрались на прощальный ужин у Зимницких.

Пришел Шухрат в галстук и уже без трогательного платочка на голове. Приковыляла Любовь Холоденко с семилетним внуком: «Это мой кавалер!» Пришел и мой отец; специально его пригласили, и теперь он прижимал отмытый и увязанный в тряпочку набор для спеший.

Все как-то разместились на кухне. Тускло горела керосиновая лампа, сопел патефон: «Счастье мое... я нашел в нашей дружбе с тобо-ой». Шухрат неожиданно поднялся, вздохнул и пригласил Любовь Борисовну, и они затоптались на маленьком пяточке около стола. «Я не знала, что вы так элегантно танцуете», – говорила Леа, а Шухрат краснел: «А я не всегда шофер был. Это я сейчас, чтобы детям хлеб был, а в прошлой жизни в Домкультуры работал!»

Потом пластинка доиграла, все посмотрели на Любовь Холоденко. «Я очень волнуюсь», – сказала она, обмахиваясь веером. Отец налил ей воды. Отпив, она хлопнула в ладоши.

**Вот мы все здесь собрались,
Чтоб доставить друг другу радость,
Керосиновая лампа,
Озарявшая мою юность,
Снова горит, доставляя нам радость.
Только бы не война!
Вот сидит Дан Зимницкий
И смотрит печальными глазами
На эту старую лампу,
Так пусть же он будет здоров...**

Я тихо переводил на английский. «Не надо, – шепнула Леа. – И так понятно...»

**Вот стоит красавица Хава,
Ей дал Бог две жизни, и обе она живет разом;
Как будто пьет вино из двух бокалов.
Я встречала таких женщин, Хава,
Они были, как пересоленный суп, Хава,
Как переперченный фиш, Хава,
Но люди их любили...
Только бы не война!**

Спев о каждом, певица поклонилась и села. И тогда встала Леа.

– Дорогие гости, в комнате накрыт стол. Но до этого просим разделить с нами ужин, который заказала моя дочь Хава. Она извиняется, что не может участвовать с нами потом, поэтому – вот...

Пальме снял с антресолей жестяную миску и пошел по кругу.

В миске лежала нарезанная редька.

Каждый по очереди брал один кусочек.

– Бабуленька, не плачь, – говорил внук Любви Борисовны, старательно вытирая ее щеки платком. – А то сейчас как косметика потечет!

– Это у твоей мамы – косметика, а я уже свое открасила...

– А откуда летом редька? – спросил я.

– Шухрат где-то достал.

– Представляю, сколько за нее заломили, – вставил отец.
– Нет, акя, сам удивляюсь, только им сказал, для чего беру, – вообще денег не взяли.
Отец на это что-то промычал, а потом наклонился ко мне.
– Слушай, а эта... Леа, она маме нашей случайно не родственница?
– Похожа, да?
– До мурашков! Ты бы предупредил хотя бы...

...А я смотрел на Хаву. Она стояла в дверном проеме и медленно откусывала редьку. Тени мотыльков, кружащихся вокруг лампы, скользили по ее лицу; в глазах отражалась нишенская кухня, где сидели и медленно ели редьку люди, большинство из которых она вскоре уже никогда не увидит...

Публика перетекла в зал. Здесь уже горели свечи и был накрыт огромный, роскошный стол. Мужчины стали разливать шампанское.

– Иди, покушай, – говорила Любовь Борисовна внуку, – а я пока в креслах посижу. Что? Да. Уже наелась. Чудесная была редька...

Странно, мне тоже не очень хотелось есть. Прожевав что-то, я вернулся на кухню.

Хава все так же стояла возле лампы. Стояла и смотрела.

Предупредив Лею, мы вышли. Мы с Хавой.

Я чувствовал спиной долгий, напряженный взгляд Леи...

Мы держались за руки и молчали. Никогда еще в моей ладони не было такой хрупкой, все понимающей женской руки.

Так дошли до Курантов. Пересекли Сквер, свернули на когда-то шумный, а теперь совершенно стерилизованный Бродвей. Иногда Хава выскальзывала из моей ладони и шла к какому-нибудь дереву. Или дому. Наверное, прошалась.

Внезапно воздух прорезал металлический звук.

Несколько человек пилили огромное старое дерево; сыпалась листва.

Хава сжала мою ладонь: «Его зовут Роман. Роман Осипович Крейнис, скрипач».

Рухнула еще одна ветка.

Я бросился вперед.

Она схватила меня за край футболки. Я смотрел на нее. Ее глаза: «Ну что ты им скажешь? Про Романа Осиповича? Разве кому-то есть дело до души нищего еврейского скрипача, едва не пропившего скрипку? Лучше закрой глаза и послушай. Сейчас он будет играть на скрипке в последний раз».

Я послушно закрыл глаза.

Было слышно, как снова завизжала пила, как рухнула еще одна ветка. Ругнулся кто-то из рабочих.

Потом на секунду наступила тишина.

И я услышал скрипку. Так отчетливо, что вздрогнул и открыл глаза.

Мимо нас, размахивая двухкассетником, шли подростки. Звуки скрипки неслись прямо из мафона и совершенно не вязались с этой толпой, пустой и плоской. Будто вставили не ту кассету и не успели еще этого заметить...

– Это Шостакович, музыка к фильму «Овод», – узнал я.

Хава кивнула.

– Прошайте, Роман Осипович...

Подростки, шаркая и шелестя плевками, прошли; снова завывала пила.

Когда я вернулся, папы еще не было. Надрывно звонил телефон.

– Алло!

– Привет.

Марина. Моя невеста. Как бы невеста. Сейчас спросит, почему не звонил.

– Что не звонишь?

Только не оправдываться. Ни в коем случае не оправдываться.

– Маринка, я... был занят. Да, занят.

– А я тебе звонила... Мог бы номер набрать...

– Марина!

– Да.

– Ты меня слышишь?

– Да, говори.

– Мы не поженимся. Отец сказал, чтоб я женился только на узбечке. Да, серьезно. Алло... Алло, ты меня слышишь? Алло! Алло, Марина... Марин, я пошутил. Ну не молчи, я пошутил, алло! Ну говорю, пошутил... Пошутил!..

**Какое счастье на Алайском рынке,
Когда шумят и плещут тополя!
Чужая жизнь – она всегда счастлива,
Чужая смерть – она всегда случайность.
А мне бы только в кепке отсыревшей
Качаться, прислонившись у стены...**

Вечером они улетали.

Я стоял рядом с огромным чемоданом, в который был умят будущий интерьер «ташкентской комнаты». Корзина с виноградом и яблоками, дар Шухрата.

Пальме все время разговаривал по мобильному, отвернувшись и почесывая спину. Хава неожиданно заснула, прямо на плече Дана. Дан отнес ее в тень и теперь пытался прикрыть телом от шума и грохота аэропорта.

Только Леа в тубетейке стояла рядом. На пальцах мутно горели кольца. С шеи свисали золотые цепочки в росинках пота. Темные, непроницаемые очки.

– Леа...

Стали объявлять какой-то рейс.

– Леа, я хотел вас спросить.

– Если насчет моей дочери, то бесполезно.

Она вытерла щеки серой от пыли салфеткой.

– Это бесполезно. Мой муж сделал все, что хотел. Свел с ума дочь, теперь разыгрывает короля Лира.

– Свел с ума? Дан?

– Послушайте, ну что вы лезете? Что вы все время делаете вид, что понимаете, что вам интересно? Вы обычный добрый, порядочный человек, разве вы можете нас понять?!

– Вы очень похожи на мою маму...

Леа усмехнулась.

– Дан тоже говорил мне всегда, что я похожа на его мать. Потом, много лет спустя, я узнала, что он ненавидел ее. Ненавидел всю жизнь. И женился на мне только для того, чтобы ей отомстить.

«Объявляется посадка на рейс...»

– Но для мести он почему-то выбрал именно нашу дочь... Вот, кстати, он вас зовет! Смотрите, как машет. Ну только посмотрите на него! Заботливый папаша...

Дан протягивал мне конверт с деньгами.

– Нет-нет, возьмите, вы потратили на нас столько времени!

– Отпуск мне и так полагался, – отклонял я его руку.

– Мы жили в вашей квартире!

– За жительство в такой квартире еще я вам должен доплачивать. – Я пытался шутить.

– Хорошо... – Дан опустил руку с конвертом. – Может, у вас будет какое-то желание... Мы состоятельные люди.

Я посмотрел на Пальме, который все стрекотал по мобильному, заполняя паузы рыжими глотками «Фанты». На Лею. На молодежливое лицо Дана в нелепой седине.

И на Хаву.

Она спала внизу на расстеленной куртке.

– Я бы хотел поцеловать Хаву. На прощание.

Я наклонился. Мои губы мягко приземлились на впалую ее щеку. Теперь немного левее. Я уже ловлю ее дыхание, горячее дыхание в горячем пыльном воздухе.

Ничего не произошло.

...Голос Дана говорил, что это не желание, что они пригласят меня к себе, оплатят дорогу и повезут по всему Израилю. Потом голос Леи сообщил, что объявили начало регистрации и нужно идти. Потом голос Пальме стал произносить слова, которые произносят все нормальные люди при прощании, его голос зазвучал совсем рядом, потому что Пальме решил обнять меня; от его спортивных объятий пахло потом и «Фантой». Потом голос Леи тихо просил меня забыть все, что она мне сказала; просьба была хрустко обернута в поцелуй, прошуршавший где-то возле уха, как неловко брошенный букет...

Дан уносил на руках спящую Хава.

Рукав на ее тонкой, свисавшей руке задрался, стала видна выжженная звезда и порядковый номер. Пальме, шедший рядом, стал быстро поправлять рукав. Потом их заслонило толпой.

Назад меня вез Шухрат. Я сидел молча, боясь потерять оставшееся на губах ощущение от впалых щек Хавы.

– Хорошо, что дочка уснула, – говорил Шухрат. – Проснется здоровой. У нас же земля лечит. Вода-хлеб сладкий, виноград сладкий, яблок сладкий... Отлично проснется! Эх, какой клиент хороший был... Солидный!

Потом я получил от них письмо...

Хава Зимницкая, 7041, открывает глаза. Она чувствует, как рядом открываются еще десяток глаз. Открываются и смотрят в спертую, непрветриваемую темноту барака. Она чувствует, как открываются в темноте гнойные рты; они пытаются что-то сказать, предостеречь, завывать. Ее рот тоже поддается этой слабости, и она зажимает его рукой. Лают собаки, женщины поднимают головы, опускают сухие стебли ног, ошупывают темноту. Потом к ним заходят с фонарем, обжигаящим глаза, начинают выводить. «Простимся, Хава», – говорит ей маленькая Дора и пытается ее обнять, но желтый луч фонаря разрубает их объятия, расталкивает, оглушает нарастающим лаем. Хава слышит, как начинает петь Певица, она всегда поет в бараке, и за это ее бьют больше других, еле ноги передвигает. «Ломер але инейнем, инейнем...»*, – дрожащими руками складывая в узелок вешки, потом: «Вот нас ведут так рано... Такое раннее утро, мы еще не успели... Доглядеть наши сладкие сны, Боже, Боже мой...» Хава видит, как Певицу бьют наотмашь и ее поющая голова исчезает, потом появляется уже с красной трепещущей ветвью во рту: это не кровь, девочки мои, это наши песни... А Хава уже совсем проснулась, она идет, почти касаясь бритым затылком серого неба, и тучи, как отрубленные косы ее сестер, пытаются сплестись в одну бесконечную дымную косу. Она чувствует, как их ведут вдоль колючей проволоки, как удлиняются ее собственные руки, почти касаясь земли; концы пальцев загораются, уже горит одежда, но пока еще рано, думает Хава, и огонь гаснет... «Вот они нас ведут так рано, так рано... – тихо напевает Певица, растирая по лицу сок красной ветки. – У меня еще не было ни мужчины, ни сына... Моим первым мужчиной будет огонь, вторым – Господь наш Израилев, а сына у меня не будет...» Хава слышит выстрел, но не оборачивается. Новая мысль уже наполняет ее. Эта мысль приходит теплым глотком света, нагретой гроздьё винограда, опускающейся прямо на ладонь. Мысль из оборванного, недосказанного сна, где выходили из берегов арыки, глиняные улицы и базары и затопляли собой далекий город, куда успела бежать ее тетка, а потом и остальная семья... Этот город, теплее и прекраснее которого не может быть ничего во вселенной, город, где поцелуй пахнет пылью и соком граната, где нет ни голода, ни войны, а только бесконечный свет... Этот город снится Хаве каждую ночь, его огромные деревья, говорящие на идиш и других неведомых языках, его бесконечные глиняные дома и общие дворы, где в каждом окне шьют, играют на скрипке, чинят обувь, возжигают свечи... И перед сиянием этого города бледнеет черная труба крематория, и лай овчарок – Господи, зачем они так страшно лают?! – и крики конвойных... И сама Хава уже растворяется в этом свете и уже бродит между нагретыми стволами чинар и бегущими в пыли детьми, прижимая к груди розовую мякоть огромного помидора и обветренный кусочек редьки... И смеется, захлебываясь от лучей солнца, изливавшего на город свою бесконечную, горячую, ничем не объяснимую милость...

* Начало застольной песни.

НОВЫЕ ИМЕНА

НЕ ПАРА

Рассказ

Они сидели напротив друг друга за маленьким столиком в кафешке, куда оба часто заходили поодиночке, но только сегодня впервые встретились за одним столом.

Он, когда-то веселый, озорной паренек, сегодня уже взрослый серьезный мужчина. Она, веселая, уверенная в себе девчонка, – уже спокойная, уравновешенная девушка.

Разговор не клеился, и даже не начинался. Подошел официант, он сделал заказ. Попросил принести что-нибудь выпить. Нет, конечно, не спиртного. Сок? Да, она будет сок. Нет, она сыта, только сок. Ну, если он хочет, то может без стеснения пообедать. Да, он будет обедать, и она тоже. Это не вопрос. Официант записал заказ и отошел. Вот теперь нужно что-то сказать. Но... слова куда-то исчезли. Он посмотрел в окно: мелькали одна за другой машины. Кто-то сигналил, кто-то остановился у светофора. Красный. Желтый. Зеленый. Первый ряд машин тронулся, за ними другие. Опять сигнал. А вот учебная машина, за рулем девушка, видимо, не может... нет, вот, кажется, поехала. Машина, дергаясь, выехала вперед. И все, кто сигналил минуту назад, смог продолжить свой путь. Все это он наблюдал в окно, но все его существо ошущало лишь одно – она сидит напротив него. То посмотрит на него, то взглянет на дорогу, где происходит это вечное безостановочное движение. Он не знает, о чем она думает. Наверное, о том же, что и он. А о чем думает он?

– О чем же это ты так долго раздумываешь? – вдруг спрашивает она.

Он повернулся в ее сторону, посмотрел на нее ясными глазами, немножко грустными или печальными, или усталыми – она не поняла. Снова отвернулся к окну. Подошел официант, поставил перед ними приборы, открыл сок.

– Спасибо, я сам налью, – остановил он официанта. Тот отошел. Взяв салфетку, он протер ее стакан, потом свой, налил и протянул ей стакан, рука его повисла в воздухе ожидая, когда она возьмет.

– Спасибо.

– Пожалуйста. Хорошая погода, правда?

– Правда. И машин много. Сколько ты их сосчитал?

– Сбился со счета.

– Начни заново.

– Не могу.

– Почему не можешь?

– Не могу сосредоточиться. Ты мне мешаешь, – сказал он мягко, но серьезно.

Она посмотрела на него в недоумении:

– Мешаю?

– Да.

Ойгуль БАТИРОВА

Родилась в 1985 г. Окончила переводческий факультет УзГУМЯ. Занимается литературной деятельностью и переводами. Живет в Ташкенте. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

– Я могу уйти.

– Куда? Тебя разве кто-то ждет? – это было сказано специально, чтобы обидеть ее. Он хотел ей сделать так же больно, как было больно ему. И не понимал, что ей и без того очень плохо. А может, и понимал, только слова уже вылетели, их не вернуть.

«Ну, что же, пусть язвит, – подумала она. – Только не молчит. Все, что угодно, только не молчание».

– Я хочу пирожное! – сказала она.

Он приподнял левую бровь:

– Пирожное? Это ведь сладкое, а сладкое едят на десерт.

– А я буду сейчас!

– Я люблю твое «Сейчас!», – неожиданно для обоих сказал он.

– Я знаю.

– Откуда?

– Девушки это чувствуют.

– А мужчины тоже чувствуют, или это дано только девушкам?

– Не знаю насчет мужчин. Ты мужчина, ты и должен знать! Я говорю о девушках!

– Ты же все знаешь! Вот и скажи!

– Что тебе сказать, любишь ты меня или нет? Я не знаю, я слишком поглощен собой, своими чувствами, чтобы размышлять о твоих! – сказал он и подался вперед.

Она откинулась назад, облокотилась на спинку стула.

– А ты совсем не изменилась, да! – он впился взглядом в ее лицо, пытаясь понять, изменилась она или нет.

Опустив ресницы, она протянула руку к стакану, поднесла его к губам, взглянула и отпила несколько глотков. Все это время он не дыша смотрел на нее, сам того не осознавая. Поставив стакан на стол, она сказала чуть громче:

– Я? О, нет! Я очень изменилась!

Он вздохнул и тоже облокотился на стул.

– И что же произошло в твоей жизни, что тебя так изменило?

Она молча отвернулась к окну и задумалась о своем. О своем, о том, что ее так изменило.

– Расскажи, – услышала она его голос, – Расскажи мне, я хочу знать.

– О, нечего рассказывать, поверь мне. Это история длинная, но рассказ из нее получится никудышный!

– Все же расскажи, – настаивал он.

Она долго молча смотрела в окно: то ли считала машины, то ли запоминала номера, как она делала это раньше. Он тоже молчал, боясь нарушить ход ее мыслей. Опять подошел официант, принес заказ. Кажется, она и не заметила.

– В моем рассказе нет ничего необычного и интересного для тебя, – наконец сказала она.

– В твоём рассказе самое необычное и интересное – это Ты! – перебил он ее. Я хочу тебя послушать. Просто послушать твой голос! Я любил тебя слушать. Мне часто этого не хватало. Какой там часто! Всегда! Ты просто расскажи мне о себе, а я внимательно слушаю. Не отказывай мне хотя бы в этом!

Она повернулась к нему:

– Последний раз, когда я тебе отказала, я горько-горько об этом сожалела! – сказала она улыбаясь.

Он затаил дыхание. Услышать это от нее? Видит Бог, как ему хотелось этого! Но услышав, посмотрев ей в лицо, в глаза, он испытал чувство невыносимой боли. Она кротко улыбнулась, опустила ресницы. Он не выдержал, пересел к ней. Взял ее руки в свои. Она попыталась освободиться, но его рука оказалась сильнее.

– Нет! – только и сказал он.

В этом кафе для них не было никого. А если и были, то им это было безразлично. Единственное, что имело смысл – это они, два человека, сидевшие рядом и с болью, отчаянием и тоской смотревшие друг на друга. Руки сплетены.

– Когда-то я готов был отдать все на свете, чтобы услышать от тебя эти слова. Но вот я их услышал и понимаю, что отдал бы все на свете, чтобы ты этого не говорила! – прошептал он приглушенным голосом.

Непонятно, почему у нее на глазах выступили слезы. То ли от счастья, то ли от обиды, то ли от раскаяния или сожаления. Она хотела смахнуть их, но руки были в его руках, ей не хотелось освобождать их, и она отвернулась.

– Ну, что ты расскажешь мне? – тихо спросил он.

– Да, я должна рассказать! Мне станет легче! Только обещай мне, что ты выскажешь вслух свое мнение обо всем этом, ладно?

– Обещаю!

– Это все началось зимой, – начала она свой рассказ, – сразу после того, как мы... – она замолчала, выбирая подходящие слова.

– Как ты меня отшила?

– Нет, когда я думала, что... – снова пауза.

– Ты всегда излишне много думала, и вот эти твои думы...

– Так ты дашь мне рассказать? Или мы будем обсуждать наше прошлое?

– Нет, извини, просто, когда я вспоминаю все, я так нервничаю, что не могу сдержаться! Продолжай!

– Да мне уже не хочется продолжать...

– Ну, хватит, продолжай!

– Ты опять будешь меня перебивать? – сердито спросила она.

– Нет, тынисколько не изменилась! Такая же упрямая, как ослица!

– Что?! Как ослица?! Ты меня еще и оскорбляешь?! – возмутилась она.

– Я не говорил, что ты ослица! Я сказал, что как ослица упрямая! Не надо цепляться за слова! Не хочешь – не говори! Ешь, все остыло! – он пересел на свое место и, вооружившись вилкой и ножом, начал внимательно изучать содержимое своей тарелки. – Все, ешь, забудь обо всем! Ешь!

Она молча взяла вилку и начала есть.

– Мм, как вкусно! Хорошо, что и мне принесли, а то я бы завидовала, как ты ешь, а у тебя бы потом живот болел! Но с другой стороны, было бы классно, если б у тебя разболелся живот!

Он сделал вид, будто поперхнулся, и начал кашлять. Потом вдруг отодвинув стул, скрючился и начал причитать:

– Ой, вот ужас! Твои слова действуют!

Она даже не улыбнулась, хотя все это выглядело смешно.

– Жаль, что ты притворяешься! – сказала она.

– Ах, ты, жестокая! – он принял прежнюю позу и продолжил орудовать вилкой.

– Жизнь такая! – просто ответила она.

– А еще не хотела есть! Говорила, что сыта, что будешь только сок! – он попытался передать ее интонации.

– Ты же заказал, вот мне и пришлось согласиться!

– Если бы ты всегда была так послушна, все бы было по-другому! – сказал он, отпивая сок.

– А что было бы? Вот мы с тобой и ругались бы из-за всякой мелочи!

– Нет! Если бы ты меня слушала, я бы тебя на руках носил!

– Ты? Да ты на базаре-то с тележкой ходишь и двух килограммов не поднимаешь, что уж обо мне говорить! – рассмеялась она. – Все, хватит, я не собираюсь с тобой ругаться! Лучше ешь, а то и аппетит пропадет!

– Уже пропал! – вставил он нахмурившись.

– О-о! А у меня наоборот! Только разыгрался! Кажется, я закажу еще какое-нибудь блюдо! Ты не против?..

– Я с удовольствием закажу тебе еще и еще! – глазами он начал искать официанта. Когда тот подошел, сделал заказ. – Если хочешь что-нибудь еще, скажи! – в его глазах прыгали веселые чертики.

– Если захочу, скажу, пока этого достаточно! Спасибо!

– Вот ты змея! – он рассмеялся. – И все же мне с тобой так хорошо! Я, наверное, сам какой-то не такой! Мазохист! Люблю, когда меня мучают!

– Разве я тебя мучаю?.. Ммм, какая прелесть! Вкуснятина! У тебя тоже так вкусно?

– Вкуснее! Так, рассказывай о себе!

– Да, все у меня отлично! Работаю, живу в свое удовольствие. Учю еще два языка.

– Как интересно! Какие же?

– Испанский и французский.

– Да ты что! Сначала нужно родной выучить! А потом иностранные языки учить! – сказал он важным видом.

– Да, что ты говоришь! Я на своем родном говорю лучше, чем ты!

– Язва!

– Ты мне все равно не испортишь аппетит! Вкуснятина!

Они продолжили словесную перепалку, выливая в своих шутках накопленную обиду и горечь. Ему было неприятно, что она не хотела говорить о себе. А ей было обидно, что он недостаточно корректный слушатель. Она хотела поделиться с ним, он хотел ее слушать, но все вылилось в глупую словесную дуэль.

– Э, мне совсем не хочется ругаться с тобой сразу, с первой минуты! Давай хотя бы попозже что ли! Выкладывай все о себе!

– Почему ты решил, что у меня есть что сказать?

– В новостях слышал! Устраивает?

– Вполне! Слушай, я так устала. Давай не будем язвить! Ладно! С чего вообще это началось? – спросила она усталым голосом.

– Ты просто вспомнила, как ты меня отшила!

– Нет, это ты меня сравнил с ослом!

– Нет, с ослишей! Почему ты все неправильно понимаешь?!

– Ну, ладно! Все, теперь ты мне точно испортил аппетит! Все, я хотела нормально поговорить, а вместо этого... Дура я! И зачем я согласилась встретиться с тобой! – разозлилась она. Взяла салфетку и начала старательно вытирать руки и губы.

– Ты забыла, что заказала еще одно блюдо! – напомнил он, не зная, как разрядить обстановку.

– Ешь его сам! Ты так старался испортить мне аппетит – вот и добился! И вообще, не надо жалеть, что у нас ничего не вышло! – сказала она, вставая из-за стола.

– А кто тебе сказал, что я жалею?! – не выдержал он. – Хорошо, что ты меня тогда отшила! А то бы я повесился! Ты молодец! Я тебя должен до конца жизни благодарить! Спасибо!

– Ну и, пожалуйста! – бросила она, направляясь к двери.

И тут он понял, что она уходит. Она шла быстрой походкой, гордо подняв голову, а он не мог ничего предпринять! Гордость мешала ему помчаться за ней, остановить, просить прощения.

Она поспешно сбежала по ступенькам. Теперь, когда он был достаточно далеко, она дала волю слезам. Дура! Ну, как она могла согласиться на встречу с ним! Почему все так вышло?! Почему она не встала раньше, когда он только начал разговор о прошлом! Сама виновата! Надо же, думала, может у них что-нибудь получится, ведь если бы не ее нерешительность тогда... Хотя она правильно сделала! Что бы у них получилось?! Все равно бы ничего не вышло! Все, она никогда больше не встретится с ним!

Говорят, что все в природе имеет пару. Глаза, брови, руки, ноги и т. д. А любовь так прекрасна, где ей пара? А вера – это еще прекраснее, где пара веры? Надежды? Как наши руки умеют делать добро и зло, как наши глаза умеют видеть и свет, и мрак, так и Любовь! Рядом с ней ходят сомнения, отчаяние, тоска, одиночество. Что такое Вера? Вера – это обман, иллюзия, с которой человек заставляет себя жить! Надежда? Это звезда, на которую мы смотрим, восторгаемся и ждем, что вот-вот она упадет в наши руки! Но разве звезды падают в руки сами по себе? Значит, это тоже обман. А что такое обман? Обман – это Мечта! Которая, как и надежда живет в нашей душе. Светит, греет, придает цвет, яркость нашей жизни. Потому-то и выходит, что все люди подвержены обману, не могут устоять перед ним, перед мечтой, а следовательно глупы, но каждый считает себя умнее других!

Хотя, что может быть прекраснее глупца, не осознающего своего умственного убожества. Ждать любви, жить в мире фантазий, расцвеченной красками мечты, жить, пользуясь лишь одним глазом, который видит только свет, одной рукой, которая делает только добро, и думать, что жизнь прекрасна, какой бы мерзкой она ни была на самом деле. Вера, Надежда, Любовь наполняют нашу жизнь, кажется, что ждут нас впереди, и не позволяют осознать, что все это лишь прекрасный обман!

УЛЬТИМАТУМ

Рассказ

Привет! Пишу вам письмо потому, что писать смс бессмысленно! Неизвестно, прочитаете ли вы его, а если прочитаете, ничего не ответите! А письмо я заставлю вас прочитать!

Хочу сказать вам, во-первых, что мне надоело «сидеть» дома, а на самом деле пахать с раннего утра до позднего вечера! Без выходных, без зарплаты и премий. Без отпусков и корпоративов! А самое главное, без единого слова благодарности!!! Вы считаете, что, сидя дома, я отдыхаю, ем то, что вы мне покупаете, лежа на диване смотрю ТВ! Болтаю по телефону, пишу вам пустые смс или вечно названиваю вам, когда вы, бедный, за рулем, с друзьями или на работе!!! Я отдыхаю дома, не догадываясь, что вы заняты, в отличие от меня!!! Что когда я ругаюсь с вами и требую от вас денег на шмотки раз в полгода не больше ста долларов, я порчу вам здоровье и нервы! Потому что у вас есть и нервы, и органы, которые можно испортить! Так вот! Знайте, у меня тоже они есть! Есть и другая жизнь! Помимо этой домашней индустрии: этой плиты, пылесоса, этого полового ведра, которое я сама себе позволила! Этих тряпок и тарелок! И стирки, которая никогда не кончается! Только постираю, освобожу все, как тут же вы бросаете на пол в ванной комнате свои носки, хотя нет, носки ваши я достаю из-под кровати. Носки вы даже не утруждаетесь бросить в стирку! Так вот, вы опять бросаете ваши трусы и майки! И дальше, пошло-поехало!

Наш сын решил, что в туалет ему ходить каждый раз, когда он хочет пописать, необязательно, можно и в штаны! А вы так менторски, так по-умному открываете мне Америку и говорите, что если эти трусы, колготки и его брючки я сразу сполосну, у меня не будет собираться так много грязного белья! Конечно, за совет вам спасибо! А то я действительно каждый раз стирала все в порошок! Как дура, стараюсь стирать все вручную, потому что экономлю ваши деньги, т. е. порошок, свет, стиральную машину! Каждый раз думаю, что вам приготовить на ужин и звоню, чтоб узнать, что ваша честь сегодня желает увидеть на столе! Но у этой «чести» нет времени, чтобы ответить мне. Он за рулем, кругом одни гаишники, которые могут оштрафовать! Конечно! Жена не оштрафует! Не остановит и не будет требовать документы! Вот и плевать можно на нее! Готовим ужин, ваша честь заявляется домой с ужасно уставшим видом! Брови нахмурены! Голоса вообще не слышно, к вечеру он у вас садится, губы надуты! Обувь снимается где попало! И как попало, не важно, что я ковры чистила, пол мыла! И конечно же я должна раздеть нашего сына, разуть его и помыть руки. Подать вам ужин. И не дай Бог, если что-то не так, например, я не подам вам салфетки. Сразу же тяжелый, недовольный вздох с такой легкостью срывается с ваших уст, что хочется кричать! Молча вы завершаете трапезу и... и идете к компьютеру: уставший человек снимает с себя напряжение, играя в инете в Дурака! Если начинают кричать дети, вы тут же спокойным ровным, прокурорским голосом объясняете мне, что вы целый день были на работе, теперь хотите отдохнуть и просите меня очень вежливо, чтоб я успокоила детей и отправила их спать в 7 или 8 часов вечера! Стоит мне открыть рот, как вы, в лучшем случае, отключаете комп и идете к телевизору! И опять, несомненно, вырывается тяжкий вздох! И так как вы страшно утомлены, ложитесь на кровать, смотрите ТВ, а через 15–20 минут уже слышится храп! Естественно, вы просыпаетесь рано! Раз уже в 9 вечера вы видите свой одиннадцатый сон! Опять вам готовь завтрак и провожай вас! А после вас по дому будто прошел торнадо! Или цунами, или тайфун! Или бомба взорвалась! Вы ведь не знаете, что у меня целый день уходит на то, чтобы привести все в порядок! Да

еще надо следить за вашим сыном! Дай, Аллах, вам всем здоровья и долгой жизни! И только я вздохну облегченно, как вы уже снова звоните в дверь... И все сначала!

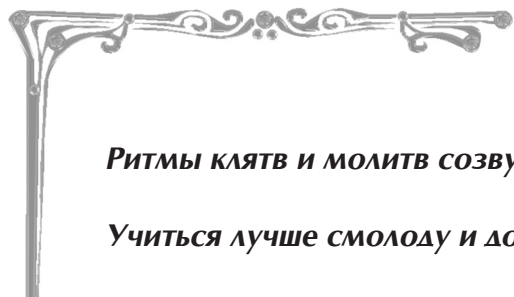
Почему вы думаете, что я, уставшая за целый день, тоже не хочу отдыха?!. Просто полежать и посмотреть ТВ! Почему вы считаете, что все дела по дому я обязана безвозмездно и бесконечно делать сама?!. Сейчас вы мне скажете: ну отдыхай, не делай! Смотри ТВ! Кто тебе мешает! Почему я стараюсь вам угодить, а вы считаете себя настолько уставшим, что даже не находите в себе ни сил, ни желания, ни терпения, чтоб просто заметить это, поговорить со мной! Стоит мне открыть рот, как вы просите меня не скандалить! Знайте! Я тоже человек, хоть и ЖЕНЩИНА! Женщины – это не только те, которые на улице улыбаются и кокетничают с вами! Я более, чем ЖЕНЩИНА для вас, потому что я мать ваших детей! Хранительница ВАШЕГО очага! Я жду вас дома, готовлю вам, стираю, воспитываю ваших детей! Я забочусь о вашем здоровье, о ваших деньгах, о вашем доме и стараюсь угодить вашим родственникам! Я, рискуя своим здоровьем, родила детей! Я действительно не здорова! У меня больная печень, хоть вы и смеетесь всякий раз, когда я говорю, что меня сердце беспокоит или что-то еще, как будто я не живой человек, а кусок железа! Это я стираю ваши грязные носки и трусы, а не те, что ходят с вами в сауны и рестораны! И неужели я не заслуживаю того, чтобы вечером вы уделите мне час своего драгоценного времени! Неужели нельзя просто поговорить, пошутить! Неужели дома нужно только спать!!! Тогда вам не нужна 4-х комнатная квартира! Вы лучше купите себе одну маленькую коморку! Поставьте кровать и повесьте на стену телевизор!

Если же вам надоедает одна женщина, то почему вы считаете, что нам не надоедает один и тот же мужчина?! Вы считаете, что только непорядочные женщины изменяют своим мужьям, а порядочные терпят этих мужей! Так вот, хочу развеять ваши суждения по этому поводу! Все женщины так же, как и все мужчины, одинаковы! Одинаково непорядочные! Для женщины самое главное – чувства! Знайте, любая непорядочная женщина, если полюбит, станет порядочной и будет верной, если любовь будет взаимной! И любая порядочная женщина может сделать что угодно от отчаяния! Лично о себе вам скажу! Я тоже иногда хочу новых ощущений! Мне тоже хочется принять дружбу того или иного претендента, хотя бы просто ради того, чтобы поболтать, пообщаться! Хочется услышать комплимент, обсудить что-нибудь, и, будьте уверены, мой собеседник не упустит возможности, в отличие от вас, сказать мне, какая я умная и приятная! Интересная и развитая! Вы думаете из ста, предлагающих мне дружбу знакомых, не найдется мужчины, который будет интересен мне?!. Или, может, вы думаете, что на меня никто не посмотрит?!. Клянусь, ваше поведение свидетельствует об этом! Знайте, на каждый товар есть покупатель! Вы же нашлись! Почему вы считаете, что другого не найдется! Скажу честно, я комплекую сейчас! Но будьте уверены, я могу одеться, причешусь, накрашусь – и все дела! Пообедав со мной один раз, мужчина решится на все! Но я не принимаю ничьей дружбы. НЕ потому, что я настолько порядочна, а потому, что я все еще жду и надеюсь на вас! А вы это разве цените?!. Вы говорите комплименты? Плевать, что вы их не хотите говорить! Их хочу слышать я! Вы говорите, что вы любите?! За 4 года совместной жизни вы хоть раз сказали мне об этом?! С чего вы решили, что мне не обязательно это слышать?! Я не мебель, которую можно поставить где-то в комнате и иногда вытирать с нее пыль! И даже не собачка, потому что и с ней нужно играть, выгуливать, кормить! Словом, смотреть за ней! Я ЖЕНЩИНА! Повторяю вам, и обращайтесь со мной как с женщиной, а не с прислугой, которую вы наняли! Времена рабства прошли! Сейчас нет рабовладельцев: прислуге нужно платить, а жену любить!

Словом, одного базара мне мало! Я же не просто огромный желудок, которому

нужна только еда! Я такой же человек, как и вы! И чушь это, что женщины ниже мужчин! Мы все равны в глазах Аллаха! Ваши грехи – не грехи, а наши что?!. Мы должны читать намаз, а вы нет что ли?!. А если вам нужна была забитая раба – не по адресу! Но стучаться в другую дверь уже поздно! Так что подстраивайтесь под меня так же, как и я подстроилась под вас! И знайте, я никогда не буду терпеть ваше плохое поведение! Вы строите себе дом, но его фундамент (наши отношения) слаб! Бойтесь того дня, когда он рухнет, когда мне станет ясно, что от вас ждать нечего, что никогда ничего не изменится. Не говорите мне о других семьях и других мужьях, которые ничего не делают для своих жен! Меня это не утешает. Бойтесь потерять то, что легко разрушить и потерять, и чем вы пока еще владеете...

Знаю, снова тяжкий вздох, снова противоречие! Снова несогласие! Но мне все равно! Мои требования просты: ежемесячная зарплата, помимо одежды и мелких расходов, в размере 100 американских долларов! С портретом Бенжамин Франклина! Внимание и забота, культпоходы в кино, в театр раз в месяц, в рестораны, не менее 5 раз в день комплименты и слова любви! Нравится ли вам это – мне все равно! Этой мой ультиматум, иначе я объявляю ЗАБАСТОВКУ!!!

Ритмы клятв и молитв созвучны биению сердца!

Учиться лучше смолоду и до старости наверстывать!

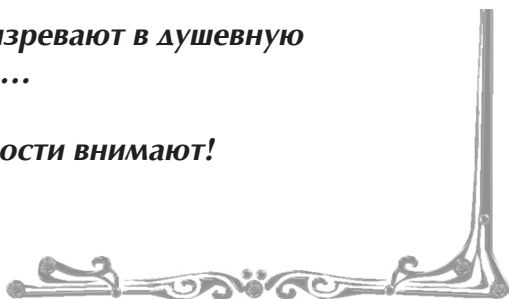
Брак по Любви – это согласие Небес на Ваше безоблачное Счастье!

Домашний уют совершенством подобен яйцу!

Все, что радует Нас, и есть слагаемые Счастья!

Невысказанные обиды вызревают в душевную злокачественную опухоль...

Силе преклоняются, мудрости внимают!

Саидамин БАКИЕВ

Родился в 1942 г. Окончил МГУ и аспирантуру при нем. Доктор технических наук, профессор. Имеет множество профессиональных публикаций, автор двух изданных в Москве книг по мерфологии. Представлен в международных биографических изданиях «Кто есть кто в мире», «Кто есть кто в Азии» и «2000 выдающихся интеллектуалов 21 столетия».

ОБЩАЯ ЧЕЛОВЕКОЛОГИЯ

Мне, Господь, неудобно просить,
но коль ясен тебе человек,
помоги мне понять и простить
моих близких, друзей и коллег.

И. Губерман

Закон Б. Замятина

Сколько человека ни воспитывай, он все равно хочет жить хорошо.

Максима Гельвещия

Море не выходит из предписанных границ. На это отваживается только человек.

Замечание Марка Твена

Человек – единственное животное, которое может краснеть и имеет для этого поводы.

Наблюдение О. Уайльда

Ничто так не льстит нашему самолюбию, как репутация грешника.

Наблюдение Томаса Манна

Человек слаб: при рукоплесканиях что-то в нем растет и ширится, а при холодном молчании сжимается.

Признание Марка Твена

Меня хвалили великое множество раз, и я всегда смущался; я каждый раз чувствовал, что можно было сказать больше.

Комплиментарный закон Бакиева

Человека перехвалить невозможно.

Принцип скромности по Питеру

Скромность – это способ услышать от других все то хорошее, что мы думаем о себе.

Правило Честертона

Если вы не испытываете желания преступить хоть одну из десяти заповедей, значит с вами что-то не так.

Рецепт богатства по Гельвещию

Если хочешь быть богатым, не помышляй увеличить свое имущество, а только уменьши свою жадность.

Пояснение Лихтенберга

Кто имеет меньше, чем желает, должен знать, что он имеет больше, чем заслуживает.

Альтернативный рецепт С. Мекебаева

Не отказывай себе ни в чем – это за тебя сделают другие.

Парадокс Б. Рассела

Нищие не завидуют миллионерам – они завидуют другим нищим, которым больше подают.

Аксиома Ч. Буковски

Разумеется, человека можно любить, – если знаешь его не слишком близко.

Красив, умен, слегка сутул,
набит мировоззрением,
вчера в себя я заглянул,
и вышел с омерзением.

И. Губерман

Замечание Г. Кула

Я знаю людей, но как хочется верить, что я ошибаюсь.

Совет Дона-Аминадо

Не старайтесь познать самого себя, а то вам станет противно.

Аксиома подобия

Мы подозреваем других, потому что слишком хорошо знаем самих себя.

Девиз С. Е. Леца

Не будем пытаться понять друг друга, чтобы друг друга не возненавидеть.

Объяснение Дж. Сантаяны

В других нас раздражает не отсутствие совершенства, а отсутствие сходства с нами.

Принцип Дж. Фаулера

Не думай, что люди против тебя; по большей части они просто за самих себя.

Парадокс С. де Мадарьяга

Если учесть, до какой степени люди дурны, нельзя не удивляться, как хорошо они себя ведут.

Аксиома Лихтенберга

Плохие люди выигрывают, когда их лучше узнаешь, а хорошие теряют.

Принцип Вольтера

Каждый человек виновен во всем том хорошем, чего он не сделал в своей жизни.

Иерархия испытаний по Сенеке

Золото пробуют огнем, женщину – золотом, а мужчину – женщиной.

Замечание Эпиктета

Если бы тебя усыновил царь, твое высокомерие не знало бы пределов, Почему же ты не гордишься сознанием, что ты сын Божий?

Максима Дж. Свифта

Никогда не следует стыдиться признать, что мы были неправы: ведь тем самым мы, в сущности, говорим, что сегодня мы умнее, чем были вчера.

Наблюдение Д. Стейнбека

Чем старше становится человек, тем более он противится переменам, особенно переменам к лучшему.

Наблюдение Г. Гейне

Чем крупнее человек, тем легче попадают в него стрелы насмешек. В карликов попадать гораздо труднее.

Афоризм «Пшекруй» в прочтении А. П. Александрова

Маленьких собак кусают маленькие блохи, больших собак – большие. Если тебя кусают очень больно – радуйся: значит, ты очень большая собака.

Постулат Менандра

Есть глубокий смысл в невысказанных словах.

Аксиома Ключевского

Высшая степень умения говорить – умение молчать

Принцип Батлера

Краткость очень хороша в том случае, если нас понимают – или если нас не понимают.

Недоумение М. Мейера

Я никогда не мог взять в толк, почему из-за того только, что я выражаюсь невразумительно, никто меня не понимает.

Аксиома скрытой правды («Пшекруй»)

Если ты все понимаешь, значит, тебе не обо всем говорят.

Закон Плавта

Всякий слышит лишь то, что понимает.

Условие взаимного понимания Дона-Аминадо

Взаимное понимание требует взаимной лжи.

Наблюдение Г. Малкина

Трудно говорить правду, если не знаешь, чего от тебя ждут.

Замечание Шарля Пеги

На свете полно порядочных людей. Их можно узнать по тому, как неуклюже они делают подлости.

Аксиома Лихтенберга

Нет, пожалуй, ни одного человека в мире, который, если бы представился случай стать мошенником за тысячу талеров, не предпочел бы остаться честным человеком за половину этой суммы.

Максима С. Хьюза

Человеку надлежит жить с самим собой и постоянно заботиться, чтобы это была хорошая компания.

Определение Ж. П. Сартра

Если вы одиноки, когда вы один, значит вы в дурном обществе.

Закон У. Шекспира

Нет времен столь тяжких, чтобы не быть честными.

Универсальный этический совет

Если не знаешь, как поступить – поступай порядочно.

Предостережение Ф. Рузвельта

Опасно недооценивать человека, который переоценивает себя.

Аксиома Э. М. Ремарка

Характер человека узнаешь лишь тогда, когда он становится твоим начальником.

Начальственный закон Бакиева

Чем больше в руководителе начальника, тем меньше в нем человека.

Закон эстетической иерархии Бакиева

Чем больше у человека власти, тем лучше у него вкус.

Максима Р. Арона

Человек разумное существо, но к человечеству это не относится.

Наблюдение Д. Джеролда

Человечество, как оказалось, неспособно решить ни одной своей проблемы, но способно пережить их все.

Французская мудрость

Предают только свои.

Гарик Губермана

Бойся друга, а не врага,
не враги нам ставят рога.

Закон Д. Лихачева

Можно притвориться богатым, или бедным, умным, или глупым, но нельзя притвориться интеллигентным человеком.

Поправка Бакиева

Талантливый актер вполне может сыграть и интеллигентного человека.

Аксиома О. Уайльда

Любовь к самому себе – это единственный роман, длящийся пожизненно.

Аксиома Б. Франклина

Влюбленный в себя соперников не знает.

Открытие А. Вулкотта

Все, что мне нравится, либо противозаконно, либо безнравственно, либо ведет к ожирению.

Предостережение Талейрана

Бойтесь первых побуждений – они бывают искренни.

Наблюдение Ларошфуко

Люди не могли бы жить в обществе, если бы не водили друг друга за нос.

Девиз Ларошфуко

Мало обладать выдающимися качествами, надо еще уметь ими пользоваться.

Баланс Лабрюйера

Тесть не любит зятя, свекор любит невестку; теща любит зятя, свекровь не любит невестку: все в мире уравнивается.

Наблюдение А. Шопенгауэра

Не будучи в состоянии обмениваться мыслями, люди перебрасываются картами.

Классификация Лайзы Керк

Сплетник – тот, кто говорит с вами о других; зануда – тот, кто говорит с вами о себе; а блестящий собеседник – тот, кто говорит с вами о вас.

Принцип непротивления злу Г. Малкина

Если тебя ударили по лицу, подставь другое.

Разумный совет В. Тшаскальского

Незаслуженно обидели – заслужи.

Наблюдение Фукидида

Невежество делает людей смелыми, а размышления – нерешительными.

Условие достижения максимума

Хочешь получить максимум – требуй невозможного.

Закон Д. Пашкова

Переживает других тот, кто не переживает из-за других.

Замечание М. Хацернова

Все люди устроены одинаково, а устраиваются по-разному.

Предостережение С. Е. Леца

Не борись с собой – все равно проиграешь.

Метод самовоспитания У. Салимбаева

Говорил же я сам себе – не делай этого...

Добавление Бакиева

...но он меня не послушался.

Правило О. У. Холмса-старшего

Если хочешь узнать, что думает о тебе твой знакомый, разозли его.

Кредо Вольтера

Подумай, как трудно изменить себя самого, и ты поймешь, сколь ничтожны твои возможности изменить других.

И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними.

Евангелие от Луки, 6, 31

Комментарий Б. Шоу

Не делай другим то, что ты хотел бы, чтобы они делали для тебя. У вас могут быть разные вкусы.

Закон К. Форнере

Одной иллюзией меньше – одной морщиной больше.

Афоризмы Козьмы Пруткова

Пороки входят в состав добродетели, как ядовитые снадобья в состав целебных средств.

Если хочешь быть покоен, не принимай горя и неприятностей за свой счет, но всегда относись к ним на казенный.

Усердие все превозмогает.

Не уступай малодушно всеобщим желанием, если они противны твоим собственным; но лучше, хваля оные притворно и нарочито оттягивая время, норочи надуть своих противников.

Знай, читатель, что мудрость уменьшает жалобы, а не страдания.
Бывает, что усердие превосходит и рассудок.
Если хочешь быть счастливым, будь им!

АСПЕКТЫ ЧЕЛОВЕКОЛОГИИ

Родители и дети

Принцип Франклина

Учи своих детей молчать. Говорить они научатся сами.

Замечание Л. Фейхтвангера

Человеку нужно два года, чтобы научиться говорить, и шестьдесят лет, чтобы научиться держать язык за зубами.

Издержки воспитания по Уильяму Федеру

Необходимость давать хороший пример своим детям лишает всякого удовольствия жизнь людей среднего возраста.

Закон К. Дарроу

Первую половину жизни нам отравляют родители, вторую – дети.

Материнский парадокс

Каждая мать надеется, что ее дочь будет счастливее в браке, чем она сама, но ни одна мать не надеется, что ее сын женится удачнее своего отца.

Парадокс В. Брудзиньского

Любопытно: с каждым поколением дети все хуже, а родители все лучше; отсюда следует, что из все более плохих детей вырастают все более хорошие родители.

Максима Пифагора

Не заставляй детей ронять слезы слишком часто, иначе им будет нечего уронить над твоей могилой.

Совет газеты «Кросс»

Чтобы поставить детей на ноги, надо, прежде всего, снять их со своей шеи.

Старинное изречение

На детях гениев природа отдыхает.

Добавление Г. Малкина

Природа отдыхает на детях гениев, а дети гениев – на своих родителях.

Первый закон наследственности

Все плохое наследуется от другого родителя.

Наблюдение Жана Кокто

Вундеркинды, как правило, дети родителей с богатым воображением.

Гистерезис Питера

Когда, наконец, понимаешь, что твой отец обычно был прав, у тебя самого уже подрастает сын, убежденный, что его отец обычно не прав.

Продолжение следует...